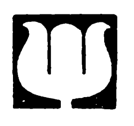
Серик Шакибаев

ПАДЕНИЕ „БОЛЬШОГО ТУРКЕСТАНА“

Серик Шакибаев

ПАДЕНИЕ „БОЛЬШОГО ТУРКЕСТАНА“

повесть-хроника

Перевод с казахского Павла Косенко

Издательство «Жазушы»
Алма-Ата—1972

Главари третьего рейха, используя кучку белоэмигрантов, изменников Родины, в 1941—1942 гг. создали в фашистской Германии ряд так называемых «национальных комитетов» и «легионов», бывших, по существу, базой германской разведки для вербовки и заброски агентуры в тыл Советской Армии.

В повести С. Шакибаева, построенной на строго документальной основе, рассказывается о том, как гитлеровцы создавали «Туркестанский национальный комитет» и «Туркестанский легион», как использовали их для своих замыслов образовать на территории Советского Казахстана и братских республик Средней Азии колонию Германской империи «Большой Туркестан». Автор страстно разоблачает «деятельность» буржуазных националистов, предавших свои народы.

Большое внимание в книге уделено советским патриотам, не склонившим головы перед врагом в самых трудных и сложных условиях, чекистам Казахстана, вступившим в борьбу с коварным врагом, простым труженикам республики, проявившим высокую бдительность, благодаря которой потерпели окончательный крах происки нацистских заправил и их агентов.

7—3—3
136—72

Каз 2+9(с)279
Ш 17

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Мягкий свет настольной лампы падает на кипу листов, лежащую на письменном столе рейхсминистра по восточным делам Альфреда Розенберга. Эта кипа — письмо, весьма обширное и обстоятельное. Видимо, оно сильно заинтересовало господина рейхсминистра — многие строки послания жирно подчеркнуты его карандашом.

Но вот Розенберг закончил чтение, отложил карандаш. Закурил. Задумался. И его взгляд привычно остановился на пепельнице-подкове. Господин рейхсминистр отнюдь не чужд некоторого суеверия, и в минуты особенно важных и ответственных раздумий за письменным столом он нередко подолгу, не отрываясь, смотрит на подкову — символ счастья.

Пока подкова не подводила Альфреда Розенберга — он удачлив, ему везет всю жизнь. Он родился в семье прибалтийского помещика, владевшего большим имением недалеко от Ревеля, и в детстве привык гордиться богатством отца, его родовитостью: далекими предками Альфреда были тевтонские рыцари. Безоблачной была и юность — Розенберг учился в Рижском политехническом институте и буйно развлекался, как подобает доброму буршу, не слишком обременяя себя изучением наук. Не очень изменила ровное течение жизни молодого Розенберга и начавшаяся война. Правда, пришлось вместе с институтом переехать в Москву, но отцовские субсидии делали жизнь сносной и в этом городе.

Потом... Вот потом магическая подкова на какое-то время перестала действовать. Пришли какие-то странные люди, называвшие себя «большевиками» — простые рабочие,

солдаты, матросы,— и разом лишили Альфреда его легкого и комфортабельного существования.

Тогда Розенберг узнал, что такое ненависть.

Он бежал с территории Советской республики и примкнул к банде авантюристов генерала графа Рюдигера фон дер Гольца, отказавшегося сложить оружие после подписания Версальского договора. Затем его видели среди окружения гетмана Скоропадского, пытавшегося создать «самостийну Украину». Но гетман, действительно, скоро пал, и неласковая судьба выбросила Розенберга на парижский берег. Чтобы не нищенствовать, пришлось завербоваться во французскую разведку.

Из Парижа он перебрался в Мюнхен, и здесь, в Германии, на земле предков, подкова вновь начала действовать. В столице Баварии Розенберг сколотил группу из «русских немцев», которых, как и его, Октябрь лишил богатства и привилегий. Злости у них было много, средств — мало, будущего — никакого. Будущее открылось перед Розенбергом тогда, когда в какой-то мюнхенской пивной он познакомился с Адольфом Гитлером. В 1921 году бывший рижский студент одним из первых вступает в ряды нацистской партии — очень редкими были тогда эти ряды. Без устали и во весь голос повторяет он лозунги молодой партии: «Сила, которая спасет мир от еврейско-большевистской заразы, возникнет в Германии, для этого необходимо создать новое германское государство», «провозгласим новый крестовый поход — против Советской России». Гитлер оценил и усердие Розенберга и меру его ненависти к большевикам, назначил его главным редактором нацистской газеты «Фолькишер беобахтер». Подкова сулила удачу, сулила большую карьеру.

А теперь всему миру известно, кто такой Розенберг. Он имперский руководитель национал-социалистической партии по вопросам идеологии и внешней политики, главный специалист по воспитанию немецкого народа в гитлеровском духе, генерал войск СС. Сравнительно недавно, 20 апреля 1941 года, фюрер назначил его государственным секретарем по вопросам, связанным со странами Восточной Европы. Несколько позже, уже после нападения на Россию, пост Розенберга был преобразован в министерский, в его ведение перешли все дела по использованию для нужд «Великой Германии» территорий, захваченных гитлеровцами на Востоке.

Пока генералы рейхсвера завершали разработку зло-

вещего «Плана Барбаросса», Розенберг со своими подручными спешно сочинял положение об управлении колониями, которые будут созданы на территории Советского Союза. А после захвата Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии на землях этих четырех советских республик по приказу Гитлера (в подготовке этого приказа рейхсминистр принял самое активное участие) была образована особая область — «Остланд». Управлять ею назначили Генриха Лозе. На Украину управителем послали имперского комиссара и оберпрезидента Эриха Коха. Эти двое стали первыми помощниками господина рейхсминистра в проведении беспощадной колонизаторской политики. Зверски истреблялись, угнетались, эксплуатировались советские люди. В этих новых колониях фатерланда хищнически грабились богатства, значительная часть населения угонялась на каторгу в Германию.

Альфред Розенберг удовлетворенно качает головой. Хотя не много времени прошло со дня создания министерства по восточным делам, однако сделано уже немало. Но еще больше работы предстоит впереди — ведь армия гитлеровской Германии неуклонно движется на Москву. Видимо, скоро предстоит создание еще нескольких «областей»-колоний.

Письмо, которое прочел рейхсминистр, потому так и заинтересовало его, что, хотя оно и было написано заключенным гестапо, неожиданно перекликалось с обширными планами, горячившими голову Розенберга. Оставить его без внимания и без последствий министр уже не мог.

Заключенный Чокаев начинал письмо с рассказа о своей жизни. Он — сын состоятельного человека. Дед его ведал делопроизводством у кокандского хана, отец был судьей. Сына он послал в Петербург учиться на юридическом факультете университета. Было это в беспокойные годы начала века. Юный Чокаев оказался на одном курсе с будущим премьером Временного правительства Керенским. Вместе они вступили в партию социалистов-революционеров.

Окончив учебу, Чокаев возвращается на родину. В годы первой мировой войны он создает среди казахской интеллигенции нелегальный кружок с программой, близкой к эсеровской и непримиримо враждебной большевикам. После падения самодержавия старый университетский товарищ, попавший в премьеры, назначает его уполномоченным Временного правительства по Туркестанскому краю.

Однако у молодого честолюбивого адвоката свои планы. С помощью своих соратников по кружку, других националистически настроенных интеллигентов и мулл он ведет агитацию за создание автономной мусульманской республики с прицелом на полное отделение ее от России в будущем. Об этом хлопочет и издаваемая им газета «Бирлик туы». После падения власти «временных» Чокаев участвует в съезде, организованном буржуазными националистами в Коканде. Съезд основал организацию «Автономный Коканд», Чокаев стал ее руководителем. Однако лишь три месяца жизни отвела история «Автономному Коканду»: повсюду в Туркестане устанавливается власть Советов. Чокаев бежит в Турцию, потом дальше — в Париж. Там вместе с другими белоэмигрантами из Туркестана выпускает журнал «Яш Туркестан», в нем ведет злобную антисоветскую пропаганду и не оставляет мечту о независимом мусульманском государстве в Туркестане, во главе которого станет, конечно, он сам...

Подробно описав свой жизненный путь, корреспондент рейхсминистра останавливается затем на национальной политике Советской власти. Колонизаторская и русификаторская политика большевиков, пишет он, в многонациональном Туркестане, где живут казахи, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, оказалась малоэффективной. Туркестанцы верны знамени ислама. Есть реальная возможность создать на территории Казахстана и Средней Азии мусульманское государство. Разумеется, только в том случае, если мусульманам Туркестана поможет Великая Германия. А благодарные туркестанцы сумеют доказать ей свою преданность.

Чтобы достигнуть этой цели, необходимо организовать из мусульман — советских военнопленных — особую армию. Задачей ее станет свержение в Казахстане и Средней Азии советской власти, захват Туркестана. Он, Чокаев, горит желанием в случае согласия господина рейхсминистра возглавить это благородное движение.

В письме Чокаева Розенберг почувствовал глубокую и горячую ненависть к большевикам, очень похожую на ту, которую испытывал сам рейхсминистр. Она, эта ненависть, заставляла с особым вниманием отнестись к плану создания с помощью нацистской Германии «Туркестанского государства». Если он, один из главных руководителей третьего рейха, одобрит предложение Чокаева, оно должно будет неминуемо претвориться в действительность. На зем-

лях Средней Азии и Казахстана возникнут новые германские колонии. Фатерланд получит добавочные тысячи тонн металла и нефти, мяса и молока, хлеба и шерсти. И, возможно, они-то и окажутся решающим подкреплением, необходимым для победы над коварным Альбионом.

Раздумья над кипой листов и пепельницей-подковой вели к логическому выводу. Рейхсминистр принял решение. И именно в этот момент он нажал кнопку вызова. Безмолвный секретарь молниеносно возник перед шефом.

— Пригласите фон Менде,— не поднимая головы, произнес Розенберг.

Начальник одного из отделов министерства фон Менде также появился в кабинете министра с быстротой невероятной. Удивительно было то, что он при этом вовсе не выглядел спешащим,— наоборот, его движения были неторопливы, даже медлительны.

— Садитесь, профессор,— проговорил Розенберг.— Нужно посоветоваться. Прочтите это письмо.

Фон Менде вынул из кармана очки, аккуратно протер их и, водрузив на вдумчивый нос, погрузился в чтение. Затягиваясь дымом сигары, Розенберг пытался определить по лицу подчиненного, какое впечатление на него производит письмо Чокаева, но на лице начальника отдела и сейчас, как всегда, сохранялось обычное его выражение, должно быть, специально выработанное. Его можно было прочесть как сочетание вдумчивости ученого и чиновничьей готовности исполнить свой долг. И — ничего больше.

Когда фон Менде отложил листы и снял очки, Розенберг нетерпеливо спросил:

— Ваше мнение?

После маленькой паузы профессор ответил:

— Стоит подумать.

Хозяин привык слышать в ответе то, что хочет услышать. Розенбергу в словах фон Менде послышалось безусловное одобрение чокаевского проекта. На самом деле у начальника отдела возникли немалые сомнения, но, видя настроение своего шефа, он остерегся высказывать их.

— Я решил выполнить просьбу Чокаева,— сказал Розенберг, окидывая фон Менде начальственным «испытующим» взглядом.— А вы что думаете по этому поводу?

— О-о, мужественное решение. Если фюрер одобрит его, то вы вправе считать, что сделали для империи большое дело.

— Как вы сказали? Вы полагаете, что фюрер не одобрит моего плана?

— Что вы, я хорошо знаю, как доверяет вам фюрер. Но не вступает ли этот проект в противоречие с «Планом Барбаросса»? Ведь по нему наши войска должны дойти до Волги и остановиться на ней именно для того, чтобы отгородиться от азиатской России. А теперь перед нами возникают проблемы Казахстана и Средней Азии.

— Это не препятствие. Если нам удастся еще в ходе войны организовать через Чокаева волнения в советских республиках Средней Азии и Казахстана, то это будет великолепный пропагандистский козырь: мы на весь мир закричим, что нерусские национальности Советского Союза ненавидят Советы, что сталинское государство разлагается изнутри. Пусть все эти азиаты убедятся, как опасен им большевизм. А какой это великолепный повод провозгласить, что в Россию мы пришли не как агрессоры, а как спасители народов, страдающих от русского большевистского деспотизма! Поняли, профессор? Это большая политика!

Фон Менде еще больше уверился, что выражать министру сомнения не стоит.

— О, вот как! Вы осветили проблему во всей ее широте. Действительно, это большая политика!

Теперь на лице начальника отдела к вдумчивости и готовности присоединились еще горячее восхищение глубиной мысли шефа. Заметив это, Розенберг повеселел.

— Есть еще какие-нибудь возражения, герр скептик?

Фон Менде понизил голос:

— Что вы, екселенц, какие могут быть возражения. Проясните мне лишь одну деталь. Мы ведь поддерживаем союзную Японию в ее стремлении установить новый порядок в Азии. Не вызовет ли то, что мы закрепимся на территории Казахстана и среднеазиатских республик, недовольство наших японских союзников?

— Что нам до их недовольства! И, во-первых, речь определенно шла лишь о восточной Азии. Вопросы Средней Азии и Казахстана самураев не касаются. А во-вторых, созданный нами «Туркестан» сам призовет на помощь для борьбы с большевиками Великую Германию. Великую Германию, а не японцев! Нет, профессор, тут сомневаться не в чем.

— И последнее, господин рейхсминистр. А освободит ли Чокаева Гиммлер? Ведь если внимательно прочесть письмо, то становится совершенно ясно: этот господин, прося-

щий вашего покровительства, активно сотрудничал с «Интеллидженс сервис». И даже если гестапо освободит его, можем ли мы доверять такому человеку?

Вот эта-то мысль и беспокоила, словно зубная боль, Розенберга все время. И фон Менде он вызвал, в основном, затем, чтобы проверить: заметит ли тот по письму Чокаева, что корреспондент министра еще недавно ставил на англичан и был с ними связан. Сам Чокаев об этом, разумеется, и не заикался, но Альфред Розенберг не был младенцем в политике. Оказывается, легко заметил грех Чокаева и фон Менде. Но министр не должен показывать своих сомнений подчиненным. И голос Розенберга прозвучал по-прежнему уверенно.

— Я думал об этом, профессор. Но ведь Чокаев находится в «превентивном заключении». Вам хорошо известно, что ему подвергаются лица, чья вина не доказана, что оно является предупредительной мерой. Вряд ли Чокаев нанес какой-нибудь ущерб третьему рейху. Если же он и был в прошлом связан с англичанами, то человеку, столь ненавидящему Советы, это можно простить. Я полагаю, что мы должны его использовать в интересах Германии.

Но как бы уверенно ни говорил Розенберг, в душе его уверенности не было: он не знал, как отнесется к этому делу Гиммлер. Надо посоветоваться с Генрихом, подумал он.

2. Главное имперское управление безопасности (РСХА) поручило решить судьбу Чокаева штандартенфюреру СС Гайнцу Грефе, который возглавлял отдел 6-Ц знаменитого разведывательного управления. Отдел 6-Ц являлся основным центром организации немецкого шпионажа в Советском Союзе и странах Востока. Грефе работал здесь много лет и стал опытнейшим «специалистом по Востоку» в нацистской разведке.

Ревностный служака, Грефе рьяно взялся за выполнение ответственного поручения, тщательно изучил поднятое из архива дело Чокаева и даже вызвал из концлагеря заключенного на допрос. Грефе, обычно начинавший допрос с вопроса: «Как фамилия?», почему-то на этот раз не задал его, а напротив — решил обратить внимание заключенного на то, что он его хорошо знает, хотя раньше не встречал.

— Ну, как себя чувствуете, господин Чокаев? — спросил Грефе на чистом русском языке, не отрывая глаз от вы-

сокого, плотного человека с аккуратно подстриженными усами.

Заключенный сразу не разобрался, искренне ли нацист интересуется его самочувствием или дразнит его, поэтому ограничился кратким, сухим: «Неплохо».

— Что же, тогда приступим к делу,— заявил штандартенфюрер СС, бросая окурок сигареты в пепельницу.

Заключенный насторожился.

— Более года назад, находясь в парижской тюрьме, вы почему-то, вопреки очевидности, не признали себя виновным в преступлениях, совершенных против Германской империи. Ваши тогдашние показания лежат передо мной. У всех нас долго не находилось времени продолжать расследование вашего дела — мы были очень заняты. Теперь наконец нашлось. Доследование поручено мне. Вы, господин Чокаев, избавите меня и себя от больших хлопот, если, не скрывая, расскажете о вашей деятельности, направленной против третьего рейха. Вашу судьбу решат ваши ответы.

Сердце Чокаева упало. Не на это он рассчитывал. В последние дни он ждал ответа на свое письмо, посланное Розенбергу. Сегодня рано утром, когда его взяли из лагеря и привезли в Берлин, он подумал, что наступил наконец день, которого он ждал более двадцати лет. Он не сомневался, что вызов — следствие его письма Розенбергу. Он рассчитывал, что в имперском управлении безопасности ему сразу же скажут о его невиновности и освободят. Но поведение нациста ничего хорошего не предвещало. «Что же это? Что будет?» — забеспокоился Чокаев.

Знакомство с делом Чокаева и личное впечатление от него уже подсказали опытному контрразведчику определенное решение. Но он вовсе не собирался показывать его пленнику с самого начала допроса. А допрашиваемый между тем обливался потом.

— Господин следователь! — произнес он наконец.— Клянусь, я не совершал ничего враждебного интересам Германии. Вся моя жизнь была посвящена борьбе с Советами.

—Ну, если бы мы не знали о вашей борьбе с Советами, боюсь, что я был бы лишен удовольствия беседовать сейчас с вами. В данный момент мы говорим не об этом. Мы знаем, что вы являлись агентом «Интеллидженс сервис» и хотим знать, какие задания, направленные против нашей страны, вы получали от английской разведки.

— Да, я действительно был завербован «Интеллидженс сервис». Но, поверьте, никаких заданий, связанных с Германией, я не получал. Это правда.

— Господин Чокаев! — Грефе повысил голос.— Не считайте нас дураками. Вранье от правды мы как-нибудь отличим. Война между Англией и Германией продолжается. Кто поверит, что «Интеллидженс сервис» не использует своих агентов против нас? Вижу — признаваться вам трудно, страшно. Но придется, господин Чокаев!

Арестант почувствовал, как что-то сжимает его сердце.

— Даю слово, еще раз даю слово — я никогда не совершал ничего враждебного интересам Германии.

Грефе вскочил. Упрямство заключенного по-настоящему начинало злить его.

— Если вы ничего не имеете против Германии, то почему вы с англичанами? Вы что — ребенок? Потрудитесь объяснить! — почти прокричал он.

От крика следователя Чокаев окончательно растерялся. В голову не приходил ни один сколько-нибудь подходящий ответ. Лезло что-то совсем постороннее, неуместное. Так он заметил, что следователь, собственно, довольно молод, значительно моложе его, Чокаева, пожалуй, нет ему еще и тридцати.

— Потрудитесь отвечать! — пролаял Грефе.

— Мне трудно объяснить вам коротко,— медленно сказал Чокаев.— К англичанам меня привели беды моей родины. Я возлагал на Англию все надежды на освобождение моего Туркестана от большевиков.

Грефе, который минуту назад был, казалось, готов избить допрашиваемого, внезапно широко ухмыльнулся:

— Не сомневаюсь, что у вас есть счеты с большевиками. Однако пытаться свести их с помощью англичан — просто смешно.

Еще год назад такая усмешка вызвала бы у Чокаева лишь легкое презрение. Англия и Франция были, по мнению бывшего туркестанского адвоката, наиболее яростными врагами советской власти. На это у них имелись причины. Из иностранных капиталовложений в русский уголь и металл доля Англии и Франции составляла семьдесят два процента. Два этих государства контролировали добычу половины русской нефти. Чокаев знал, что на его родине недра Экибастуза, Караганды, Риддера, Джезказгана принадлежали английскому мультимиллионеру Лесли Уркварту, который много лет хищнически эксплуатировал их, вы-

жимая золото из пота своих рабочих. Уркварт и его коллеги не могли примириться с потерей такого богатства. После Октября по их приказу правительства Англии и Франции вооружали Колчака и Деникина, Юденича и Пилсудского, Петлюру и Врангеля и направляли их против молодой Советской республики. Чокаев помнил, что Англия только на оснащение и поддержку армии Деникина истратила сто миллионов фунтов стерлингов, и ненависть к Октябрьской революции превращала в его глазах эту «помощь», продиктованную корыстью, в благородный гуманный акт. В 1917 году англичане признали и поддержали возглавлявшийся Чокаевым «Автономный Коканд», позже они ввели в Туркестан свои войска. То, что английские интервенты потерпели поражение от Красной Армии, больно ударило Чокаева. Утешал он себя тем, что проиграли не одни его покровители — молодая Советская республика дала сокрушительный отпор оккупантам всех четырнадцати держав, объединившихся для похода на страну Советов.

Но военное поражение не образумило и не успокоило английских империалистов. Они продолжали мечтать о кавказской нефти, об узбекском хлопке, об угле и металлах Казахстана. Поэтому и связался Чокаев с «Интеллидженс сервис» и в качестве ее агента вел подрывную работу против Советской страны. Он не сомневался, что рано или поздно английский империализм начнет войну с Советским Союзом, отнимет Туркестан у большевиков и отдаст его ему и его друзьям. За это Чокаев был готов дорого платить. Он заключил с англичанами тайное соглашение, по которому в обмен на военную помощь обещал предоставить своим хозяевам концессии в Караганде и Джезказгане на чрезвычайно выгодных для них условиях.

Во все это Чокаев верил много лет. Но последние два года вдребезги разбили эту веру. Франция оккупирована гитлеровцами, Англия не может приподнять голову из-за нацистских бомбардировок. Теперь сила на стороне Германии. Грефе вправе смеяться над ним. Он ошибся, он поставил не на ту карту.

— Вы правы, господин следователь. Я слишком переоценил силу англичан. Однако, хотя и поздно, я осознал свои заблуждения и готов отдать всю свою оставшуюся жизнь их искуплению, непримиримой борьбе с большевиками под руководством Германской империи.

Чокаев с радостью отметил, что на этот раз следователь улыбнулся не насмешливо, а с удовлетворением и

вновь опустился в кресло. Однако Грефе еще не закончил проверки. Опять нахмурившись, он сказал:

— Звучит не очень убедительно, господин Чокаев. Повторяю, вы не мальчик. Почему же вы с вашими знаниями и опытом так поздно пришли к пониманию того, что только сотрудничество с нами может вернуть вам вашу родину? Надо быть слепым, чтобы не понять, за кем сила. В марте 1939 года мы, не встретив никакого сопротивления, оккупируем Чехию. В сентябре мы с легкостью разгромили Польшу. В прошлом году мы без единого выстрела занимаем Данию, а затем захватываем Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург. Франция, считавшая себя великой державой, падает под нашими ударами словно карточный домик. Весной нынешнего года мы шутя сбрасываем неугодные нам режимы в Болгарии и Югославии. Европа у наших ног, англичане трепещут при мысли о нашем вторжении на острова. Наконец, 22 июня мы переходим русскую границу, и сейчас наши доблестные войска приближаются к Москве. Нет в мире ни одного человека, который не знал бы, что Германия фюрера стремится всюду искоренить большевизм и установить новый порядок. Не старайтесь меня уверить, будто бы вы не понимаете, что англичане сейчас сходят с ума от наших бомбежек, что им совершенно не до вас. И тем не менее вы продолжаете цепляться за них до сих пор. Это ли доказательство вашей любви к Германии?

У успокоившегося было Чокаева почва вновь поплыла из-под ног. «Если я не сумею убедить следователя — конец всему»,— подумал он.

— Господин офицер! Вашу силу я оценил уже давно и давно понял, что все мои надежды на освобождение моей многострадальной родины связаны только с вами. Но что мне было делать? Войдя в Париж, вы не только отвергли мою дружески протянутую руку, но и заключили меня в концлагерь. Идет война с Советами, а я, яростный, давний враг Советов, сижу в вашем концлагере! Это парадокс, господин следователь! Совершенно отчаявшись и измучившись, я направил искреннее письмо господину Розенбергу с некоторыми предложениями, но ответа до сих пор не получил... Я навсегда порвал с «Интеллидженс сервис». Мой ум, мой опыт, вся моя жизнь принадлежат вам. Верьте, я ваш друг. Верьте моему преданному сердцу...

Чокаев говорил так быстро, что у него перехватило дыхание. Он замолчал и опустил голову.

Грефе задумчиво посмотрел на него. Да, пожалуй, пора кончать допрос. Сейчас арестант, несомненно, искренен. Сомневаться в силе его ненависти к большевикам не приходится — они отняли у него власть, а власть это то, что больше всего любит, к чему больше всего стремится этот человек, наверняка узнавший в годы изгнания и голод и унижения. Документов, доказывающих, что заключенный по поручению «Интеллидженс сервис» принимал участие в каких-либо антигерманских акциях, нет. Да и какое это теперь имеет значение? Нужно думать не о прошлом, а о будущем!

— Кстати, с вашим письмом к рейхсминистру я знаком,— негромко произнес Грефе. Чокаеву, быстро поднявшему голову, показалось, что следователь хитро подмигнул ему.— Над некоторыми проблемами, которые вы подняли, стоит подумать. Конечно, только в том случае, если вы написали его абсолютно чистосердечно.

Чокаев, уже прощавшийся с жизнью, почувствовал, как все его существо захлестывает бурная радость. От волнения он даже стал заикаться.

—К-клянусь — т-только правда. От чистого сердца, — арестант поднес руку к груди.— Готов выполнить любой п-приказ...

— Что ж,— благосклонно ответил Грефе.— Вашу просьбу мы не оставим без внимания.

Через несколько часов заключенный Чокаев вышел на свободу.

3. Купив в магазине новый костюм, рубашку, белье и переодевшись, смыв в душевой пот и запахи заключения, побывав в парикмахерской, Мустафа Чокаев, как указал ему Грефе, направился в гостиницу «Френкишер гоф». Стоило ему назвать свою фамилию, как хозяин с величайшей предупредительностью отвел его в номер.

— Надеюсь, эта комната понравится господину Чокаеву,— угодливо сказал он, распахивая двери.

После лагерного житья гостиничный номер показался Чокаеву роскошным. Да он и в самом деле был весьма комфортабелен: большая кровать, диван, зеркальный шкаф, круглый стол, покрытый белоснежной скатертью, пейзажи на стене, ковры на полу...

— Недурно, недурно,— процедил Чокаев. Снисходительная интонация далась ему с трудом, но надо было при-

выкать к ней, надо было учиться тону человека, привыкшего к комфорту, к заискивающим улыбкам слуг.

— Тогда, пожалуйста, располагайтесь. Если что-нибудь понадобится, вот кнопка для вызова слуг. Вход в ресторан внутри гостиницы,— хозяин согнулся в глубоком поклоне и исчез.

Мустафа подошел к зеркалу. В нем отразился высокий человек в расцвете сил, немало испытавший в жизни, но не сломленный испытаниями, наоборот, готовый к новым. Костюм сидел хорошо, делал своего владельца элегантным. С удовлетворением Чокаев отметил, что никому при взгляде на него не придет в голову, что он только что вышел на свободу после годичного заключения.

«Все это может означать только одно,— размышлял Чокаев.— Мое предложение принято, немцы решили создавать армию из туркестанцев и поручить это дело мне. Итак, моя двадцатитрехлетняя борьба с Советами вступает в новую и, будем надеяться, последнюю фазу. Германская разведка, безусловно, потребует самого тесного контакта с ней. Пусть — за ними сила. Но за это они помогут мне очистить Туркестан от большевиков и стать во главе его».

В зеркале отражалась широкая кровать с очень мягкой — даже на взгляд это можно было узнать — постелью. На секунду Мустафа почувствовал искушение прилечь — так надоели ему жесткие лагерные нары. Но он тут же прогнал искушение. «Нечего разнеживаться. Я и так долго «отдыхал», упустил много драгоценного времени. Надо действовать!».

Вспомнилась жена, Мария Яковлевна. Как она там, в Париже? Вероятно, беспокоится о его судьбе. Мустафе вдруг показалось, что он так же любит Машу, как в те давние времена, когда ради нее он пошел на ссору с соратниками, корившими его женитьбой на русской, когда ради нее он бежал во Францию, хотя борьба с большевиками была еще в разгаре. Ну и что ж, он оказался прав,— та борьба кончилась поражением, а он сохранил себя для будущих битв и теперь вот вернется в родной край как законный вождь Туркестана. Он перенес много невзгод и страданий, но разве не счастлив он сейчас?

Чокаев присел к столу и быстро написал письмо Марии Яковлевне. Он коротко рассказал о своем освобождении, намекнул, что ему предстоит важная и ответственная работа, похвастался, что, видимо, встретится в ближайшие дни с самим Альфредом Розенбергом, пообещал вскорости

прислать деньги. Отложив перо, почувствовал, что очень голоден. Отправился в ресторан, бросив по пути письмо в почтовый ящик.

В ресторанном зале было малолюдно. Официанты, собравшись в кружок, беспечно болтали. Чокаев окинул глазами зал, ища подходящий столик, когда внезапно услышал громкий оклик:

— Мустафа-бек!

Чокаев поднял голову и увидел спешащего к нему мужчину в черном костюме, которого он первоначально принял тоже за официанта. Это был человек лет тридцати пяти-сорока, выше среднего роста, широкоплечий, худощавый, стройный, с очень черными волосами, бровями, глазами и очень белой кожей лица. Человек приблизился, и Чокаев наконец узнал его.

— Неужели это ты, Вали?

— Он самый, Мустафа-ага!

Перед Чокаевым стоял ташкентский узбек Вали Каюм. В 1922 году, семнадцатилетним, он вместе с семьюдесятью другими молодыми ребятами из Средней Азии приехал учиться в Германию. Договорился об организации этой учебы с германским правительством известный пантюркист Галимжан Идриси. Вали должен был учиться на юриста, но, провалившись на экзаменах, кое-как устроился на сельскохозяйственный факультет. Шли годы. Большинство приехавших, окончив университеты и институты, несмотря на все старания Идриси, вернулись на Родину. Но кое-кто поддался ядовитой пропаганде Галимжана и отказался от возвращения. Среди таких оказался и Каюм. Он принял германское подданство. В конце 20-х годов он познакомился с Чокаевым и помогал ему выпускать журнал «Яш Туркестан». Последнее время Мустафа ничего не знал о нем.

— Замечательно! — воскликнул Чокаев.— Если джигиту повезет, навстречу ему выйдет сноха. Знаешь такую казахскую пословицу?

— Конечно, знаю, Мустафа-ага!

— Ну, а если знаешь, то пойдем посидим. Вовремя ты встретился.

Они выбрали стол у окна, стоявший несколько отдельно от других. Увидев заспешившего к ним официанта, Чокаев спросил Вали:

— Ты не торопишься?

— Нет, сегодня я совершенно свободен, могу пробыть с вами сколько вы захотите, Мустафа-ага.

— Совсем хорошо. Разговор у нас будет длинный.

Заказав обед и вино, Чокаев принялся расспрашивать собеседника о его делах. Дела у Каюма были так себе. Работал он в Восточном отделе Министерства пропаганды. Работы не так уж много, денег тоже. Особых перспектив тоже не видно.

— Значит так, мальчик.

— Так, ага. А как вы? Откуда вы теперь? — осторожно спросил в свою очередь Каюм.

— Э-э, мальчик. Не дай тебе аллах пережить того, что я пережил за последний год. Совсем уж собрался отправляться на тот свет.

— А что с вами было? Или сильно болели? — задал новый вопрос Вали, делая вид, что он ничего не знает о недавних злоключениях Чокаева. В действительности же в Берлине не было ни одного туркестанского националиста, который не знал бы о них.

— Что болезнь! Хуже болезни то, что со мной было. Больше года продержало меня гестапо.

— Сохрани бог от этого! За что же?

— Вышло это по недоразумению. К счастью, мне удалось оправдаться и меня освободили с почетом.

— Разве можно было сомневаться, что тем дело и кончится. Вы же человек полезный для Германии!

Подошел официант с подносом. Он поставил перед собеседниками еду, разлил вино по рюмкам и молчаливо удалился.

— Да, Вали! — Мустафа поднял рюмку. — Германия фюрера справедлива! С ней все наши надежды! Выпьем за фюрера!

Каюм был не из тех, кого нужно упрашивать выпить, и тут же опрокинул рюмку. Чокаев тоже выпил и с жадностью набросился на еду. Немного насытившись, он спросил:

— Галимжан здесь? Встречаетесь с ним?

— Здесь. По-прежнему служит в Министерстве иностранных дел. Видимся время от времени.

— Служба его меня мало интересует. Чем-нибудь еще он занимается?

— Нет,— Каюм даже покраснел.— Стыдно признаться, но с тех пор, как мы потеряли связь с вами, никто из нас настоящей работы не вел. И было нас немного, да еще половина разбежалась. Где они — неизвестно. Совсем недавно встретил Галимжана, спросил, что будем делать даль-

ше,— молчит. Живем, чтобы день прожить, о будущем не задумываемся.

— Щенята,— зло проговорил Чокаев.— Я так и думал. Ничего без меня не можете.

— А что мы можем делать? У нас же ничего нет.

— Если ребенок не плачет, кто догадается дать ему соску? Если мы не приложим сил, кто вернет нам Туркестан? Если Туркестан захватят немцы, он и будет немецким. А если с помощью немцев возьмем его мы, то он будет нашим. Неужели это трудно понять?

— Я понимаю, Мустафа-ага.

— А если понимаешь, почему не действуешь? Ну, Галимжан стар, а ты? Чего тебе не хватает?

Каюм, покраснев, сидел как провинившийся ученик перед учителем, искал слова оправдания и не мог найти их.

— Хорошо, что я остался жив,— угрюмо продолжал Чокаев, разливая вино по рюмкам.— Умру — некому будет думать о мусульманском Туркестане.— Вдруг он улыбнулся.— Ладно, Вали, поднимай, выпьем.

— За что выпьем, ага?

— За что? За то, чтобы мои планы скорей претворить в жизнь.

— Какие планы, ага?

— Слушай,— Мустафа выпил, отставил рюмку, положил тяжелую ладонь на руку Каюма.— Я создам из военнопленных казахов, узбеков, туркмен, таджиков, киргизов — туркестанскую армию. Этим объявляю войну большевикам Туркестана. Это мой план. Сейчас он рассматривается правительством рейха.

— Когда же вы приступите к его выполнению? — тихо спросил Каюм.

— Полагаю, что завтра меня примет господин Розенберг и вручит соответствующие полномочия. Это и станет началом моей кампании.

— Мустафа-ага! Вы ведь не один же будете работать над осуществлением своего плана?

— Конечно, нет. Помощники найдутся.

— Мустафа-ага! Возьмите в помощники меня! Прошу вас! Не пожалею сил, как тогда, когда работал с вами в журнале!

Вали говорил задыхаясь от волнения. Чокаев посмотрел на него, и ему стало смешно. «Щенок! Понял, какие перспективы открываются передо мной и спешит пристроиться».

— Посмотрю,— сказал он. Но Вали глядел ему в глаза так умоляюще, что Мустафа смягчился.— Ладно. Возьму.

Чокаев не мог знать, что этими словами он подписал себе смертный приговор.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Назавтра, после недолгого, но весьма неприятного для Чокаева разговора, который кончился подписанием одного документа, Грефе привел Мустафу на Гегельплац, в здание министерства по восточным делам. Сказав: «Посиди, когда понадобишься — вызовут»,— нацист вошел в кабинет министра, оставив Чокаева наедине с вышколенным секретарем. Подчиняясь приказу, Мустафа сел, но сидел как на иголках, сгорал от нетерпения, и при первом же звонке вскочил вместе с секретарем. Секретарь молниеносно исчез в дверях министерского кабинета, но мгновенно так же выскочил и поднял трубку внутреннего телефона.

— Алло! Господин профессор! Вас приглашает рейхсминистр.

Разочарованный Чокаев снова уселся на диван. В кабинет прошел высокий, светловолосый и худощавый немец лет сорока. Хотя шел он быстро, это не мешало ему всем своим видом выражать чувство глубокого самоуважения.

— Разрешите задать вам вопрос? — обратился Чокаев к секретарю. Тот недоуменно поднял брови.— Кто этот господин?

— Начальник отдела министерства фон Менде.

«Вот дьявол, он, наверно, надолго задержит Розенберга»,— раздраженно подумал Мустафа. Попытался устроиться на диване поудобнее. Внезапно ему вспомнилось, как давно, целую жизнь назад, он однажды тоже ждал приема у важного, очень важного лица. Было это в Петрограде в 1917 году. Но в отличие от Розенберга старый университетский друг Саша Керенский не заставил его долго ждать. Он горячо обнял однокурсника и с ходу предложил ему портфель в своем Временном правительстве. Мустафа со смехом отказался:

— Мне не нравится, что твое правительство — временное.

Александр Федорович был человеком настроения. Он рассердился и с трудом сдержал раздражение. Довольно хмуро спросил:

— Какой же пост ты хотел бы занять? Не можешь же ты оставаться наблюдателем в эти славные и грозные дни.

Чокаев ответил, что хотел бы работать в родном краю. Керенский сейчас же смягчился и тут же назначил друга уполномоченным Временного правительства по Туркестанскому краю.

— Хоть ты и смеешься над «временностью» моего правительства, а все же стал его официальным представителем,— улыбаясь, сказал он.

Эх, другая эпоха, другие люди. Альфред Розенберг — не Александр Керенский. Обнимать Мустафу он не станет, в министры не пригласит...

Снова прозвенел звонок. Секретарь вновь повторил свой стремительный полет в кабинет и обратно и сказал Чокаеву:

— Войдите, вас вызывает рейхсминистр.

Огромный кабинет, пол которого был устлан коврами, показался Мустафе похожим на поле, и подобно копнам в поле, высились в его конце три неподвижных фигуры. Он приблизился, склонился в поклоне перед одним из сидевших — с лицом белым, как мел, и очень тонкими — ниточкой — бровями,— в котором сразу же узнал ближайшего сподвижника Гитлера.

— Господин Чокаев,— представил его Грефе.

Розенберг даже не кивнул в ответ, властным жестом указал на свободное кресло и, не дожидаясь, пока Мустафа усядется, начал:

— Мы прочитали ваше письмо. Мы познакомились и с вашей биографией и с вашим предложением. Повторять их сейчас излишне. Придерживаясь буквы закона, вас следовало бы не выпускать из заключения. Но учитывая ваше раскаянье и вашу — верим — искреннюю готовность бороться с большевиками, мы решили дать вам возможность попытаться осуществить свой план. Надеемся, что вы оправдаете наше доверие. Помните, что если вы его не оправдаете, то вряд ли кто-нибудь станет завидовать вам.

Мустафа, несмотря на свои годы, вскочил с кресла так, будто его подбросила пружина.

— Дорогой господин министр! Я глубоко признателен вам. Перед портретом фюрера клянусь,— Чокаев патетически поднял руку,— отдам все силы, чтобы оправдать ваше доверие. Не сомневаюсь — при вашей высокой поддержке я создам мою армию. Армию Туркестанского государства. И народ Туркестана будет бесконечно благодарен

великой Германии за ее историческое покровительство и никогда не забудет имени государственного мужа, принявшего это великое решение!

Розенберг был весьма падок на лесть, и пылкость благодарности Чокаева приятно пощекотала его самолюбие. Но внешне он ничем не проявил своих чувств и продолжал говорить так же размеренно и холодно.

— Вы обязаны правильно понять нас. Мы ведем великую борьбу на два фронта — и побеждаем. Для того,чтобы окончательно уничтожить сталинское государство, мы не нуждаемся ни в чьей помощи. И если мы заинтересовались вашим планом, то совершенно бескорыстно, только потому, что третий рейх готов помочь народам, страдающим под игом коммунистического деспотизма. Это есть гуманность. Мы готовы проявить ее. Если у вас будет что-нибудь получаться, мы поможем вам отобрать у большевиков Туркестан. А теперь садитесь. Есть у вас какие-нибудь дополнения к вашему плану? Просьбы?

— Да, господин министр. С вашего разрешения я немедленно приступаю к формированию Туркестанской армии. Но одеть, накормить, вооружить мою армию я, как вы понимаете, не в силах. И здесь...

— Об этом беспокоиться нечего. Я уже сказал, что, если у вас что-нибудь будет получаться, мы окажем нужную помощь. Все зависит от вас самого,— нахмурился Розенберг.

— Понял, господин министр, понял. Теперь еще один вопрос, связанный с предыдущим. Для подъема боеспособности армии, как это отлично знает господин министр, огромное значение имеет дух солдат. Я верю, что найду для ее частей и способных командиров и способных пропагандистов. Но мне кажется, что в интересах дела следовало бы создать для них какие-нибудь учебные курсы, где бы они могли познакомиться с теорией и практикой национал-социализма.

Лицо Розенберга приобрело благожелательное выражение.

— О, это верно, это очень верно! Только армия, воспитанная в национал-социалистском духе, действительно непобедима. Мы позаботимся о создании подобных курсов или школы, и весь командный состав Туркестанской армии должен пройти обучение там.

— Благодарю вас, господин министр! — Чокаев вновь наклонил голову, радуясь, что, кажется, угодил Розенбергу.

— Еще что-нибудь?

— Еще один важный вопрос. Нужно установить сроки, когда Туркестанская армия вступит в войну. Как вы хорошо понимаете, господин министр, формирование и подготовка армии потребует определенного времени. Поэтому мне кажется, что не следовало бы вводить мою армию в бой до того момента, когда доблестные немецкие войска вступят на территорию Туркестана. Вот тогда моя армия вступит в сражение. Народ Туркестана много лет отравляли ядом большевизма, и то, что освободителями родного края окажутся солдаты-туркестанцы, послужит сильным противоядием против этого яда.

— Вам придется весьма спешить,— усмехнулся Розенберг,— чтобы не опоздать. К границам вашего Туркестана немецкая армия выйдет скоро.

— Приложим все силы, чтобы успеть,— ответил Мустафа.

Подал реплику фон Менде, понявший, что рейхсминистр относится к своему посетителю, в общем, благожелательно:

— Господин Чокаев, видимо, твердо верит в свою идею. Можно надеяться, что она принесет хорошие плоды.

— Посмотрим,— сказал Розенберг и повернулся к Чокаеву.— У вас все?

— Последнее, господин министр. Я займу у вас только одну минуту. Мне хотелось бы получить ваше согласие на привлечение в качестве моего помощника одного эмигранта, человека, преданного великой Германии и фюреру.

Розенберг недовольно вскинул тонкие брови («я же дал понять, что прием окончен») и холодно произнес:

— Этот вопрос решите с господином фон Менде. Перед господином профессором вы будете отчитываться о проделанной работе. Давать вам инструкции будет также он. Прощайте!

Чокаев встал, глубоко поклонился. Недовольство всесильного министра он хорошо заметил и решил не говорить больше ни слова.

— Завтра зайдете ко мне в десять,— сказал ему фон Менде.

Чокаев вышел из кабинета. Немного погодя за ним последовал и молча просидевший весь прием Грефе.

— Этого горячего коня надо придерживать,— проговорил фон Менде, кивнув в сторону двери.— Вы обратили внимание, господин рейхсминистр, сколько раз он повто-

рил «моя армия». И это еще не приступив к делу, только что выйдя из гестапо...

Лицо Розенберга сохранило недовольное выражение. Не глядя на собеседника, он четко сказал:

— Не будет никакой самостоятельной Туркестанской армии, ни Туркестанского государства. Туркестану суждено стать колонией Великой Германии, ее сырьевой базой. И вы, профессор, должны твердо внушить это Чокаеву.

—

2. Мустафа вышел из министерства в полдень. Улицы были полны людей, настоящие людские потоки выливались на Гегельплац. Казалось, что все четыре с половиной миллиона жителей Берлина спешат сюда. Но стихия этих потоков была дисциплинированной: едва зажигался красный свет, как спешащая толпа мгновенно замирала, чтобы пропустить перед собой автомобили.

«Да, это подлинный центр мира,— думал Чокаев, присоединившись к одному из этих могучих и аккуратных потоков.— И мое место здесь. Мне повезло, мне очень повезло. С Розенбергом я договорился, можно начинать борьбу».

Но через несколько минут его радостное возбуждение сменилось чувством страшной усталости — разговор с министром стоил ему нервов. Ему захотелось скорей добраться до гостиницы и отдохнуть.

В номере он лег на диван и вздохнул: «Если бы сейчас со мной был Заки». Мечта всей его жизни обретала плоть, дело получало большой размах, и нужны были рядом соратники масштабом под стать его размаху. А если Мустафа Чокаев считал себя призванным историей вождем туркестанского народа, то Заки Валидова он признавал вождем народа башкирского. Вместе, плечом к плечу, боролись они с большевиками. Но теперь Заки далеко — в Турции. Хотя Мустафа и надеялся на встречу с Валидовым, но очевидно — до завтрашнего разговора с фон Менде она не произойдет, а как бы хорошо именно перед этой важной беседой посоветоваться со старым другом, договориться с ним о совместных действиях...

В те беспокойные дни, когда Чокаев создавал «Автономный Коканд», Валидов при поддержке сабель атамана Дутова пытался организовать в башкирском Зауралье буржуазную республику, получившую название «Малой Башкирии». Однако армия Дутова, на которую Заки возлагал такие надежды, была разбита красногвардейцами, а сам

атаман бежал. Руководители «Малой Башкирии» попали в руки большевиков.

Мустафа считал старого друга погибшим и, когда через четыре года тот в башкирском национальном костюме, так экзотически выглядевшем в центре Парижа, вошел в квартиру Чокаева, на секунду подумал, что перед ним привидение. Опомнившись, он обнял товарища и промолвил: «Долго тебе жить — я ведь тебя в покойники записал с той поры, как ты в лапы красных попал».

— Аллах спас меня тогда,— вздохнул Валидов и за чаем поведал свою одиссею.

В ожидании суда и расстрела он просидел два месяца в оренбургской тюрьме, но тут на город совершили налет белоказаки, и все враги советской власти оказались на свободе. Однако воскресить «Малую Башкирию» не удалось. Башкирский народ, руководимый коммунистами, требовал создания Башкирской Автономной Советской республики, входящей в состав РСФСР. На 15 сентября 1918 года был назначен учредительный съезд в Уфе, и Валидов был не в силах помешать его созыву. Но за два месяца до намеченной даты вспыхнул мятеж белочехов, и вся враждебная советской власти нечисть — эсеры, националисты, дутовцы — примкнула к мятежу. Контрреволюция победила в Сибири, на Урале, в Заволжье. Валидов возглавил собственную «армию» из нескольких полков. Но насильно мобилизованные башкиры не имели никакого желания воевать со своими братьями и вскоре стали переходить на сторону Красной Армии. Валидовское войско таяло на глазах. Его предводителю пришлось вступить в переговоры с советской властью. В марте 1919-го было провозглашено рождение Башкирской Советской Автономной республики. Националисты, сложившие оружие, были прощены. Но слово о прекращении борьбы, которое дал Советам Заки, он держать не собирался. Он создает контрреволюционное подполье, в январе и июне 1920 года поднимает антисоветские мятежи. Но большевистская власть крепка — мятежи быстро подавляются. В конце концов Валидов вынужден бежать. Через Каспийское море он пробирается в Хивинское ханство и Бухарский эмират. Заки поселился на окраине Бухары у небогатого ремесленника, выдав себя за ученого. Его невозможно узнать — он ходит в чалме, широких шароварах, узбекском халате, носит очки. Изменились и его планы: он понял — в одиночку действовать бесполезно. Он мечтает объединить националистические элементы всех ис-

поведующих мусульманство народов России. Он думает о расширении басмаческого движения. Отдельные отряды басмачей должны со временем объединиться в большую армию, которая призвана положить конец власти большевиков.

Большую помощь оказывает Заки английская разведка. Бухарский эмир Саид Алим-хан поддерживает проекты Валидова золотом. Это одно из последних деяний эмира — в Бухаре побеждает революция, провозглашена народная республика. Но Заки не отчаивается. В ноябре 1921-го в Бухару тайно прибывает генерал Энвар-паша, авантюрист большого полета, бывший турецкий военный министр, давно связанный с германскими империалистами. Это он втянул Оттоманскую империю в войну с Россией и Антантой; после поражения и падения султанской власти он бежал к своим покровителям в Берлин. Вместе с Валидовым Энвер-паша возглавляет басмачество.

Однако как не везет Заки! Проходит всего несколько месяцев — и хорошо вооруженные англичанами отряды Валидова разбиты вдребезги, а Энвер-паша убит красноармейцами. Заки больше не на что здесь надеяться, и он продолжает бег по мусульманскому миру — Афганистан, Персия, Турция... Нигде ему ничего не удается, и он приезжает в Париж, чтобы встретиться с Мустафой.

— Да, немало тебе пришлось пережить,— посочувствовал Мустафа, дослушав до конца рассказ Валидова. Но он ничем не мог помочь другу — сам был на мели. Кроме того, в глубине души Чокаев признавался себе, что экзотический вид «вождя башкирского народа» его несколько шокирует. Он посоветовал Заки ехать в Берлин, куда Галимжан привез на учебу большую группу юношей и девушек из Туркестана.

— Они, надо думать, получают материальную помощь с родины,— пояснил Мустафа,— перепадет и тебе.

Валидов отправился в Германию. Скоро он сообщил, что разработал вместе с Галимжаном методы использования студентов из Туркестана для борьбы с советской властью. Чокаев в это время уже завербовался в английскую разведку и получил определенную сумму фунтов на развертывание работы. Он начал создавать организацию среднеазиатских националистов. Под его руководством Валидов и Идриси стали выпускать в Берлине журнал «Яш Туркестан». Однако немного позже Валидов уехал в Турцию, получив кафедру в Стамбулском университете. Через неко-

торое время начала выходить его газета «Туркестан». Если у журнала «Яш Туркестан» была английская ориентация, то задачей валидовской газетки являлось объединение тюркских народов вокруг Турции. В разные стороны смотрели теперь бывшие друзья...

«Как мы оба ошиблись,— думал, с трудом отгоняя дремоту, Мустафа. Гестапо и концлагерь подорвали его веру во всемогущество Англии.— Теперь единственный ориентир, единственная надежда — Германия Гитлера. Конечно, Заки это понимает. Надо предложить ему присоединиться ко мне. Вряд ли он откажется от министерского поста в моем будущем правительстве...»

3. Дремота все-таки одолела его, и Мустафа заснул. Проснулся он, когда солнце уже садилось. Был час возвращения служащих с работы. Чокаев умылся ледяной водой, вышел на улицу и, смешавшись с толпой, не торопясь направился на Берлинерштрассе.

Но когда он подошел к большому мрачноватому дому под номером 146, спокойствие покинуло его. Не по годам быстро он взбежал на четвертый этаж и увидел на одной из дверей хорошо знакомую ему латунную пластинку с выгравированной готическим шрифтом надписью «Проф. Г Идриси». Чокаев остановился, успокаивая расходившееся сердце. «Галимжан живет здесь по-прежнему». Немного подождав, Мустафа постучал.

— Кто там? — спросил его по-немецки ломкий голос подростка. И Чокаев ответил тоже на немецком языке:

— Это я, Мустафа Чокаев. Открой!

Дверь отворилась, и на шею Мустафе кошачьим прыжком бросился с радостным криком «дядя!» старший сын Галимжана Ильдар.

На шум вышел в коридор хозяин дома — низенький и тщедушный старичок, явно уже разменявший шестой десяток, с густой сединой в волосах и коротко, по-английски, подстриженных усиках.

— Здравствуйте, Галеке! — произнес Чокаев, протягивая хозяину обе руки.

— О аллах! Это ты ли, Мустафа?!

Дальше разыгралась сцена, которую Чокаев примерно и ожидал. Старичок обнял его за шею и прижался к груди. Тело его содрогалось от рыданий, дрожащий голос бормотал отрывистые невнятные слова. Актером по натуре был почтенный профессор. И знал это не один Мустафа.

— Ну, хватит, хватит, соседи услышат, неудобно будет,— проговорила, выходя из комнаты, жена Галимжана Шамсульбанат, хорошо сохранившаяся и со вкусом одетая женщина лет сорока. Старик, действительно, быстро успокоился. Шамсульбанат пригласила Мустафу пройти в комнаты. Тот, все-таки немного растерявшийся от натиска старого друга, наконец собрался спросить: «Здоровы ли вы, доктор-ханум?», погладил по головкам сбежавшихся детей Галимжана и прошел в гостиную.

— Ты хорошо выглядишь, милый. Когда освободился? — спросил Идриси, усадив гостя.

Мустафа быстро взглянул на него. Да, видно, старик, несмотря на годы, по-прежнему остается всезнающей хитрой лисой.

— Вчера, Галеке! — все же ответил он, хотя теперь не сомневался, что профессору известно многое из пережитого им за последний год.

— Ну вот, по воле аллаха, закончились твои испытания,— ласковым голосом продолжал Галимжан.— Жив, здоров, совсем молодцом выглядишь. Даже не похож на человека, которым занималось гестапо, хе-хе. Я рад, очень рад. Будто кровного родича встретил.

Идриси объяснил, что после захвата фашистами Парижа он написал Марии Яковлевне и от нее узнал об аресте Мустафы. Впрочем, прошлое интересовало его мало, хотя глаза горели ненасытным любопытством.

Чокаев начал издалека.

— Галеке, у меня появилась надежда, что султанская власть, далекой птицей поманившая меня в молодости, теперь, на склоне лет, может упасть мне в руки.

Профессору страшно хотелось узнать, о чем повел речь его гость, но природная суетливость и сейчас заставила его прервать Мустафу...

— Э, хорошо! Да поможет аллах! Ты станешь султаном, значит, и нам будет неплохо. Так ведь? Хе-хе! Но говори, говори, дорогой, порадуй старика.

И Мустафа подробно рассказал о своем письме Розенбергу, о том, как было одобрено его предложение, о том, как допрашивал его Грефе и как он был выпущен на свободу, о том, что завтра он идет к фон Менде и обсудит с ним оставшиеся мелочи и детали... Единственное, о чем умолчал Чокаев, это о том, что Грефе заставил его подписать обязательство об особой работе...

— Итак, мой новый путь начат. Пусть мне мешает сам

дьявол,— я создам мою Туркестанскую армию! — с пафосом закончил Мустафа.— И для исполнения моей миссии мне нужны достойные соратники, с таким умом, опытом и знаниями, как у вас, Галеке. Ваш богатый опыт очень пригодится, когда мы начнем вербовать солдат в туркестанскую армию в лагерях советских военнопленных. Не так ли?

— Так, так, милый,— закивал Идриси.— Чего, чего, а опыта у меня достаточно. Сделаю для тебя все, что смогу.

Опыт у Галимжана был и в самом деле куда как достаточным. Духовная академия в Стамбуле, Брюссельский университет были мостами к этому опыту. После начала первой мировой войны Галимжан пробыл некоторое время полковым муллой в турецких войсках, но вскоре военное министерство Турции направило его в Германию. Там в лагерях военнопленных он проповедовал мусульманам — попавшим в плен солдатам русской армии — истины пантюркизма и панисламизма, вербуя их в турецкую армию. Тех же, кто оказывался туг к усвоению этих высоких истин, он отправлял на непосильную, каторжную работу в Рурскую область и Верхнюю Силезию. Отправляли, собственно, немцы, Идриси только называл им нужные фамилии, но Галимжан от немцев себя уже не отделял, так как активно сотрудничал и в военном министерстве и в министерстве иностранных дел Германии. Убедившись в прочности его прогерманских настроений, немецкое командование назначило его военным муллой при генеральном штабе. А когда в России началась гражданская война и немцы оккупировали Украину и другие территории молодой советской республики, Идриси поручили возглавить «Комитет российских мусульман». Теперь обработка военнопленных мусульман шла с еще большей энергией. Идриси формировал из них отряды и направлял на Кавказ и в Туркестан...

В гостинную вошла Шамсульбанат.

— Мойте руки. Обед готов. Я сейчас накрою стол.

Когда Мустафа и Галимжан вернулись, вымыв руки, стол, действительно, был уже накрыт. Усадив гостя на почетное место, Идриси стал разливать по рюмкам ароматный ром.

— Галеке! — усмехнулся Мустафа.— Мне ведь нужно ваше благословение. А будет ли оно действительно, если к нему примешано это зелье.

— Э-э, я уже благословил тебя,— отмахнулся Идриси, выпил рюмку и задумался. Он почти не слышал, как уго-

щает гостя Шамсульбанат, как она наливает ему чай и как Мустафа хвалит этот чай: «Как давно я не пил чай из самовара!»

В отличие от Вали Каюма, Идриси не воспринял план Чокаева как что-то неожиданное, упущенное им самим. Нет, старый политикан думал о такой возможности. Беда заключалась в том, что сам Галимжан с подобным планом выступить не мог...

Двадцать лет назад Галимжан предпринял рискованное путешествие в Советскую Россию. По пути в Бухару он остановился в Казани, несколько дней осаждал Наркомпрос Татреспублики, рассказывая о жизни молодых татар-студентов в Германии, и с помощью двух категорий людей — наивных простачков и ухмылявшихся умников, хорошо разгадывавших Галимжана и вполне ему сочувствовавших,— получил мандат «уполномоченного Татарской АССР по культурной работе в Германии». Однако нашлись в Наркомпросе и люди, не принадлежавшие к этим двум категориям: едва выехав из Казани, Идриси был арестован сотрудниками ОГПУ. Он год просидел в Бутырках, но веских доказательств его антисоветской деятельности чекистам найти не удалось, и в конце концов Идриси освободили. После ликвидации басмаческих банд на территории Бухарской народной республики ему был разрешен туда въезд. И в Бухаре Галимжан ухитрился получить соответствующий мандат и набрал здесь около семидесяти юношей и девушек, которые пожелали отправиться на учебу в Германию (были среди них и Каюм и Шамсульбанат, ставшая потом женой Идриси). Народы освободившейся Средней Азии остро нуждались в своих квалифицированных кадрах специалистов, но у Галимжана были свои виды на эту молодежь. Однако планы его осуществились лишь в малой мере: большинство студентов, получив дипломы, вернулось на Родину. Но кое-кто и остался...

В тридцатые годы Идриси вместе с одним из лидеров татарских буржуазных эмигрантов, белоэмигрантом Гаязом Исхаковым, возглавлял организацию «Идель-Урал», руководя комиссией по культуре. «Вожди» отчаянно соперничали. Кончилось тем, что Исхаков пустил слух: Галимжан — советский агент, и Идриси через короткое время оказался в гестапо.

Ох, какие эго были страшные дни! Бесконечное число раз повторялся один и тот же разговор:

— Признаешься, что ты советский агент?

— Что вы, что вы, я же старый противник советской власти...

— Хорошо. За что ты был арестован ОГПУ?

— За то, что прибыл из Германии с намерением вести антисоветскую деятельность.

— И это действительно было так?

— Конечно, господин.

— Но ведь тебя даже не судили. Подержав в тюрьме, выпустили на свободу. Почему? — следователь усмехался.— Я тебе скажу почему. Тут может быть только один ответ: ты дал согласие стать агентом ОГПУ Так?..

Очень нехорошие были дни. Идриси прилагал неимоверные усилия, чтобы доказать, что его оболгали. Кроме слухов гестапо ничем не располагало. Вмешались давние покровители Галимжана. Он вышел на свободу, но с тех пор вел себя тише воды, ниже травы — знал: он на подозрении.

Сообразив, что Мустафа уже не на шутку удивлен его внезапным оцепенением, Идриси собрался с духом, рассказал гостю всю эту историю и выразил сомнение, разрешат ли ему принять участие в создании Туркестанской армии.

— Разрешат! — уверенно сказал Чокаев.— Мы слишком нужны немцам сейчас, чтобы они стали копаться в нашем прошлом. И я ведь сидел в гестапо и не когда-то, как вы, а только что. Ничего, освободили.

Решительный тон Мустафы убедил старика, его страхи показались ему пустыми.

— Что ж, тогда идет! — он вновь наполнил рюмки.— Если сверху не будет возражений, считай меня своим верным помощником.

Чокаев выпил и кивнул. «Старая лиса мне очень пригодится»,— подумал он.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. С просьбой дать ему в помощники Галимжана Идриси и Вали Каюма Чокаев, как приказал ему Розенберг, обратился к фон Менде.

— Поскольку разрешение на создание легиона уже дано, я не вижу препятствий для привлечения к моему делу этих двух весьма ценных людей, — говорил Мустафа начальнику отдела с профессорским званием. Сначала Чокаев называл будущее соединение «Туркестанской армией»,

однако немцы предпочли более скромное определение — «легион», и Мустафе пришлось примириться с этим определением.— Втроем мы представляем три национальные ветви туркестанского народа: я — казах, Идриси — татарин, Каюм — узбек. В лагерях мы будем говорить на трех языках, обращаясь прежде всего к своим соплеменникам. Это очень важно. Кроме того, Идриси, будучи муллой, сможет оказывать на военнопленных религиозное воздействие.

Фон Менде не возражал, и вскоре троица, получив соответствующие бумаги и деньги, отправилась по лагерям, расположенным в Польше. Начали с большого лагеря в Сувалках.

Пройдя за ряды колючей проволоки, Мустафа невольно поежился: «Давно ли я сам сидел за такой проволокой?» Но разве можно было сравнить «привилегированный» лагерь, в котором провел несколько месяцев агент «Интеллидженс сервис», с этим подобием ада на голой, без травинки земле... И узники его, до предела истощенные, невероятно оборванные и грязные, казались не живыми людьми, а бесплотными тенями. Когда они замечали хорошо одетых людей в штатском, идущих рядом с комендантом, в их глазах, казавшихся поначалу мертвыми, медленно загоралось удивление.

Комендант отдал приказ собрать всех пленных на плацу. Ругаясь во все горло, то и дело пуская в ход приклады, охранники с трудом согнали в строй измученных людей. Комендант знаком показал Чокаеву, что можно начинать.

— Мы будем говорить с туркестанцами,— громко произнес Мустафа («Вот я и начинаю выполнять свою миссию»,— промелькнуло в голове).— Пусть туркестанцы выйдут вперед на три шага.

Он ожидал, что вперед двинется чуть ли не половина пленных — проходя мимо рядов, он успел заметить, что в лагере много и казахов, и узбеков, и киргизов, и таджиков, и туркмен. Но из восьмидесяти тысяч, собранных на плацу, вышли всего шесть человек. Чокаев так растерялся, что с минуту простоял молча, не зная, что предпринять.

— Откуда ты будешь, земляк? — спросил он наконец ближнего из вышедших. Тот удивленно посмотрел на Мустафу.

— Из города Туркестана.

— А ты, а ты?

— Все мы из города Туркестана.

— А-а,— сообразил Чокаев и вновь во весь голос обратился к строю. — Вы не поняли меня. Когда я говорю «туркестанцы», я совсем не имею в виду одних уроженцев города Туркестана. Туркестанцы для меня — все дети мусульман, живущие в Казахстане и Средней Азии — казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы. Вы поняли меня? Итак, пусть все туркестанцы выйдут вперед на три шага!

На этот раз вышло много людей. Чокаев удовлетворенно кивнул. «Все-таки я умею разговаривать с моим народом»,— подумал он и горделиво взглянул на Каюма.

— Джигиты! — загремел Мустафа с новой силой.— Прежде, чем разговаривать,— познакомимся. Я Чокаев Мустафа — казах. Должно быть, вы слышали мое имя. Когда в России свергли царя и начались беспорядки, съезд, состоявшийся в Коканде, создал правительство Туркестана, и я был одним из руководителей этого правительства. Потом съезд в Туркестане создал алаш-орду, и я стал членом ее правительства. Я работал вместе с Букейхановым... Рядом со мной стоят мои помощники — мулла Галимжан Идриси и узбекский джигит Вали Каюм. Великую цель мы поставили перед собой..

Мустафа хотел говорить кратко, но когда заметил, что некоторые пленные смотрят на него с явным любопытством, закатил длинную речь. Но чем дольше она продолжалась, чем яснее становилось, чего хочет оратор, тем заметнее любопытство на лицах пленных уступало место гневу и злости. Увлеченный собственным красноречием, Чокаев не обращал на это внимания.

— Так что же вы ответите на мой призыв?! — на самой высокой ноте закончил Мустафа и эффектно выбросил правую руку вверх. Он ожидал, что в ответ раздастся могучий восторженный крик, и наступившая тишина повергла его в недоумение. Он растерянно оглядел ряды. И вдруг невысокий, обросший черной щетиной человек, с которым он встретился глазами, яростно выкрикнул по-казахски:

— Ты предатель! Ты враг своему народу!

И тут же кто-то подхватил по-узбекски:

— Не выйдет! Народ и родину не продадим!

— Вон предателей! — неслось на таджикском языке.

Чокаев от неожиданности пошатнулся. Строй ревел, бросая в лица «агитаторам» слова презрения и ненависти. Комендант, видя, что Чокаев не в силах ничего сделать, вырвал из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Пленные затихли.

— Кто начал кричать? Выйти из строя! — скомандовал комендант. Никто не тронулся. Лицо офицера начало наливаться краской, и кто знает, что бы он предпринял, но опомнившийся Чокаев остановил его.

— Я-то хорошо видел зачинщиков,— обратился он к пленным.— Если я укажу их господину коменданту, им придется плохо. Но я не сделаю этого, хотя они глубоко оскорбили меня. Я знаю: они отравлены ядовитым обманом русских большевиков. Они мои заблудившиеся братья, и я прощаю их.— Он помолчал.— Подумайте обо всем, что я говорил.

Комендант приказал разогнать пленных. Чокаев шел впереди своих спутников, высоко подняв голову, делая вид, что ничего не произошло. Но в душе его царила растерянность. Он кончил встречу эффектным жестом, но поражение его было очевидно. Увидев условия, в которых находятся пленные, Мустафа не сомневался, что на его призыв откликнутся и люди безразличные, даже враждебные его идеям: на что не пойдешь, чтобы вырваться из этого ада. Но эти люди, голодные, больные, раздетые, люди, знающие об огромных успехах немецкой армии на фронте,— вот-вот падет Москва! — не пошли за ним, оскорбили его...

Тяжело задумавшийся Чокаев чуть не налетел на пленного, почтительно вытянувшегося перед ним. Это был казах лет тридцати, среднего роста, истощенный и грязный, как все узники лагеря. Мустафа недоуменно посмотрел на него. Пленный произнес слова приветствия и быстро продолжил, не дожидаясь ответа:

— На меня произвела глубокое впечатление ваша речь, ага. Если я пригожусь для вашего дела, можете на меня положиться.

Настроение Мустафы сразу изменилось.

— Молодец! — радостно воскликнул он.— Есть здесь, значит, настоящие сыновья казахов! Как тебя зовут дорогой?

— Канатбаев Карыс,— еще сильнее вытянулся тот.

— Идем со мной, Карыс.

Пока они дошли до комендатуры, Канатбаев, все время заглядывая в лицо Мустафе,— глазки у него маленькие, бегающие — коротко рассказал о себе. Он из Западного Казахстана, три года учился в казахской школе в Оренбурге, окончил рабфак, затем Свердловский горный институт, работал на шахтах и заводах в Татарии и Удмуртии.

Чокаев одобрительно кивал.

— Я же говорил, что мы найдем тут настоящих туркестанцев! — обернулся он к Галимжану и Каюму.— Вот Карыс говорит, что у него есть друзья, энергичные джигиты, которые думают так же, как он.

— Да-да, ага,— на ходу кивал Канатбаев,— подходящие люди найдутся.

— Вот видите,— снова оборачивался Мустафа к своим помощникам.

О Канатбаеве Мустафа рассказал коменданту и попросил «в интересах дела» улучшить его положение.

— Можно,— ответил офицер.— Завтра мы отделим ваших туркестанцев от остальных пленных. И над полицейскими, которые будут их охранять, поставим шефом вашего протеже.

На столь быструю карьеру первого завербованного в «Туркестанский легион» Чокаев не рассчитывал и с недоверием посмотрел на немца — не шутит ли.

— Это было бы хорошо,— осторожно сказал он.

— Если хорошо, так и поступим. На что не пойдешь в интересах дела,— сказал комендант и захохотал.

Весь следующий день заняло отделение туркестанцев от основной массы узников. Дело оказалось сложным и долгим, и происходящее в лагере напоминало столпотворение. Закончилось оно уже ночью.

2. Утром Чокаев, Идриси, Каюм в сопровождении Канатбаева, уже щеголявшего в немецкой полицейской форме,— комендант оказался человеком слова — направились в блок, куда переселили «туркестанцев». Настроение у Мустафы было отличное, он вновь не сомневался в успехе. Сегодня он решил отобрать среди пленных людей, которые могли бы пойти на командные должности в легионе.

Когда они вошли в барак, пленные медленно встали. Кое-кто, впрочем, еще спал, измученный тяжелым вчерашним днем.

— Сидите, сидите,— мягко сказал Чокаев и сам присел рядом с одним из пленных.— Ну, как дела?

— Дела, понятно, плохие,— ответил сосед Мустафы.— С чего им хорошими быть?

— Не торопитесь, все может у вас повернуться,— Чокаев улыбнулся и спросил: — Есть среди вас интеллигенты?

Никто не ответил ему, но некоторые с любопытством посмотрели на Мустафу. А он, подождав немного, обернулся к сидевшему неподалеку молодому таджику.

— Вот у вас какое образование?

— Два класса,— чуть запнувшись, ответил таджик.

— Кем работали до войны?

— Пекарем.

Мустафа опять немного помолчал, а потом произнес почти ласково:

— Если вы не хотите говорить мне правды, не говорите. Я вам ничего не сделаю. Но я же вижу, что вы — интеллигентный человек. Не бойтесь ничего. Я просто хочу собрать интеллигентов, чтобы поговорить с ними. Ведь среди пленных много темных, малообразованных людей, которым трудно меня сразу понять. Я хочу поговорить с людьми культурными, разбирающимися в политике. Вас это ни к чему не обязывает. Чего же вы опасаетесь?

Таджик смущенно улыбнулся и признался, что сказал неправду. Немцы уже не раз «просеивали сквозь сито» военнопленных, отбирая то политработников и членов партии, то командиров, то комсомольцев, то евреев. Отобранные бесследно исчезали.

— Я решил, что теперь пришел черед интеллигентов, и скрыл свое образование.

— Не беспокойтесь,— еще раз сказал Мустафа и записал фамилию таджика. К нему стали подходить люди с высшим и средним образованием, он записывал их. Потом положил блокнот в карман и поднялся.

— Я сказал, что ваши дела еще могут повернуться в хорошую сторону. Это зависит от вас самих. От плохой жизни к хорошей для вас один путь: искренне откликнуться на мой призыв и вступить в ряды Туркестанского легиона. Неужели кто-нибудь из вас сомневается в исходе войны? Немецкая армия в короткие сроки захватила всю Прибалтику, Украину, Белоруссию, многие области РСФСР. Падение Москвы — дело ближайшего будущего. Ничто не в силах остановить движение победоносных батальонов третьего рейха. Пройдет немного времени, и они выйдут к границам Туркестана. Думая о судьбе нашего народа, я договорился с правительством Великой Германии о создании Туркестанского легиона, об обеспечении его обмундированием, питанием, вооружением. С помощью Германии наш легион освободит Туркестан от большевиков. Мы объединим разобщенных мусульман и создадим свое независимое государство на родной земле. Выбор у нас невелик. Если Туркестан займут немцы, он станет немецкой колонией.

А если, с помощью немцев, это сделаем мы, он будет независимым. Что лучше? Если в Туркестан войдут немецкие войска, прольется много лишней крови, невинной крови детей, женщин, стариков. Это неизбежно. А мы придем на родную землю как хозяева. Мы будем милосердны ко всем одноплеменникам, кроме фанатиков-большевиков.— Голос Мустафы стал вкрадчивым.— А для вас сейчас вступление в легион — это избавление от ужасов лагерной жизни. Вы будете одеты, обуты, сыты. Разве это не лучше, чем умирать с голоду и кормить вшей на голых нарах в бараке за колючей проволокой? Кто побыстрее соображает, тот уже понял это. Вот стоит Канатбаев. Он, как и многие из вас, человек с высшим образованием. Он сделал выбор и смотрите — уже вид его говорит, как изменилась его судьба. А со временем он еще более возвысится, возможно, даже станет одним из руководителей Туркестанского государства...

И на этот раз речь Чокаева прервали возмущенные крики: «Провокация!», «Москва не падет!». Но кричали не все. Большинство тех, чьи фамилии переписал Чокаев, держались в стороне. Может быть, многие уже раскаивались в том, что назвали себя, но дело было сделано, и сейчас протестовать было уже совсем рискованно.

— Не пожалейте потом,— жестко сказал Чокаев, похлопав по карману, в который спрятал блокнот. А Канатбаев быстро «навел порядок» среди возмущавшихся.

Мустафа не был разочарован «беседой».

— Завтра я снова приду к ним,— сказал он своей свите.— И вы увидите: завтра найдутся желающие вступить в легион. Я чувствую: многие колеблются.

И действительно, назавтра вызвалось несколько «добровольцев».

Месяц колесили по Польше из одного лагеря для военнопленных в другой Чокаев, Идриси и Каюм. Методика вербовки была выработана быстро — в каждом лагере они сначала отделяли «туркестанцев» от остальной массы, составляли списки интеллигентов, затем агитировали. Работа была нелегкой. Однако в ряде лагерей троице удалось найти хоть по нескольку человек, давших согласие записаться в легион. Из них Галимжан еще дополнительно отбирал людей, которые могли бы, по его мнению, стать муллами...

Вернувшись в Берлин, Чокаев доложил фон Менде о проделанной работе. Он предложил всех военнопленных

из Казахстана и Средней Азии собрать в одном лагере, где их легче было бы агитировать.

— Пусть сейчас добровольцев еще немного, — развивал он перед профессором свою мысль,— пусть их наберется всего со взвод. Но мы создадим этот взвод, мы хорошо оденем и обуем его солдат, вообще создадим им хорошие жизненные условия, дадим сигареты, немного марок. Они будут жить в лагере, но самым примерным из них мы разрешим в свободные часы выходить из него. Когда тысячи туркестанцев увидят это, многие из них пожелают вступить в ряды легиона. Солдаты найдут в лагере земляков, и рассказы о хорошей жизни легионеров станут привлекать к нам колеблющихся.

Фон Менде остался доволен Чокаевым и соответствующим образом информировал начальство. Вскоре в министерстве по восточным делам был создан специальный «туркестанский отдел».

— Дела идут на лад, мальчик,— обрадованно воскликнул, узнав об этом, Мустафа и сильно хлопнул Каюма по спине.

3. Конечно, что «дела идут на лад», радовало и Каюма. Но тем более грызла Вали мысль о том, что не он возглавляет эти «дела», что он упустил возможность организовать движение, которое так заинтересовало гитлеровцев.

Месяца полтора назад Каюма вызвали в гестапо. Вызов его не испугал, так как он уже одиннадцать лет состоял платным агентом гестапо.

— Ты не забыл Чокаева? — спросил Вали в гестапо его шеф.

— Нет, конечно. Но где он сейчас находится, я не знаю.

— В лагере. Мы посадили его, когда заняли Париж. Посадили на основании твоих материалов о его работе на «Интеллидженс сервис». Но дело не в этом. Теперь Чокаев предложил правительству один интересный план. Из заключения его выпустят. Завтра он устроится в гостинице «Френкишер Гоф» — ты эту гостиницу знаешь. Встреться там с ним, поговори, узнай, что у него на уме. Особенно любопытно, какого он мнения сейчас об англичанах. Понял? Действуй.

Так — не волей случая, а по поручению своих тайных хозяев — встретился с Чокаевым Вали в ресторане отеля «Френкишер Гоф». Жгучая зависть к удачной, обратившей

на себя внимание гитлеровских верхов мысли Мустафы вызвала у Каюма желание немедленно оклеветать его, доложить в гестапо, что Чокаев лжет, что он, дескать, признался Вали, что думает использовать свою армию только после того, как Германия потерпит поражение в войне с Англией. Но тогда, в дни быстрого наступления немецких войск на востоке, такой донос выглядел бы малоубедительно — скрепя сердце Каюм признался себе в этом...

Но вскоре после возвращения троицы из польской поездки по отделам и канцеляриям берлинских министерств и ведомств поползли тревожные слухи. Через короткое время они подтвердились: да, завоеватели Европы под Советской столицей остановлены, разбиты и отброшены... Вали это не обеспокоило, наоборот, обрадовало — в конечной победе фашистов он не сомневался, а вот в создавшейся ситуации его ложь могла обрести черты правдоподобия. «Пришел подходящий момент, надо рискнуть»,— подумал Каюм и, уединившись, взялся за перо.

На бумаге его мысли обрели такой вид. Туркестанцы, искренне преданные Великой Германии, не могут оставаться только свидетелями напряженной борьбы ее доблестной армии с большевистским чудовищем. Они жаждут сами немедленно вмешаться в эту борьбу и в меру своих сил помочь немецким войскам захватить столицу Советов. Однако Чокаев сдерживает этот благородный порыв туркестанцев. Почему? А потому что он не верит в победу Германии, сражающейся одновременно и с Россией и с Англией. Он в душе радуется печальным событиям под Москвой, он рад затяжке войны. Он надеется, что его английские хозяева победят Германию. Тогда Чокаев предложит им свежую, не потерявшую в боях ни одного человека Туркестанскую армию, которую англичане бросят на Советский Союз. Чокаев обманывает Розенберга. Длительные сроки, назначенные Чокаевым для формирования и обучения легиона,— ясное свидетельство двурушничества Чокаева. Ведь в легион вербуются люди военно грамотные — бывшие солдаты и офицеры Красной Армии. Зачем же их заново обучать воинскому делу? Нет, новую армию надо закалять в боях!

Свое сочинение Каюму очень понравилось. Выглядело оно, на его взгляд, вполне правдоподобно... «Ай, пропал Мустафа! — бормотал Вали, быстро скользя пером по бумаге.— И правильно, и хорошо. Нечего ему делать во главе Туркестана, я сам буду во главе Туркестана».

Дописав донос, Каюм понес его в гестапо. Прочитав труд Вали, его шеф стал так отчаянно ругаться, что Каюм растерялся: он не мог понять, кого поносит немец — Мустафу или его самого.

— Чего ты раньше-то молчал? — набросился на него гестаповец.

— Раньше Чокаев себя не выдавал,— быстро ответил перепуганный Вали.— Откровенный разговор произошел недавно, после событий под Москвой.

Гестаповец долго молчал, думал о чем-то. Наконец произнес:

— От Чокаева ни на шаг! Все его мысли, все поступки немедленно сообщай нам.

Но Вали уже пришел в себя. Он не мог упустить своего шанса!

— Я не смею подсказывать вам,— играя в смущение, проговорил он,— вы лучше знаете, что нужно делать. Однако...

— Что «однако»?

— Хотя Чокаев несомненно враг третьего рейха, сама идея Туркестанского легиона правильна, полезна. Видимо, она не зря одобрена министерством Розенберга. Организация легиона идет успешно. Если Чокаев будет арестован, это может очень замедлить его создание, смутить добровольцев. А мы не должны медлить.

— Что же ты предлагаешь?

— Арест Чокаева не нужен. Его нужно убрать как-нибудь по-другому.

Гестаповец посмотрел на Вали и усмехнулся.

— Хитер! Научился.

Каюм тоже позволил себе улыбнуться.

— Хорошие учителя!

Офицер пошутил еще и отпустил агента, не сказав ему ничего определенного. Оставшись один, гестаповец перечитал каюмский донос и разочарованно хмыкнул: «Доказательств-то нет». Конечно, иди речь о ком-нибудь другом, достаточно оказалось бы и донесения агента. Но нельзя походя уничтожить человека, которым интересуется Розенберг, о котором знает Гиммлер. Убрать Чокаева немедленно — это значит сказать Гиммлеру: «Вы грубо ошиблись, дав приказ освободить из лагеря английского агента». Гестаповец поежился.

Но если постепенно подготовить всесильного соратника самого фюрера к такому повороту, собрав убедительные

доказательства виновности этого Чокаева, то исход может получиться совсем другим. Тогда выйдет, что он, рядовой работник гестапо, оказался проницательнее Розенберга, Шелленберга!.. Это может круто повернуть его карьеру!..

А проверкой заниматься придется в любом случае. Верить на слово этой шельме Каюму нельзя. Ведь ясно, что он сам надеется занять место Чокаева.

Гестаповец закурил. Итак, что же нужно сделать? Надо пустить по следу еще одного агента. Пусть он через Каюма познакомится с Чокаевым, побеседует с ним... Да, но при этом сам Каюм ничего не должен подозревать! Вот дьявол, как же это устроить?

Ход мыслей гестаповца прервал телефонный звонок. Офицер неохотно поднял трубку, но, услышав знакомый женский голос, сразу оживился. Голос спрашивал его:

— Вы узнали меня?

— О, конечно.

— Мы обязательно должны встретиться сегодня. Есть новость.

— Охотно, дорогая. До встречи.

Бросив трубку, гестаповец довольно улыбнулся. Вот и выход из положения. Руд Хендшель — умный и опытный агент. Сделает все, что прикажут. Пусть познакомится с Каюмом. Каюм одинок. Такая лиса, как Руд, быстро найдет путь к его сердцу, а любимой женщине ни в чем не откажешь... Нет, что бы ни думали завистники сослуживцы, а я все-таки мастер своего дела...

4. В лагере Люккенвальд, как и во многих других лагерях для военнопленных, пленных советских солдат из Казахстана и Средней Азии отделили от всех остальных. Узники уже знали, для чего это делается, имя Чокаева было им знакомо. Будущее, встававшее перед подавленными, растерявшимися людьми, не сулило ничего хорошего, выглядело тревожным, неясным, сумрачным, как этот хмурый и слякотный день европейской зимы.

Двое пленных, познакомившихся недавно, уже после переселения в «мусульманские бараки», медленно бродили вокруг своего нового жилища.

— Ну что же все-таки нас ждет? Что они с нами сделают? — тоскливо спрашивал младший — совсем еще юноша, с порывистыми движениями и горящими глазами...

Спутнику его, высокому, очень худому, высоколобому джигиту с крупным носом и широко расставленными гла-

зами тоже еще, видимо, не исполнилось тридцати. Но недаром первый обращался к нему как к старшему,— весь облик этого человека выражал сдержанную силу зрелости.

Он невесело усмехнулся.

— Что сделают, угадать можно. Будут воплощать в жизнь бредовые мысли Чокаева, сгонять нас в легион.

С малознакомыми пленники обычно не откровенничали — жизнь в лагере многому их научила. Но мужественный облик старшего товарища внушал такое доверие, что юноша оставил обычную осторожность.

— Агай! Вы хоть одну рубашку да сносили больше меня. Вы опытнее. Посоветуйте, что делать? Вы вот сами пойдете в легион?

Старший испытующе посмотрел на юношу.

— Посмотрим,— помолчав, произнес он.— Нужда подскажет выход. Если за мужчиной гонится беда, он и в сапогах переплывет реку, если коня мучит жажда, ему и уздечка не помешает напиться.

Они продолжали шагать молча. Но спустя несколько минут старший заговорил снова — видно, решил, что его сдержанность может обидеть юного собеседника.

— Говорят: чем знать сто человек в лицо, знай хоть одного по имени...— начал он пословицей.— Как зовут тебя? Откуда ты?

— Турамысов Валитхан. Из Астраханской области,— сразу ответил молодой.

— Ну, мы с тобой почти земляки.

— Да? А вы откуда?

— Я из Гурьевской области. Мангыстауский район.

— Так это совсем рядом. А как ваша фамилия, агай?

— Куттыбаев, дорогой. Сколько же тебе лет?

— Двадцать три.

Куттыбаев быстро оглянулся вокруг.

— Ты комсомолец?

— Кандидат партии.

— Молодец!

— А вы?..

— Да, я член партии. До войны был директором школы.

— Знаете, агай, я тоже одно время работал учителем.

— О-о! Еще одно совпадение! Значит, мы не только земляки, но и коллеги. Ну, расскажи о себе подробнее.

Они присели. Рассказ Турамысова был недолгим. Окончил Астраханский педтехникум. Учительствовал в ауле,

был пионервожатым, потом секретарем колхозной комсомольской организации.

В ноябре тридцать девятого его призвали в Красную Армию. Он служил в 330-м полку 86-й краснознаменной дивизии, стоявшей в Гомеле. В составе своего полка участвовал в финской кампании. Побывал в освобожденных Эстонии, Латвии, Бессарабии. Летом сорок первого полк стоял в Западной Белоруссии и стал одной из частей, которые первыми встретили жестокий удар гитлеровцев. В плен Валитхан попал в августе, под Минском.

— Как? — коротко спросил Куттыбаев, очень внимательно слушавший рассказ молодого друга.

— Я командовал ротой кавалерийской разведки. Когда мы приближались к Минску, мои разведчики узнали, что на окраине высадился немецкий десант. Я передал это донесение комполка, и он приказал моей роте немедленно ударить по десанту — полку грозило окружение. Мы мчались с шашками на пулеметы — другого выхода не было. Лошадь мою убило на скаку. Я упал на землю и увидел рядом с лицом мелькающие копыта коней. Потом потерял сознание. Очнулся со связанными руками, весь в крови...

— Да, многое, браток, довелось тебе увидеть,— сочувственно вздохнул Куттыбаев.

Тишину внезапно нарушили повелительные крики охраны. Немцы собирали пленных на плацу. Возле охранников суетился Канатбаев. Был он в такой же форме, как и они, но немцы не признавали его своим, держали на расстоянии от себя. Может быть, от этого предатель с такой злостью выкрикивал:

— А ну, живей в строй, бестолочь! Большой начальник приехал, а вы как дохлые...

«Большой начальник» стоял тут же. Многие пленные узнали этого худого и длинного, как жердь, человека с кривым носом, маленькими усиками и жидкой бородкой. «Майер-Мадер»,— слышалось в рядах. Эот офицер приезжал в лагерь Легионово и сам отбирал пленных, которых отправляли в Люккенвальд.

Когда порядок установился, Мадер дал знак своим помощникам и те с криками: «Узбеки сюда! Таджики сюда! Казахи сюда!»— стали разбивать пленных по национальностям. Когда и это было закончено, Мадер скомандовал:

— Офицеры Красной Армии, три шага вперед!

Строй остался неподвижным.

— Джигиты, не бойтесь, выходите! Ничего плохого вам

не будет, будет только хорошее! — закричал, подмигивая, Канатбаев.

Но никто не выходил вперед — люди опасались провокации.

Куттыбаев тронул за плечо своего молодого друга и прошептал:

— Тебе надо выйти. Придется рискнуть. Может выйти нужное дело.

Турамысов не очень понял, что имеет в виду его товарищ, но доверие, которое он испытывал к нему, заставило его повиноваться. Твердым шагом он вышел из строя. Его примеру последовали и другие. Мадер стоял, заложив руки за спину.

— Я назначаю вас начальниками групп! — обратился он к вышедшим.— Постройте свои группы и займитесь с ними строевой подготовкой.

Свежеиспеченным начальникам ничего не оставалось делать, как подчиниться. На плацу зазвучали воинские команды. Разбитые на группы пленные начали занятия медленно, недоумевая, но скоро втянулись в привычное дело. Наблюдая за марширующими колоннами, Мадер думал: «Готовая армия. Незачем тянуть, незачем играть комедию с записью добровольцев. Отберу подходящих для разведшколы, остальные составят первый батальон Туркестанского легиона».

У Мадера был опыт в подобных делах: последние годы он провел на оккупированной японскими самураями территории Китая. Собрав армию из предателей своего народа, Мадер командовал ею в боях с Китайской Народной армией. Вернулся на родину он недавно, вернулся в генеральском чине и богатым человеком — его заслуги были высоко оценены самураями. Построил особняк под Берлином в местечке Ариенсдорф, собирался выйти в отставку и отдохнуть. Отдохнуть не дали: учтя азиатский опыт Мадера, генштаб связал его с министерством по восточным делам. Теперь ему было поручено начать формирование Туркестанского легиона и одновременно подбор из военнопленных кадров для разведшколы абвера.

Жизнь военнопленных текла по-прежнему, только отныне к работе в хозяйствах местных богатых «бауэров» прибавились еще ежедневные строевые занятия на плацу, за которыми внимательно наблюдал этот высокий, худой и плешивый немец. Однажды он подозвал к себе Турамысова и спросил:

— Что у тебя с рукой? — рука у молодого командира еще плохо действовала после ранения.

— Был ранен.

— Каким образом?

— Во время кавалерийской атаки мою лошадь убили, я упал, конь кого-то из всадников, скакавших за мной, ударил меня копытом.

— О-о, значит, тебя ранили не немцы, а русские! И ты не можешь свободно владеть рукой?

Турамысов ответил утвердительно, и Мадер отпустил его. Ему нравились подтянутость, ловкость и сноровка молодого казаха, он думал отправить его в разведшколу, но, видимо, ранение помешает ему стать хорошим диверсантом. Ничего, и для легиона нужны такие люди. Он должен ненавидеть русских; если еще не ненавидит, мы поможем ему обрести это чувство. Для войны он пригодится.

Через месяц, отобрав для легиона около трехсот человек, не пригодных, по его мнению, для разведывательной работы, Мадер собрался направить их в Польшу. В число этих трехсот попал и Турамысов. Накануне отъезда он прибежал к Куттыбаеву и сообщил ему весть. Несмотря на то, что они подружились недавно, Валитхан очень привязался к своему старшему другу. Разлука с ним казалась Турамысову новой бедой, почти такой же тяжкой, как плен. И Куттыбаев был сильно огорчен.

— Ладно, что зря тосковать, дела не поправишь,— сказал он после паузы.— Желаю тебе прежде всего здоровья. И мужества. Если заставят пойти в легион, используй первую же возможность повернуть оружие против гитлеровцев. Придется умереть — умри коммунистом.

Он обнял юношу и отвернулся. Валитхан чувствовал, что к его глазам подступают слезы.

— Я понял все, Саке,— проговорил он дрогнувшим голосом.— Сделаю, как вы сказали. А вы будьте осторожны...

Поезд вез три сотни таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен, не по своей воле очутившихся на чужбине, в оккупированную Польшу. Тоскливо было на душе у Турамысова, когда качался он в теплушке. Встретится ли на новом месте ему такой друг, как Саке? Вряд ли. Тех коммунистов, которых гитлеровцам удавалось опознать — по документам, по доносам,— они расстреливали немедленно...

Эшелон шел медленно. Шесть дней добирались до места назначения, наконец вылезли на станции Зеленка неда-

леко от Варшавы. Когда-то здесь стоял польский гарнизон, пленных разместили в казармах, пустовавших после поляков.

Назавтра их построили перед казармами.

— Начиная с сегодняшнего дня, вы считаетесь солдатами Туркестанского легиона,— громко сказал Мадер и сделал паузу. По рядам прокатился глухой ропот, послышались резкие выкрики. Злость и ненависть раздирали душу большинства военнопленных, но вокруг стояли гитлеровцы с автоматами...

— Если шум не прекратится, я вынужден буду расстрелять каждого десятого,— продолжал Мадер прежним тоном. Ропот постепенно заглох.— А теперь вас разобьют по ротам и взводам. Пусть каждый запомнит свое место и никогда не забывает его!

Командирами отделений, взводов и рот были поставлены немецкие унтер-офицеры.

Вскоре Мадер доложил Берлину, что первый батальон Туркестанского легиона создан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. «Слушайте, слушайте! Говорит Берлин!» — ежедневно гремело радио по лагерному плацу. И дальше звучали сообщения одно другого страшнее: Москва окружена немецкими войсками, советское правительство покинуло Москву, в Закавказье вспыхнули восстания против Советской власти, русский народ встречает оккупантов цветами и хлебом-солью... Большинство пленных не верило измышлениям берлинского радио, но тоску на людей, оторванных от всего мира, загнанных за колючую проволоку, радиопередачи наводили...

Залина они мучили больше, чем голод, грязь, насекомые. А от всего этого тоже крепко доводилось страдать. Уже прошло три месяца, как привезли в лагерь советских военнопленных. Пока стояло тепло, люди часто раздевались догола, чтобы успешнее вести борьбу со вшами. Но наступили холода — не разденешься, и узники мрачно острили, что их поместили во вшиный заповедник. Чем холоднее становилось, тем больше умирало людей. Инфекциям в лагере было раздолье. О воде для мытья не приходилось и мечтать: гитлеровцы давали по ведру воды на сто человек. Между измученными жаждой, потерявшими рассудок

людьми вспыхивали драки из-за воды. Охрана прекращала драки просто: стреляла в толпу из автоматов. Возле ведра оставались трупы. Однажды Залин стал свидетелем того, как солдат со сторожевой вышки бросил ручную гранату в группу дерущихся. Никого из них не осталось в живых.

Когда убрали тела, назначенный немцами старшим по блоку Павлов громко сказал:

— За что погибли эти люди? За Родину? Нет. Это глупая, бессмысленная смерть. Наш общий долг — не допускать больше ни одной драки. Согласны?

Павлов пользовался среди узников авторитетом. Он по справедливости распределял пищу, не пытался извлечь выгоду из своего положения, не преследовал слабых, не унижался перед лагерным начальством. Уже немолодой, но хорошо сложенный и, видимо, натренированный, он, несмотря на лишения, сохранял большую физическую силу, и буяны его побаивались. Драки прекратились. У фашистов стало меньше предлогов стрелять в пленных.

В лагерь начали поступать новички, недавно попавшие в плен. От них «старожилы» узнавали о том, что Красная Армия стойко держится, мужественно сражается. Теперь уже никто не верил берлинскому радио. Распространялись слухи, что советские войска перешли в решительное наступление. «Если выживем, то скоро освобождение»,— шептали исстрадавшиеся люди. Их бодрость поддерживали скрывавшиеся среди массы пленных коммунисты, командиры, политработники. Теперь они стали настоящими агитаторами.

Однажды Павлов отвел Залина в сторону и прямо спросил:

— Ты политрук?

Не первый раз за последние месяцы Залину задавали этот вопрос... Когда колонна пленных входила в Минск, уже наступал вечер. Улицы были полны веселых, торжествующих немцев. Колонну остановили у какого-то здания, на котором развевался фашистский флаг. Очень высокий немецкий офицер в очках обошел пленных. Некоторым он тыкал стэком в грудь, их отводили в сторону. Дошла очередь и до Залина. Верзила в очках бегло взглянул на него и ткнул стэком. Залина отвели в дом, ввели в какой-то кабинет. Вскоре пришел офицер, спросил: «Комиссар?» Залин покачал головой. Немец разозлился и закричал:

— Твоя гимнастерка говорит, что ты комиссар!

— Эту гимнастерку я нашел на дороге. Моя совсем разорвалась.

Немец ударил его по лицу. Залин упал на пол, потерял сознание. Его привели в чувство, опрокинув на голову ведро холодной воды, поставили на ноги. И снова вопрос: «Комиссар?», снова побои. Потом его оттащили в полуподвальную комнату, где лежало двое пленных, связанных и избитых. Один из них посмотрел на рухнувшего рядом Залина, прохрипел:

— Что же ты, браток, даже знаки различия не сорвал? Сознался, что политрук?

— Нет.

— Тогда так и держись: надел, мол, чужую гимнастерку — и все. Может, не расстреляют.

Не расстреляли. Промучив еще пару дней, вернули в общую колонну пленных.

Все это вспомнилось Залину, когда он услышал вопрос Павлова. Тот, поняв, что собеседник колеблется, добавил:

— Не бойся. Я тоже политрук.

Залин сказал правду. Тогда Павлов проговорил:

— Думаю, что мы не имеем права сидеть сложа руки в ожидании наших. Считаю — надо организовать побег. Ты присоединяешься?

Залин молча пожал ему руку.

— Я слушал твои беседы с пленными. Проверь, разговаривая с ними, кто готов присоединиться к нам. Говори людям: пора начинать борьбу. Только будь осторожен: провалить побег нам нельзя.

Залин немедленно приступил к выполнению поручения. Своих товарищей он знал хорошо, говорил только с теми, кто, по его мнению, не потерял мужества, был готов к борьбе. Ему не пришлось услышать ни одного отказа. Люди даже не спрашивали, куда придется идти, если побег удастся, без колебаний отдавали предпочтение борьбе и возможной смерти перед пассивным ожиданием. Жить в лагере становилось все труднее. Чтобы спастись от пронизывающего холода, некоторые пленные принялись строить землянки. Копать ямы почти без инструментов было адски трудно, и часто приходилось слышать, как отчаявшийся окончить свою работу «строитель» предлагал: «Продаю дом за двести семьдесят граммов хлеба». Двести семьдесят граммов — это был дневной паек узника. На три четверти этот хлеб состоял из древесной трухи. То-

варищи торопили Павлова и Залина: «Ну когда же? Скорее!»

Как-то после такого разговора Павлов грустно сказал Залину:

— Хорошие ребята, жаль их. Ведь многие погибнут в первые минуты, прежде чем мы добудем хоть какое-нибудь оружие.

— Жалко,— согласился Залин.— Но другого пути нет. Мы все умрем от голода и болезней до того, как придут наши.

— Да,— кивнул Павлов.— Ладно. Бескровных восстаний не бывает. Пусть половина погибнет, зато другая спасется. Игра стоит свеч.

...И вот настала условленная ночь. Луч прожектора бегает по лагерю, время от времени освещает ряды людей в лохмотьях, прижавшихся друг к другу на голой сырой земле... Но когда луч убегает, люди на земле приподнимают головы, внимательно следят за движениями часовых.

Так. Кажется, за полночь. Караульные патрули стали проходить реже, да и прожектор ленивее прочесывает лучом территорию лагеря. Часовые общего обзора на сторожевых вышках клюют носом.

— Начинаем! — шепотом сказал Павлов лежащим возле него товарищам.

Приказ командира пошел по рядам. Четыре штурмовые группы приготовились к броску. Первым вскочил Павлов, за ним мгновенно поднялись другие и стремительно кинулись к четырем вышкам.

Охрана не сразу сообразила в чем дело. Но вот ударил первый автомат, за ним другие. Пленные падали на землю, раздались крики, стоны. Но заглушая их, загремело «ура-а!». Часовых бьют камнями, душат. Но голоса автоматов все громче — уже все охранники на ногах.

Группа Залина уже у проволоки. Кто-то пытается прокопать проход под проволокой. Не успеть. Немцы стреляют по ним, падают раненые и мертвые. Залин обмотал руку тряпьем, полез по проволоке, разрывая одежду и кожу, обливаясь потом и кровью. Прыжок — и он за пределами лагеря. Но от боли в раненой голове он теряет сознание. К счастью, ненадолго. Очнувшись, видит, как бегут в сторону леса несколько пленных его группы. С трудом поднявшись, пошатываясь, он спешит за ними.

В лесу на минуту остановились. Шум в лагере еще сильнее. Других бежавших не видно. Ждать невозможно.

— Пошли,— негромко говорит Залин.

Они идут по звездам — час, два, три. Шум стих. Погони нет — немцам не до того. Погибли многие, а многим ли удалось спастись? Жив ли Павлов? Если жив, то, наверно, тоже ведет свою группу по лесу. Встретимся ли?.. Надо идти на восток. Только на восток. Там наши. Там Красная Армия.

2. Чокаев и Каюм продолжали безостановочно ездить по лагерям, агитируя вступать в легион голодных, больных, обовшивевших пленных. Однажды утром, когда они еще лежали в постелях в отведенной им комнате охраны, Вали спросил у Чокаева:

— У вас не болит голова?

Голова у Мустафы болела сильно, но признаваться в этом Чокаеву не хотелось, и он промолчал.

— У меня очень болит голова,— продолжал Каюм, облизывая сухие губы.

— Полежи. Я позову врача.

Мустафа с трудом оделся, вышел. Стоял февраль, но Чокаев не почувствовал холода, выйдя из барака. Наоборот, все тело его было охвачено жаром. Глаза болели и слезились. «У меня высокая температура»,— равнодушно, как о чужом, подумал он.

С трудом добравшись до врача, Чокаев попросил его посмотреть Каюма, ничего не сказав о себе.

Врач быстро осмотрел Вали и коротко сказал:

— Тиф.

Мустафа кивнул. Он и сам уже понял, в чем дело.

— Осмотрите и меня,— произнес он.— Кажется, и я тоже...

Врач констатировал тиф и у него.

— Я прошу вас,— умоляюще сказал Мустафа,— как можно быстрее отправьте нас в Берлин.— Он знал, что немцы панически боятся заболевших сыпным тифом, понимал и то, что сейчас им с Каюмом никак не сесть в поезд. Врач поколебался, потом сказал:

— Хорошо, я передам вашу просьбу коменданту. Только никуда не выходите из комнаты, иначе вас придется поместить в лагерный лазарет.

С тяжелой головой и с тяжестью в сердце Чокаев свалился в постель. «Где мы подцепили этот проклятый тиф?— думал он, чувствуя, как лихорадочно бьется сердце, как свинцом наливается череп.— Э-э, да мало ли где мы могли

заразиться. В любом лагере одежда пленных кишит вшами. Немцы боятся прикоснуться к пленному. А мы были обязаны входить каждый день в гущу этих завшивленных больных людей. Надо постараться убедить немцев как можно скорее выбрать туркестанцев из этих ужасных лагерей, иначе они все вымрут там. Необходимо сказать коменданту, чтобы хоть из этого лагеря здоровых направили в Вениаминово. Болезнь задержит дело... Голова Мустафы гудела, все в ней мешалось, он с трудом сообразил, что жалобный скулящий звук, который он слышал уже давно, не рожден бредом, что он действительно раздается в комнате.

Чокаев напряг все силы и приподнял голову. Вали трясся на своей кровати, с головой закутавшись в одеяло.

— Ты что, плачешь, что ли?

Каюм приоткрыл одеяло.

— Мустафа-ага! А пошлют они нас в Берлин? А может, просто сунут в лазарет, и мы там сдохнем...

— Нас — в лазарет для пленных? Ты с ума сошел!

— А что? Немцы так боятся тифа.

Говорить было трудно, язык вдруг стал большим, еле помещался во рту. Еле ворочая этим огромным, сухим, шершавым языком, Мустафа ободрил соратника:

— Мы нужны немцам. Поэтому они будут о нас заботиться. Вылечат. Им необходим наш легион. Не трусь, кто не болеет! Выздоровеем — и снова за дело...

Их отвезли в Берлин, поместили в госпиталь. Болезнь долго мучала их, температура держалась около тридцати девяти-сорока градусов. Все же Чокаев, несмотря на возраст, легче переносил тиф, чем более молодой Вали. Каюм часто бредил.

— Руд! Не уходи!.. Я люблю тебя, не оставляй меня... Руд!.. Ушла... Мустафа-бек! И вы уходите?.. Все уходят от меня...

Чокаев выбрался из постели, подошел к другу, положил руку на пылающую голову.

— Ну, что ты? Я же здесь.

Но Вали не видел его, метался по подушке, тяжело дышал.

Ночью Мустафу разбудил стон Каюма:

— Воды-ы!

Чокаев снова поднялся, напоил друга, потом дал ему выпить порошок.

Видимо, этой ночью у Каюма был кризис. Проснулся утром он хотя и страшно слабым, но бодрым.

— Голова не болит,— радостно доложил он Чокаеву.

— И хорошо. А то ночью ты был плох, бредил.

— Бредил? Что же я говорил? — насторожился Вали.

— Звал какую-то женщину по имени Руд, говорил, что любишь ее.

— А еще?

— Звал и меня, просил не уходить. Еще что-то бормотал, да я не разобрал.

Каюм, успокоенный, откинулся на подушку. Его беспокоило, не проговорился ли он о связях с гестапо и тайных своих планах. Остальное волновало Вали мало.

С этого дня дела Каюма пошли на поправку. И чем здоровее становился он, тем сильнее озлоблялся на Чокаева. Не мог умереть. Как бы было хорошо и просто: Чокаев умер, он автоматически становится главой Туркестанского государства — к кому еще обращаться немцам? Зачем Мустафа выздоровел? Ведь он скоро стариком будет. Зачем ему легион, Туркестан, слава, власть? А он, Вали, еще молод...

И вдруг Мустафа, словно послушавшись мыслей Каюма, снова слег. Врач-немец сказал:

— Воспаление легких. Надышался холодного воздуха, когда гулял, а организм ослаблен.

— Это опасно? — тихо спросил Вали.

— Конечно. Исход может быть любой. Но думаю, что выкарабкается — сердце, как у буйвола.

Вскоре после того, как он ушел, Чокаев, лежавший в беспамятстве, очнулся.

— Вали,— слабо позвал он.

— Я здесь, Мустафа-бек.

— Там... в тумбочке... порошок. Подай мне...

Каюм нашел лекарство, подал его Мустафе, дал воды — запить. От слабости Чокаев выпустил из рук стакан, он упал и разбился. Больной сразу же снова забылся, а Вали остался сидеть на его кровати, все еще держа в руке бумажку из-под порошка и неподвижно глядя на осколки стакана.

«Ведь порошок можно было заменить другим, тем, что я выменял на золото у аптекаря,— думал он.— Судьба идет мне навстречу, я должен помочь ей. Нельзя колебаться, размышлять, трусить. Сейчас или никогда. Теперь человеческая жизнь дешева, как разбитый стакан. И разве у меня меньше, чем у Чокаева, прав возглавить наше движение? Сколько лет я провел в эмиграции, боролся с больше-

виками, страдал за нашу идею, вот чуть не умер от тифа... В конце концов я умнее, талантливее, значительнее Мустафы. Я лучше его справлюсь с исторической миссией создания независимого Туркестана. Я просто обязан убрать этого старика.— Тут его мысли приняли несколько другое направление. — На гестапо надеяться нечего. Сколько уже времени прошло с того дня, как я принес им материал на Чокаева. Очевидно, в гестапо не хотят ссориться с Розенбергом. Сейчас март 42-го, скоро Чокаева провозгласят главой Туркестанского правительства, теперь это ясно. Никто мне не поможет. Я буду трусом, жалким неудачником, если упущу этот случай».

— Как ваша голова, Мустафа-бек?

— Кажется, получше,— тихо ответил Чокаев.

Сердце у Вали екнуло от страха... «Выздоравливает. Может, ему лекарство больше уже не понадобится?»

Мустафа опять задремал. А Каюм встал, осторожно подошел к тумбочке Чокаева, вытащил из нее пакетик с порошком. Пошел в уборную. Высыпал половину порошка в унитаз. Достал крохотную ампулу, высыпал яд в остатки порошка и снова свернул пакетик. Вернулся в палату, положил пакет на прежнее место. «Хоть бы у него разболелась голова, хоть бы аллах послал ему головную боль»,— думал он, ложась в постель.

Аллах услышал просьбу Вали: ночью Мустафа зажег свет и начал шарить в тумбочке. Он еле держался на ногах.

Проснувшись, Вали увидел, что Чокаев держит в дрожащей руке тот самый пакетик...

Каюм задрожал сам, но усилием воли подавил страх. Встал с кровати, заботливо спросил:

— Голова заболела, Мустафа-бек? Решили принять лекарство? Минуточку, я вам помогу.

Он налил воды в стакан. Чокаев высыпал порошок на язык, глотнул, запил водой.

— Какая гадость,— прошептал, садясь на постель. И тут же, захрипев, опрокинулся на подушку. Вали застыл, слушая этот жуткий хрип задыхающегося человека. Поставил стакан на тумбочку, потом оглянулся, передвинул его подальше от края — почему-то боялся, чтоб и этот стакан не разбился.

Наступила полная тишина. Каюм неслышно, словно боясь нарушить ее, подошел к кровати Мустафы, заглянул

в его неподвижные глаза. Потом нагнулся, поднял пустой бумажный пакетик и медленным движением спрятал его в карман халата.

3. Пленные, набитые в стремительно мчавшийся длинный эшелон, не знали, куда их везут. Неопределенность положения рождала самые невероятные слухи. Говорили даже, что их собираются обменять на немецких солдат, взятых в плен Красной Армией. Залин этому не верил. Он видел, что в теплушках собраны лишь уроженцы Казахстана и Средней Азии. Опять пахнет какой-нибудь провокацией. Залин был страшно зол. Месяц он был на свободе и все-таки не смог дойти до линии фронта. Вконец обессилевшего от голода, его снова схватили гитлеровцы. Он ждал смерти, но его не убили, даже не избили по-настоящему, а запихнули в этот эшелон...

Залин не отрывался от щели в стенке теплушки. Вдали время от времени мелькали бедные польские деревни. Наступала весна. Земля зазеленела, деревья помолодели, притягивали взгляд. Но на этот весенний простор можно было только глядеть в щель; близкий, он был недоступен пленникам вонючей и тесной движущейся тюрьмы.

На черных весенних полях Залин видел фигуры польских крестьян. И эти люди, находящиеся за пределами поезда-тюрьмы, выглядят не свободными людьми, а арестантами. Да это и на самом деле так; они давно не знают светлых дней, враг топчет их землю, покрытую колючей проволокой,— на что же надеяться польскому народу?

Залин вытащил припрятанный обрывок бумаги и огрызок карандаша. Писать из-за хода поезда было трудно, рука дергалась, буквы получались неровными, но Залин упорно продолжал свою работу. «Поляки! Выше голову! Фашисты скоро будут разгромлены. Но мы не имеем права только ждать этого. Фашисты — ваши и наши враги. Объединимся и начнем борьбу!..»

На следующей остановке Залин вложил рукописную листовку в старую пустую смятую жестяную банку и выбросил ее наружу. Он надеялся, что когда поезд отойдет, какой-нибудь поляк найдет его записку и прочитает...

Через некоторое время дверь теплушки с грохотом открылась, и немецкий офицер хмурого вида спросил, заглядывая в глубину вагона:

— Какой умный комиссар решил делать тут большевистскую агитацию?

Он приподнял над головой залинскую бумажку и помолчал, ожидая ответа. Молчали и испуганные пленные.

— Глупцы,— произнес, не дождавшись ответа, офицер.— Из вас желают сделать полезных людей, а вы не можете оценить этого. Что ж, за такое полагается наказание. Сегодня вы лишены обеда.

Дверь с тем же грохотом закрылась. Поезд тронулся. В наступившей темноте послышались напуганные и злые голоса:

— Чего там написали?

— Кто это написал?

— Эх, не можете сидеть смирно. Вот и остались без жратвы...

Утром поезд подошел к конечной станции.

— Выходить! — кричали солдаты охраны, распахивая двери.— Строиться!

Пленные спрыгивали на землю, разминаясь, строились на станционной площади. К ним обратился с краткой речью немецкий капитан, фамилия которого, как вскоре узнали пленные, была Цинке.

— Господа туркестанцы! — начал он.— Вас обманывали и угнетали большевики. Они уничтожили свободу, они превратили землю мусульман в колонию. Теперь вам предоставляется возможность отомстить им и бороться за независимый Туркестан! Такие же, как вы, пленные начали создание Туркестанского легиона для борьбы с большевиками. С сегодняшнего дня и вы солдаты Туркестанского легиона...

Пленные переглядывались с удивлением. Что это за легион? И почему мы стали его солдатами? Мы же не записывались в легионеры, нас вербуют против нашей воли...

Заметив недовольство строя, Цинке сурово сдвинул брови.

— Видимо, среди вас есть невыявленные комиссары и коммунисты. Только большевики могут быть против вступления в легион. Кто не хочет вступить в число легионеров, пусть выйдет вперед.

Никто не сомневался, какая участь ожидает тех, кто выйдет из строя. Погибать зря не хотелось никому, и ряды остались сомкнутыми. Цинке смягчился и последние слова произнес не таким суровым тоном:

— Истинные мусульмане должны быть заинтересованы в том, чтобы создать свою армию, освободить родную зем-

лю от большевиков и создать независимое Туркестанское государство.

С поникшими головами шли пленные в лагерь Вениаминово. Здесь после бани им выдали чешскую и французскую военную форму, разумеется, не новую, но целую и выгодно отличавшуюся от прежних лохмотьев. Пища здесь была лучше лагерной. Но все это мало радовало людей, чувствовавших себя предателями, хотя и поневоле. Это чувство давило, угнетало.

Вениаминово выполняло роль карантина. Продержав здесь пленных десять дней, их перевели в лагерь Легионово. Здесь, в первое же утро, всех разбудил крик десятка голосов:

— Выходи на утреннюю молитву!

Удивленные выходили легионеры на лагерный плац. На плацу их сбора нетерпеливо ждали двое лет сорока — один высокий, другой пониже. У каждого на голове большая белая чалма.

— Быстрее, джигиты, быстрее,— торопил высокий.— Молитву надо совершать до восхода солнца, иначе придет несчастье. Собрались? Тогда, граждане, начинаем молитву. Что буду делать я, то делайте и вы, что скажу я, то и вы говорите. Во время молитвы нельзя произносить посторонних слов...

С тоскливым изумлением смотрел Залин на двух мулл и слушал их слова. «В какое время я попал?»—думалось ему. Он оглянулся на легионеров. Один из них подмигнул ему, молчи, мол, и делай, что приказывают.

— О аллах, чтобы восславить тебя, совершим утренний намаз. Повернемся лицом к востоку,— начал высокий и, ударив себя по мочке уха и сложив руки вместе, принялся читать молитву.

То, что делал высокий мулла, повторяли легионеры и мулла среднего роста. Легионеры невнимательно слушали малопонятные слова, вставляли в молитву смешную отсебятину и жужжали словно мухи. Некоторые, не выдержав, вдруг принимались смеяться. Мулла, читавший молитву, глядя на смеющихся злыми глазами, внезапно наклонился и выпрямился, а второй раз наклонился и упал. Тогда и легионеры, поднимая пыль, грохнулись на землю.

Мулла сел, поджав под себя ноги.

— Ассаламагулейкум! Ассаламагулейкум! — произнес он, поворачиваясь поочередно в обе стороны и приветствуя тем аллаха.

Все эти движения мулла повторил еще раз. Легионеры же, то хлопали себя по ушам, то складывали ладони, то сгибались в поклоне, то падали, то опускались на землю, поджав под себя ноги, то вскакивали. Все это весьма напоминало гимнастические упражнения.

— Бисмилля аллаакбар! — наконец сказал, поглаживая лицо, мулла, заканчивая молитву.— Тьфу, безбожники, даже молиться не можете,— вдруг выругался он, сбившись с прежнего тона.

Высокий чалмоносец сообщил, что теперь он будет пять раз в день читать молитву: утренняя молитва, полуденная молитва, послеполуденная молитва, вечерняя молитва и молитва перед сном. Утренняя молитва — четыре поклона, после каждых двух поклонов одна хвала аллаху. Полуденная молитва — десять поклонов: четыре поклона одна хвала, потом снова четыре поклона и одна хвала, затем два поклона и одна хвала. Послеполуденная молитва — четыре поклона и еще четыре поклона и одна хвала. Вечерняя молитва — пять поклонов, три поклона и одна хвала, два поклона и одна хвала. Самая последняя — это молитва перед сном, девять поклонов...

— Понятно? — спросил мулла легионеров.

Одни отвечали, что понятно, другие, что непонятно. Опять поднялся шум. Пошумев, разошлись по баракам.

— Откуда выкопали такого муллу?! — спросил в бараке продолжавший изумляться Залин.

Из обрывочных рассказов легионеров сложилась такая картина. Высокого муллу зовут Гани-Кара Садыров, того, что пониже — Нуритдин Накибов. Они ровесники и земляки — оба из Намангана. Сначала Накибов, потом через два года Садыров совершили тяжкие преступления и отбывали наказание за них в Белоруссии. После того, как гитлеровцы оккупировали Белоруссию, их перевели в лагерь для военнопленных. В лагере Садыров начал молиться. Видя его набожность, охрана стала его подкармливать — время от времени Гани-Кара получал лишний кусок. Потом его перевели в Легионово, и тут он попался на глаза Чокаеву, Каюму и Идриси. Те решили сделать из Садырова муллу. В помощники тот взял Накибова, нашел и других, подобных ему.

Залин глубоко задумался. Смешно это все было только на первый взгляд. Нельзя поручиться, что такие, как этот свежеиспеченный мулла, не станут оказывать влияние на отсталую и неустойчивую часть пленных. И ясно, каким

будет их влияние. Фашисты действуют с дальним прицелом. Нельзя сидеть сложа руки. Надо исправлять допущенные ошибки, вырабатывать новую тактику.

Теперь единственный путь добиться свободы и получить в руки оружие — это использовать легион. Если отправят на фронт, следует переходить к своим и поворачивать оружие против гитлеровцев. Если не пошлют на фронт, все равно полученное оружие можно использовать против врага. Лучше смерть, чем предательство. Может быть, погибнем, но погибнем, уничтожив немало фашистов...

Нужно вести среди легионеров работу, звать и готовить к сопротивлению, к восстанию. Разумеется, придется быть осторожным. Несерьезно надеяться, что среди сотен и тысяч измученных и растерянных людей не найдутся трусы и предатели. Поэтому Залин решил начать с того, что поодиночке поговорить с наиболее надежными соседями, причем ничего сразу не сообщать о цели, которую он ставит перед собой. Лишь убедившись, что этому человеку можно доверять до конца, следует заводить разговор о борьбе.

Из живших с ним в одном бараке Залину больше всех нравился Рамазанов — низенький, молоденький, двадцати двух лет, с мальчишески вздернутым носом, он был парнем большой искренности и редкостной доброты. Сирота, он воспитывался в детском доме в Чимкенте, начал было учиться на фельдшера, но увлекся радио, перешел на курсы радистов. Оттуда попал в армию.

— Я исполню любое ваше приказание,— ответил он, когда Залин после нескольких «прощупывающих» бесед поделился с ним своими планами.

Однажды комендант лагеря Цинке объявил, что будет создана Туркестанская рота СС. Для нее начали отбирать легионеров. В их число попали Залин с Рамазановым. Рота имела в своем составе три взвода: первый и второй — «политические», а третий — взвод радистов. Командиром роты назначили Баймырзу Хаитова, который на фронте добровольно перешел к немцам. Был он среднего роста, толст и смугл. Рота слушала лекции по «истории Туркестана» и информацию с фронта, а третий взвод кроме того обучался приемам работы с радиоаппаратурой.

— Хорошо учитесь, и вы займете высокое место в Туркестанском государстве,— часто твердил Хаитов.

Как-то немцы в лагерь Легионово привели нескольких поляков и заставили их чинить водопровод и канали-

зацию. Среди пришедших была женщина лет двадцати трех, высокая, рыжеволосая. Взгляды всех пленных обратились к ней. Когда началась работа, Залин, тоже не спускавший с женщины взора, подошел к ней, постоял немного возле и стал молча помогать ей в починке. Женщина улыбнулась и не стала отказываться от помощи.

— Вы что, собираетесь идти против своих? — спросила она, когда они проработали рядом некоторое время. Спросила на чистом русском языке.

Залин так и застыл, не зная что ответить, что ей сказать. А если выложить правду: в легион их загнали насильно, если пошлют на фронт — многие готовы перейти на сторону Красной Армии? Женщина должна поверить. Но не зная, кто она, как открыться ей? Возможно, она немецкая шпионка. Тогда все пропало... Залин не находил выхода, а вопрос все звучал в его ушах, и явственен был теперь его смысл: «Неужели вы стали предателями?!» Да, даже здесь, в лагере, пришлось ему услышать это слово, а что скажет народ, когда он вырвется на свободу и окажется в родных краях? Если он не докажет своей чистоты, своей верности Родине, ему плюнут в лицо...

— Как вы можете так говорить? Ведь вы не знаете нас! — ответил наконец Залин.

Женщина больше не задавала вопросов. На следующий день польские рабочие вновь оказались в лагере, и Залин увидел свою вчерашнюю знакомую. Непонятная сила потянула его к ней. Он хочет подойти к женщине, но боится услышать от нее еще более строгий и суровый вопрос. И все же Залин решается. Медленно подошел он к работавшей женщине, поздоровался, снова стал помогать ей.

— Вы русская? — спросил Залин между делом.

Женщина покачала головой.

— Полька! — ответила она улыбнувшись.

Залин некоторое время с удивлением смотрел на нее.

— Но вы хорошо говорите по-русски.

— Я и по-немецки говорю хорошо. Но я не русская и не немка. Я полька! — засмеялась она.

Улыбка женщины понравилась Залину. «Раз она знает русский и немецкий, то значит она где-то училась. Где же и где потом работала? Почему же она теперь слесарит? Кто она и откуда? Но как мила!..»

Залину очень хотелось расспросить обо всем польку, но решимости не хватало. Поработав несколько часов, жен-

щина вымыла руки и достала из сумочки что-то завернутое в бумагу. Раскрыла. В пакете был хлеб и вареная картошка. Женщина подала Залину кусочек хлеба и картофелину.

— Я не голоден,— отказывался Залин.

Но женщина настаивала на своем:

— Берите, не стесняйтесь!

Залин, хотя и чувствовал неловкость, все же принял угощение. Удивительно вкусными показались ему этот хлеб и картошка, хотя легионеры не голодали. Но должно быть оттого, что взял он их из рук милой женщины, скромный завтрак был Залину слаще, чем нескудный немецкий паек.

— Меня зовут Замель! — решил представиться Залин, надеясь узнать имя знакомой.

— Красиво звучит. А меня зовут Марина,— ответила полька.

Прошло несколько дней. Хотя рабочие продолжали бывать в лагере, Залин находил неудобным все время подходить к Марине. Но на третий день его так потянуло к ней, что он не смог справиться с собой.

— Где вы пропадали? А я вам принесла книгу,— встретила его улыбкой Марина и вытащила из сумки толстый том.

Залин взял книгу. «Война и мир» Льва Толстого... Обрадовался, словно увидел близкого и дорогого человека.

— Вы знаете, где сейчас русская армия? — негромко спросила Марина.

— Немцы нам говорят кое-что, но я им не верю.

— Красная Армия разбила немцев под Москвой и Ржевом и двигается сейчас на запад,— сказала Марина. Радость светилась в ее глазах.

Новость приподняла дух Залина. Да, Красная Армия несомненно выгонит гитлеровцев с захваченной ими советской территории, освободит нас. Но мы не можем только ждать этого! Он воспользовался тем, что сегодня Марина разговорчивее, чем обычно, и с ходу засыпал ее вопросами:

— Кем вы работали раньше? Где живете? Расскажите мне о себе!

— Если бы я лучше знала вас, то рассказала бы не только о себе, но и о других. А сейчас не могу...— проговорила Марина, чуть подумав.

«Да, как же иначе — ведь на мне фашистская форма,— с горечью подумал Залин.— Несомненно, Марина ненави-

дит фашистов и с нетерпением ждет прихода Красной Армии. Нет, я должен быть с ней полностью откровенен».

— Тогда помогите мне бежать из легиона! — быстро произнес он.

И Марина не стала колебаться, согласилась сразу же, не испытывая Залина больше.

— После побега поживешь у меня в доме — в погребе. Потом я сведу тебя с партизанами,— сказала она.

У Залина дух захватило от неожиданной удачи. Свобода, возможность борьбы, встреча с товарищами — да что может быть лучше!

Марина сдержала слово. На следующий день она принесла Залину гимнастерку и брюки. Но в тот день им не удалось обсудить план побега. Гимнастерку и брюки он спрятал в матраце и стал ждать следующей встречи с Мариной, но поляки больше в лагере не показывались...

— А вы, оказывается, читаете недозволенные книги. Почему? — строго спросил однажды Залина командир роты СС Хаитов, когда они встретились у входа в лагерь.

— Я читал Толстого. Кто сказал, что читать Толстого не полагается?

— Я. Мне не нужны мнения других. Толстой — русский писатель, а мы — мусульмане. Мы не должны ни в чем быть связанными с русскими.

Хоть и много довелось повидать и испытать Залину за последние месяцы, но он не переставал удивляться превращениям, происходившим с некоторыми пленными. Этот Хаитов закончил Ферганский педагогический институт, работал в советских органах народного просвещения, вероятно, не раз сам восхвалял Толстого и его роман, наверняка, говорил о дружбе народов... Залин взглянул на Хаитова в упор. В глазах комроты будто копошились змеи. Белки были огромны, как у негра. Втянутое и скуластое лошадиное лицо делил пополам огромный нос, с большой черной бородавкой у ноздри. Косящие глаза, хриплый голос... Залину внезапно стало до тошноты противно. Он стоял молча, знал: если заговорит, ответит, то сорвется,— и тогда прощай все.

— Ты же образованный, знающий человек. Чем читать Толстого, лучше бы рассказал солдатам что-нибудь из истории туркестанского народа,— мягче заговорил Хаитов.— Вечером будет кино. После фильма ты объясни солдатам то, что они не поймут...

4. В руки Мадера попало письмо Алихана Агаева.

Этот Агаев сообщал, что он хочет использовать красноармейцев-казахов, попавших в плен, против Советской Армии и что он в силах это сделать. «Какой-то двойник Чокаева»,— подумал Мадер, когда прочитал письмо. Разница только в масштабах. Если Чокаев хотел сплотить все национальности Средней Азии и Казахстана, то Агаев ограничивается только казахами. Однако у обоих главное желание — борьба с Советами.

Мадер вызвал Агаева в кабинет коменданта лагеря. Перед Мадером предстал сорокалетний, среднего роста, крепко сбитый человек с костистым серым лицом и в очках.

— Вы были лейтенантом Советской Армии. Чего вам не хватало в жизни? Какова причина того, что вы хотите, войдя в ряды германской армии, стать организатором борьбы против большевиков? — спросил Мадер, внимательно глядя на пленного.

— Мой отец был богатым человеком. Советская власть отобрала у нас все наше добро, а отца выселили на край земли. Там он умер. Вы понимаете, что у меня нет причин любить большевиков,— ответил Агаев.

Мадер кивнул и после небольшой паузы заговорил.

— Ваше предложение не очень оригинально. Сейчас из пленных мусульман уже создается армия, которая именуется «Туркестанским легионом». В настоящее время нам в первую очередь нужны люди, которые бы проводили диверсии в тылу противника, организовывали беспорядки, вели тайную борьбу. Сможете ли вы найти людей для этого?

— Безусловно! — быстро ответил Агаев, помрачневший было при известии, что его успели опередить.

— В таком случае собирайтесь, вместе со мной поедете в Берлин,— сказал Мадер.

Поблагодарив, Агаев поднялся со стула, но, не дойдя до двери, остановился.

— Господин офицер! В лагере находится некто Кайболдин, человек, который бежал от большевиков вместе со мной. Он писатель. Враг Советов. Человек, нужный великой борьбе! Не возьмете ли и его с собой...

— Пошли его сюда, посмотрю.

Обрадованный Агаев быстро вышел. Вскоре в кабинет коменданта, где сидел Мадер, вошел невысокий, худой,

черноволосый казах, не достигший еще, видимо, тридцати лет.

— Мне сказали, что вы зовете, и я пришел. Я Кайболдин Маулекеш,— произнес он, приблизившись к столу.

— Садитесь! — сказал Мадер, показав на стул перед собой.— Итак, вы, вместе с Агаевым, бежав из Красной Армии, перешли к нам?

— Да, вместе с Агаевым 17 ноября 1941 года под Москвой.

— Предали свою Родину?

— Будет правильнее, если скажу, что предал не Родину, а большевиков.

— О-о! Красноречивый ответ!

— Господин офицер! Я бежал с риском для жизни не для того, чтобы сидеть в лагере военнопленных. Я хочу сражаться против большевиков.

— Хорошо, хорошо! — согласился с ним Мадер.— Какое дело вам по плечу?

— Я писатель. Недавно в русской эмигрантской газете «Новое слово» под псевдонимом Асан Кайгин я напечатал одну статью. Если вы захотите использовать мои способности, то я смогу вести агитацию. Мой друг Агаев хочет начать борьбу вместе с другими казахами против большевиков. Я его полностью поддерживаю. Если предоставите возможность, то я смогу стать помощником Агаева.

— Хорошо. Считайте, что вам уже предоставлена эта возможность. Вас пошлют в лагерь Люккенвальд. Там вы снова встретитесь с Агаевым...

Однако пока Кайболдину пришлось остаться в лагере. Мадер взял с собой в Берлин одного Агаева. По ходатайству Мадера, ОКВ присвоило ему звание лейтенанта германской армии. Мадер считал, что если пленный казах неожиданно появится в лагере в форме офицера германской армии, то это не может не произвести сильного впечатления на пленных. Это подскажет многим: «Нужно поступать на службу к немцам».

После того, как Агаева облачили в форму немецкого офицера и объяснили задачи, стоящие перед ним, Мадер отправил его в сопровождении своего помощника доктора Грайфа в Люккенвальдский лагерь.

Люккенвальд находился в пятидесяти километрах от Берлина и был тогда маленьким красивым городом. В пяти-шести километрах от города — лагерь, где собраны

представители множества национальностей: и русские, и украинцы, и армяне, и татары, и казахи, и узбеки, и таджики, и многие другие. Пленные каждой национальности содержались отдельно от других. Впрочем, кроме военнопленных содержались там и гражданские, пригнанные с оккупированных советских территорий.

Толстый, полуседой, прихрамывавший на одну ногу Грайф, пройдя через этот лагерь, привел Агаева в другой, который именовался «Офлаг № 3-а». Он находился с восточной стороны Люккенвальда в лесистой местности, рядом с городским кладбищем.

«Офлаг» состоял из восьми одинаковых, окрашенных в зеленую краску деревянных домов. Когда Грайф и Агаев осматривали эти дома, к ним присоединился черноволосый, живой, с поблескивающими глазами джигит.

— Агай, извините, если я не ошибаюсь, вы, я думаю, казах? — сказал он Агаеву.

— Да, я казах. А сам ты кто?

— Я Канатбаев из Западного Казахстана. Разрешите задать вам один вопрос.

— Спрашивай, дорогой.

— Вы, наверное, знаете человека по имени Мустафа Чокаев?

— Слышал о нем.

— Вы не знаете, где сейчас этот человек?

— Он умер.

— О аллах! Какое несчастье! Так оно и должно было быть. Если бы он был жив, он давно бы уже появился у нас, — с искренним огорчением воскликнул Канатбаев.

Познакомились. Канатбаев рассказал о том, что он встретил Чокаева в лагере Сувалки, как помог ему Чокаев, как после этого немцы перевели его в этот лагерь, как недавно приезжал из Берлина один немецкий офицер, как он, Канатбаев, согласился поступить в школу, где готовятся руководящие кадры для будущего Туркестанского государства и как он сейчас ждет отправки в эту школу.

— Сейчас человек по имени Вали Каюм создает Туркестанский легион,— сказал Агаев.

— Вы говорите, Вали Каюм?! Э, э! Рядом с Чокаевым был один молодой узбек, его помощник, так это, видимо, он.

— Действительно, он.

Канатбаев был ловкий малый, умел сходиться с нужными людьми. В ожидании отправки из «Офлага», он

угождая Агаеву, сумел стать ему другом. Вскоре к этим двоим присоединился и прибывший Кайболдин.

Познакомившись с положением в лагере, Агаев приступил к делу. Грайф в большинстве случаев уступал ему дорогу, лишь находился рядом с ним и со стороны наблюдал за ним. Могли бы Агаева считать старшим, а Грайфа сопровождающим.

Однажды собрали казахов из большого лагеря.

— Граждане! Есть ли среди вас дети баев, судившиеся или же родственники судимых, люди, перенесшие обиду от Советов? — обратился Агаев, пристально глядя на пленных.

Все молчали.

— Нет, что ли? — спросил Агаев.

Один из пленных, опасливо озираясь, поднял руку.

— Выходи вперед! — приказал Агаев.

Из строя вышел высокий и худой брюнет.

— Я сын бая,— сказал он, покраснев.

— Как фамилия?

— Бом Бахи.

— О аллах! Что это за фамилия?

— Это фальшивая фамилия, потом я вам все объясню.

Кивнув головой, как бы говоря «годишься», Агаев поставил Бом Бахи отдельно.

— Кто-нибудь еще есть? — обратился он к пленным, стоявшим в строю.

Так как все молчали, Агаев, заложив руки за спину, прошелся взад-вперед перед строем и неожиданно спросил у одного из стоявших в строю:

— Как фамилия, имя?

— Днишев Хамбет,— ответил тот.

— А твоя?

— Куттыбаев Муса.

Таким образом Агаев записал фамилии около десяти человек, а список отдал коменданту. Людей, попавших в список, комендант на следующий день перевел в «Офлаг». Там Агаев стал вызывать их к себе по одному.

— Э, Куттыбаев? Иди ближе, садись сюда,— сказал Агаев высокому, очень худому, высоколобому человеку с широко расставленными глазами, который только что вошел.

Агаев долго и придирчиво расспрашивал историю жизни Куттыбаева, особенно интересуясь происхождением, партийностью, работой, которую тот выполнял

до армии, родственниками, тем, каким образом попал в плен.

— Ты сюда прибыл не для того, чтобы только хлеб жрать,— сказал он Куттыбаеву, сочтя его ответы безупречными.— Нужно помочь немцам. Если пожелаешь вступить во вновь организуемый Туркестанский легион, то получишь винтовку в руки и отправишься на фронт, а если не хочешь подставлять лоб под пулю, то вместе со мной отправишься в Казахстан выполнять ответственное поручение немцев. Выбирай!

Разумеется, Куттыбаев, не сомневавшийся, с кем имеет дело, скрыл от Агаева свою подлинную биографию, скрыл, что он коммунист. Услышав предложение этого казаха в фашистской офицерской форме, он задумался. Предать Родину и трудиться на немцев, конечно, не могло прийти ему в голову. Самые мучительные пытки, самую страшную смерть предпочел бы он измене и знал, что умрет коммунистом. Он размышлял о другом: «Если этот Агаев действительно проникнет в советский тыл, то пока его обезвредят, он может многое натворить. Могут и совсем не поймать, это и того хуже. Я обязан пойти с ним и помочь задержать его!»

— Ну, что молчишь? — грубо спросил Агаев.

— Выбор, который вы предложили, не из легких, дорогой. Вот и молчу, думаю,— ответил Куттыбаев.— В советском-то тылу тоже пулю схватить нетрудно. Ладно,— улыбнулся он.— Вижу, что вы надежный человек. Правильно, наверно, будет идти с вами.

— Из тебя выйдет толк. Верно решил. Если будешь со мной, не пропадешь,— обрадованно сказал Агаев.

Агаев сумел добиться согласия еще пяти-шести казахов из большого лагеря войти в его диверсионную группу. Остальные выбрали все-таки Туркестанский легион. Чтобы сделать группу полноценной, Агаеву пришлось еще раз отправиться в большой лагерь. Пока он находился там, Кайболдина вызвали на работу в Берлин в министерство по восточным делам, а Канатбаева отправили в другое место.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Чтобы лучше использовать для управления порабощенными народами предателей своей родины, Восточное министерство создало специальные «курсы политических

работников» в местечке Вустрау под Берлином. Фон Менде командировал в Вустрау Каюма. Там Вали должен был познакомиться со слушателями — наряду с русскими, украинцами, белорусами, кавказцами обучалась на курсах и группа туркестанцев.

Каюм поехал с большой охотой, надеялся, что эта поездка поможет осуществлению его далеко идущих планов. Он собирался поставить перед Восточным министерством вопрос о создании временного правительства Туркестанского государства — «Туркестанского национального комитета», а также об издании журнала на «туркестанском» языке. Однако для комитета и редакции нужны были верные кадры, их-то Вали пока не находил. Голова его пухла от беспокойных мыслей. Конечно, в Берлине были люди вроде Идриси — давно осевшие на чужбине, работавшие в разных учреждениях рейха, известные многим гитлеровцам. Однако именно это и не устраивало Каюма: если кто-нибудь из таких рьяно примется за дело и проявит способности, ему будет нетрудно обскакать Вали и самому стать во главе будущего Туркестанского государства. Поэтому Каюму хотелось подобрать соратников не среди эмигрантов, а из числа военнопленных.

Вустрау — лесистое место. Там были расположены рядом два лагеря. Первый — Зондерлагерь». Он был как бы первой ступенью в школе, которая готовила политических работников для восточного министерства. Те, кто прошел подготовку в «Зондерлагере», переводились во «Фрайлагерь». У переведенных во «Фрайлагерь» положение было гораздо лучше: отличная пища, новая одежда. Лагерь не охраняется, выходить из него слушателям можно было свободно.

Поговорив с комендантом Вустрау Френцелем и узнав лагерные порядки, Каюм пошел к пленным, которые находились в «Зондерлагере». Вали был в штатском — в светлом костюме, белом плаще и черной фетровой шляпе. Первый же слушатель-туркестанец, которого он увидел, вскочил перед ним навытяжку и почтительно поздоровался.

— О, ты, оказывается, здесь! — сказал Каюм, которому лицо этого джигита показалось знакомым.— Как твоя фамилия?

— Канатбаев. Вспомните, когда вы с Чокаевым прибыли в лагерь Сувалки...— начал рассказывать он.

— А, помню, помню,— остановил его Каюм.— Сколько

тут вас? — он внимательно начал разглядывать туркестанцев, которые стали собираться около него.

— Нас тридцать,— ответил за всех Канатбаев.

— А список у вас есть?

— Так точно,— Канатбаев достал из кармана листок бумаги и подал его Вали.

— Ты что, назначен их начальником? — спросил Каюм Канатбаева.

— Нет, никто меня не выбирал начальником, просто мы сами, договорившись, составили этот список,— ответил тот покраснев.

— Тьфу. Так вы все, оказывается, здесь,— произнес Каюм, когда прочитал список.— А я вас ищу в Вениаминово.

Большинство собранных в Вустрау были те, кто согласился работать на немцев, когда Чокаев и Каюм ездили по лагерям. Позднее, когда Каюм создавал Туркестанский легион, он не нашел этих предателей в Вениаминово. Разыскать их в Вустрау для Каюма было неожиданной удачей.

Расспросив слушателей, Вали узнал, что здесь они изучают государственную структуру третьего рейха, его законы, программу и устав нацистской партии и немецкий язык. Для того, чтобы достичь полной политической зрелости, им оставалось прослушать цикл лекций по истории Туркестана и по исламу.

Ознакомившись с житьем-бытьем туркестанцев, Каюм завел разговор о положении Туркестанского легиона. Он сообщил, что намеревается создать Туркестанский национальный комитет и поставить вопрос перед Восточным министерством о выпуске журнала. Он похвалил слушателей за успешную учебу и указал, что и для комитета, и для редакции, и для легиона нужны преданные делу независимого Туркестана работники.

— Скоро мы приступим к выпуску журнала. Кто хочет работать в редакции? — обратился к своим собеседникам Каюм, ознакомив их с положением дел.

— Каждый из нас готов на любое дело. Мы все имеем образование, умеем писать. Можете выбирать любого,— опять первым ответил Канатбаев, пока его товарищи переглядывались друг с другом.

Оттого, что Канатбаев все время выскакивал вперед, Каюм успел невзлюбить его. Он взглянул на слушателя пристальным взглядом и отрубил:

— Хорошо, я сам выберу подходящие кандидатуры по ходу дела. Пока мне понадобится не так уже много людей. Для меня вы все одинаковы, все вы сыновья Туркестана. Поэтому в моей группе, думаю, будут представители разных племен.

— Племен? — не понял Канатбаев.

— Да. Узбеки, туркмены, таджики, казахи, киргизы — все это только племена. Большевики объявили их разными народами и разделили на отдельные республики. А в действительности в Туркестане один основной народ, одна национальность — туркестанцы. Понял? — Каюм в упор посмотрел на Канатбаева.

— Впервые слышу, что казахи это племя, а не народ,— недовольно проговорил Канатбаев.

— А вы как думаете? — и Каюм посмотрел на остальных.

Но и они, хотя и не возражали, помалкивали, видно было — не пришли в восторг от «открытия» Вали.

— О-о! Выходит, вы все плохо знаете историю Туркестана! — засмеялся Каюм.— Подождите, скоро я прочту вам несколько лекций по истории Туркестана. Тогда все станет на свои места.

И действительно, Каюм начал читать в Вустрау лекции для туркестанцев по истории. Кроме того он поодиночке беседовал с каждым из них, отбирая сотрудников будущего журнала.

Его внимание привлек узбек Ахат Салимов, который раньше был доцентом Среднеазиатского государственного университета. Если среди казахов всем заправлял Канатбаев, то среди узбеков — этот самый Салимов. Оба они организовывали занятия туркестанцев. Поняв положение Салимова, Каюм стал делать вид, что полностью откровенен с ним.

— Нет, узбеков я не обижу,— говорил Ахату Вали.— Если я в редакцию возьму десять человек, то половина из них будут узбеки. Среди них первым, безусловно, станете вы. Поэтому подбирайте людей, которые могут быть вашими помощниками.

«Если из казахов Каюм возьмет хоть одного человека, то им буду я»,— не сомневался Канатбаев. Однако в конце концов он все-таки остался в стороне. «Слишком энергичен, слишком говорлив. Будет пытаться обойти меня. Надо держать его подальше»,— решил Вали.

Когда Канатбаев узнал, что Каюм отобрал в состав

редакции девять человек, из которых пятеро узбеки, а остальные четверо представляют все прочие национальности, он страшно рассердился. «А ведь говорил: «Вы все равны для меня, вы все дети Туркестана!» Как же он двуличен!..»

Людей, которых Каюм отобрал для работы в редакции, он перевел во «Фрайлагерь». Когда будет готово жилье и место работы, их вызовут в Берлин.

— Не сердись, дорогой, найдется и для тебя подходящая работа. Пока я буду ездить по делам, ты проштудируй эту книгу Чокаева и друзей своих познакомь с ее содержанием,— сказал Каюм Канатбаеву на прощанье и вручил ему тоненькую книжонку.

Довольный результатами проделанной работы, Каюм возвратился в Берлин. Через неделю он вызвал отобранных людей в Берлин и приступил к выпуску журнала «Милли Туркестан».

Как только отбыли в Берлин те девять человек, комендант Френцель отделил от оставшихся туркестанцев узбеков и переселил их во «Фрайлагерь».

— Когда вы остальных переведете во «Фрайлагерь»? — спросил Канатбаев.

— Это не мое и не ваше дело. Таков приказ Восточного министерства,— резко ответил Френцель.

Но Канатбаев понял, что хотя приказ исходит от Восточного министерства, однако готовил его Каюм. Этот поступок Вали окончательно настроил Канатбаева против него. «Этого нельзя тебе простить, Каюм, — мысленно твердил он. Вместо того, чтобы объединять мусульман и готовить их к борьбе против Советской власти, ты хочешь посеять между нами рознь. Этого не будет, Каюм. Кто ты сам такой? Разве ты не был всего-навсего помощником у Мустафы, даже его слугой. Ну, подожди, подлец. Я в трудное время и без тебя нашел выход, найду и сейчас свою дорогу, если будешь оттеснять меня».

И действительно, удача не покидала Канатбаева. Усердно выполняя поручения Френцеля, всячески выказывая свою преданность фашизму, он вскоре достиг успеха. Френцель перевел его во «Фрайлагерь» и даже назначил комендантом этого лагеря. Почувствовав себя уверенно и продолжая подхалимничать перед Френцелем, Канатбаев всех оставшихся в «Зондерлагере» туркестанцев перевел во «Фрайлагерь». Таким образом все туркестанцы в Вустрау снова собрались в одном месте.

Весть об этих переменах в лагерях достигла и Каюма и, честно говоря, сильно испугала его. Получалось, что Канатбаев сам в силах добиться многого. «Я создаю Туркестанский национальный комитет, хочу стать его президентом, а в это время из среды туркестанцев неожиданно появился новый претендент, молодой, энергичный. Пост президента может ускользнуть от меня, если я зазеваюсь»,— размышлял Каюм. Для того, чтобы остановить самостоятельное продвижение вверх соперника, Каюм вызвал его в Берлин.

— Я тебя пригласил для того, чтобы предложить работу в будущем Туркестанском национальном комитете,— заявил Каюм вызванному.

Он хорошо понимал, что коли Канатбаева не пригласить таким вот образом, то он может и сам достигнуть Берлина. Канатбаев этого пока не сообразил. Надо его обласкать, надо, чтобы он почувствовал себя обязанным Вали. И на самом деле, не разобравшийся в ситуации Канатбаев с радостью и благодарностью принял предложение Каюма.

— Договорились, теперь возвращайся в Вустрау,— сказал Каюм.— Помни, что ты возвращаешься уже представителем комитета.

Канатбаев дал на это согласие. В Вустрау он энергично взялся за подготовку кадров для будущего Туркестанского национального комитета. С огромным вниманием штудировал он, как учебник, книгу Чокаева.

Как-то, раскрыв последнюю страницу книги, Канатбаев увидел записанный на ней парижский адрес Чокаева, и ему пришла мысль написать письмо вдове Чокаева и выразить ей соболезнование. За те два-три дня, когда Чокаев находился в лагере Сувалки, он многое рассказал Канатбаеву из своей жизни. Тогда Канатбаев узнал от самого Чокаева, что жена у него русская, но знает казахский язык. Написал письмо Канатбаев все же по-русски.

И очень скоро от Марии Яковлевны в лагерь Вустрау пришел ответ. Внимание вдовы человека, перед которым он преклонялся, обрадовало Канатбаева. Еще больше обрадовался он тому, что Мария Яковлевна начала свое послание с обращения «Кайным!»[1]. С заблестевшими глазами Канатбаев заскользил по строчкам. Вдруг лицо Канатбаева посуровело. «Я не верю тому, что Мустафа умер от ти-

[1] Кайным — младший брат мужа.

фа... Думаю, что враги и завистники его умертвили... Один из тех, кто ненавидел его,— Каюм...» — написала Мария Яковлевна.

В письме Чокаевой не приводились факты, которые бы точно доказывали, что ее муж убит, но Мария Яковлевна не сомневалась: смерть Мустафы была насильственной.

«...По словам врачей, у больного тифом на теле появляется сыпь. А у Мустафы после смерти на теле не заметили никакой сыпи. Умоляла, просила, чтобы мне отдали его тело, но мне отказали. Это неспроста...»

А в том, что Каюм ненавидел Чокаева и его близких, сомневаться не приходилось.

«... После смерти Мустафы Каюм приехал в Париж и сильно измучил меня. Донес на меня в гестапо, что я жена большевика. В доме был обыск. Но только это и спасло меня. Я показала гестаповцам труды Чокаева, объяснила, что он не большевик, а самый ярый враг большевиков...» — писала Мария Яковлевна.

Канатбаев задумался. Раз Каюм сделал ложный донос на покойника, то нет сомнения: он предатель, скрытый враг. Не верить словам Марии Яковлевны нельзя.

2. Поездка Каюма в Вустрау была удачной. Теперь он решил показать себя перед Восточным министерством с другой стороны. Он хотел доказать, что метод действий Чокаева был ошибочен, даже преступен. «Мы не можем ждать, пока армия Германии дойдет до территории Туркестана. Мы хотим воевать вместе с немецкой армией, мы хотим сами с боями прорваться к родной земле, уничтожая большевиков. Пусть легион не бездельничает в тылу, а пройдет под руководством немецких солдат закалку на фронте...» Так изложил Каюм фон Менде свою программу.

Программу Чокаева фон Менде впервые услышал в кабинете Розенберга. Она ему не понравилась. Мустафа армию, к созданию которой еще и приступить не успел, уже считал своей и не хотел бросать ее в бой до подхода немецких войск к Туркестану; собирался в это время готовить в тылу ее командиров и будущих руководителей нового государства. Как тогда мог согласиться на это герр Розенберг, недоумевал фон Менде. Надо было сказать Чокаеву: «Если тебе нужен Туркестан, быстрее создавай легион и вместе с нашей армией прокладывай дорогу к своей родине». Каюм прав, чего ждать, пусть понюхают пороху, прольют кровь...

Довольный предложением Каюма, фон Менде поставил перед ОКВ вопрос об отправке первого Туркестанского батальона на фронт. ОКВ дал согласие. Мадер получил указание: «Подготовь батальон для отправки на фронт!»

Чтобы самому участвовать в отправке первого батальона, Каюм поехал в Зеленку. Мадер сообщил ему о состоянии подразделения, о настроениях легионеров и познакомил со строением батальона.

— В нем шесть рот. Первые четыре — стрелковые, пятая — пулеметная, шестая — штабная.

Каюм спросил о национальном составе рот.

— Командир первой роты — киргиз, второй — узбек, третьей — казах, четвертой — туркмен, пятой — таджик. Шестой, штабной ротой, руководит немец. Только последняя рота включает в себя представителей разных национальностей, остальные укомплектованы по национальностям командиров...— сообщил Мадер.

«Нет, надо все изменить. Командирами рот должны быть узбеки»,— подумал Каюм. Но сразу не стал говорить об этом. Заговорил позже, когда они с Мадером наблюдали за занятиями батальона.

— Замечаете, как хорошо подготовлена узбекская рота? — заметил Каюм, взяв Мадера за рукав мундира.— Если в Германии ценятся как солдаты в первую очередь пруссаки, то в Туркестане — узбеки. У них самая чистая кровь, подлинная культура, они воинственны. Будущим Туркестаном станут править узбеки.

Мадер понял, куда метит Каюм, но не поддержал его. Усмехнулся про себя: «Дурак, будущим Туркестаном будут править не узбеки и не казахи, а немцы»,— но ничего не сказал.

Каюм начал поочередно знакомиться с командирами рот и взводов.

— Это мой самый надежный помощник, командир пулеметной роты, — представил Каюму Мадер молодого энергичного казаха среднего роста.

Это был тот самый военнопленный Турамысов, который подружился и с такой болью расстался в Люккенвальдском лагере с Куттыбаевым. Понимая, что если он откажется от вступления в Туркестанский легион, то будет расстрелян, и не желая бесполезно гибнуть, Турамысов решил согласиться, войти в доверие к немцам и при первом же удобном случае перейти на сторону Советской Армии. Он поставил перед собою цель: стать самое меньшее команди-

ром роты. Это было нелегко. И все-таки смелый, решительный Турамысов, покорив Мадера исполнительностью, деловитостью, знанием военного дела, стал постепенно подниматься по служебной лесенке. Начав в Зеленке с помощника командира отделения, Турамысов вскоре был назначен командиром отделения, потом помощником командира взвода, командиром взвода и наконец командиром роты. Турамысов стал известен немцам. Еще в должности командира взвода он стал лейтенантом германской армии. Теперь же он был обер-лейтенантом. Он жил в одном помещении с Мадером, они вместе ходили и вместе ели. Иногда Мадер, уезжая куда-нибудь, своим заместителем оставлял Турамысова. Турамысов часто находился при штабе и оказывал большое влияние на командиров других рот. Легионеры боялись его, не сомневаясь, что он целиком предан гитлеровцам.

— О-о! С таким командиром на фронт можно идти совершенно спокойно,— сказал Каюм Мадеру, оценив выправку и бравый вид Турамысова.

— Господин Каюм! Разрешите спросить, когда мы попадем на фронт? Сколько еще можно ждать? — спросил Турамысов, подойдя к гостю и отдав честь.

— Видите, каков дух батальона! — воскликнул Мадер.

— Да, хоть сегодня на фронт,— согласился Каюм с Мадером. Затем похлопал Турамысова по плечу: — Ты настоящий джигит! Готовься — скоро поедем на фронт!

Разумеется, Каюм был неискренен, хваля Турамысова. Командирами рот нужно поставить узбеков — эта мысль не покидала его. Но как ее выскажешь Мадеру, если он называет молодого казаха самым надежным своим помощником, оказывает ему всяческие знаки внимания. Нет, придется подождать. Пусть этот батальон уходит на фронт. Главное — сделать узбеков командирами в других батальонах, организуемых в Легионове. С Мадером ссориться нельзя. Недавно я освободился от Чокаева, незачем мне приобретать врага в лице этого немца, тогда счастье изменит мне.

Каюм продолжал знакомиться с командирами рот и взводов. В первой роте он встретил киргиза лет двадцати пяти, среднего роста, худого, широколицего, в очках. Лицо его показалось Вали знакомым.

— Где я мог вас видеть? — спросил Каюм, отчаявшись сам вспомнить обстоятельства их первого знакомства.

— Возможно, вы видели меня в лагере Сувалки. Ведь прошлой осенью вы приходили к нам с Чокаевым...

— Да, вероятно. Как ваша фамилия?

— Алмантаев,— ответил киргиз, поправляя очки.

Завязав разговор, Каюм узнал, что у Алмантаева высшее образование, что до конца 1940 года, до призыва в Красную Армию, он работал на довольно ответственном административном посту в Киргизской ССР. В июле 1941 года он попал в плен к немцам и оказался в лагере Сувалки.

— Сейчас кем ты здесь? — спросил Каюм, взглянув на лейтенантские погоны своего собеседника.

— Помощник командира первой роты. Звание лейтенанта получил недавно,— ответил Алмантаев.

«Работал на крупной должности. Образован. Не взять ли его помощником к себе в Берлин?» — подумал Каюм. В это время около них остановились еще два киргиза.

— Это взводные командиры первой роты. Вот Асанжолов Жуман, мой земляк. Мы оба из Тянь-Шанской области. Второй — Абдуллаев Асанбек,— объяснил Алмантаев.

Поговорив немного с киргизами, Каюм собрался уходить.

— Хоп, позднее побеседуем еще,— произнес он, прощаясь с Алмантаевым за руку.

Пока Каюм знакомился с командирами рот и взводов, Мадер получил приказ из ОКВ.

— Поздравляю вас! — сухо сказал Мадер своему начальнику штаба Эрнике, прочитав этот приказ.

Эрнике удивленно поднял на него глаза.

— Я во главе батальона ухожу на фронт. А вы в должности командира Туркестанского легиона отправитесь в лагерь Легионово! — объяснил Мадер содержание приказа и пожал руку Эрнике.

— Как же это? Как я могу быть командиром Туркестанского легиона, когда здесь вы? Ведь легион не батальон, а целая армия,— удивился Эрнике.

— «... Мы впервые знакомимся с солдатами-туркестанцами, мы не знаем их воинских качеств. Мы обязаны испытать их в трудных боевых условиях... Учитывая ваш большой опыт работы на востоке и ваши знания, мы поручаем вам ввести батальон во фронт...» — процитировал Мадер отрывок из письма службы ОКВ.— Таков ответ на ваш вопрос.

Хотя Мадер и делал хорошую мину перед Эрнике, но

игра была плохой, в этом он не сомневался. «Мне уже за пятьдесят, долгие годы проведены за границей. Я заслужил отдых. Когда мне предложили заниматься с легионом, я не мог отказаться — время военное. Но никто не говорил тогда о фронте. Зачем посылают меня — мало ли молодых вроде Эрнике?..»

Так угрюмо думал Мадер, а Эрнике в душе ликовал. Перед ним проходили годы его службы в германской армии — годы стремительной карьеры. 1939 год — унтер-офицер, помощник командира роты. В том же году участвует в боях с поляками, вырос до фельдфебеля. Апрель 1940 года — чин лейтенанта. В июне этого года стал участником похода во Францию, штурмовал знаменитую линию Мажино. За это награжден железным крестом второй степени. После оккупации Франции он возвращается на родину — уже обер-лейтенантом. 1941 год. Эрнике вновь в Польше. Он адьютант командира батальона. Вскоре его пригласили в ОКВ и как знающего русский язык сделали помощником Мадера. Всего лишь три года, как он в армии, но за это время он увидел многое, получил чин гауптмана и достиг положения командира Туркестанского легиона. Не так уж мало для такого срока! И кто предскажет, чем может увенчаться такая карьера!

Взглянув на задумавшегося Эрнике, Мадер удивился: до чего надменным и важным стало лицо его помощника за какую-нибудь минуту.

3. Наверняка Вали никогда еще в жизни так не радовался, как сегодня. Только что его вызывал фон Менде, поздравил и объявил, что Розенберг окончательно решил вопрос о создании Туркестанского национального комитета и назначил президентом этого комитета Каюма.

— Ты стал главой правительства. Тебе оказано большое доверие. И его надо оправдать,— сказал фон Менде и похлопал его по спине.

Вали задохнулся от счастья. Глаза его наполнились слезами. Первую минуту он ничего не смог сказать. Ему казалось, что он раздвоился и что второй Каюм стоит рядом и ласково говорит: «Чего же тебе еще надо? Исполнилось то, о чем ты мечтал всю жизнь,— ты стал ханом!» Он с трудом выдавил улыбку и пробормотал: «Спасибо! Спасибо!»

Фон Менде, усмехаясь, смотрел на него. Потом произнес:

— А теперь принеси проект деятельности комитета, мы вместе посмотрим..

Уйдя через час от фон Менде, Каюм отправился в редакцию своего журнала, занимавшую один из номеров гостиницы. Увидев сияющего Вали, работники редакции журнала поняли, что есть новость и окружили своего шефа.

— Господа! Рейхслейтер Альфред Розенберг сегодня утвердил мой план создания Туркестанского национального комитета и назначил меня президентом туркестанского правительства! — объявил Каюм, обведя всех сотрудников редакции значительным взглядом.

Те бросились поздравлять Каюма.

— Теперь, наверное, дадут дом для работы комитета,— сказал Кайгин.

— Дадут, дадут. Если я буду жив, все будет,— воодушевляясь, говорил Каюм. Потом перешел к делам.— Ну как, номер готов?

— Не хватает материала,— ответил Кайгин.

— Теперь хватит. На первой странице напечатайте самым крупным шрифтом: «Новое мусульманское правительство, названное «Туркестанским национальным комитетом», создано. Германия встретила молодое правительство с распростертыми объятиями!» После этого напишете, что туркестанское правительство в союзе с германской армией выступит на борьбу против большевиков! Пусть туркестанцы будут готовы, ожидая приказа своего президента: «По коням!» Вот вам и материал! Пишите скорей! Запомните, что с сегодняшнего дня я уже не просто Каюм, а Каюм-хан! Вали Каюм-хан!

Сказав это, Каюм, словно вихрь, выскочил на улицу. Сейчас его ничто не смогло бы остановить. Он торопился дойти до Руд Хендшель и поделиться с ней своей радостью. Ему захотелось бежать. Однако мысль: «Я президент!» немного остудила его возбуждение, прибавила солидности.

— Руд! — воскликнул он еще на пороге квартиры. Женщина, стиравшая белье в ванной, услышала громкий ликующий голос Каюма и сразу поняла, что он пришел с какой-то радостной вестью. Руд! Нам с тобой на голову свалилось счастье. Брось ты свое белье, подойди, я тебя обниму, поцелую.— Каюм начал кружиться вокруг своей любовницы.

— Что с тобой? Какое свалилось счастье? Говори скорее! — потребовала Руд, вытирая мыльную пену с рук.

— Можно считать, что мы достигли цели, Руд! Теперь ты не просто фройляйн Руд. Теперь ты ханум, дорогая. Богатства Туркестана твои. Теперь ты не будешь жить в таком доме, не будешь сама стирать белье. Скоро ты переселишься в высокий красивый дворец, горничные будут одевать тебя, слуги — носить на руках...— сказал Каюм, обнимая ее.

— Ну хватит, Вали, не мучай меня. Я устала слушать твои сказки,— ответила Руд, начиная сердиться.

— Я только что от профессора фон Менде. Есть приказ Розенберга. Наконец-то Туркестанский комитет создан. Я стал президентом. Ты поняла? Президент! Хан Туркестана! Теперь тебе ясно? Потому я и говорю тебе, что ты ханум, дорогая,— произнес Каюм, не переставая целовать женщину.

Руд наконец поняла.

— О-о, милый! Наконец-то ты достиг цели! — воскликнула она и ответила на поцелуи Каюма.

Тогда Вали с ходу перешел к вопросу, давно волновавшему его. Не раз он предлагал Руд выйти за него замуж, но разговоры не приводили ни к какому результату. Теперь Вали снова повторил свое предложение.

Руд задумалась.

— Ты знаешь, милый, что я люблю тебя,— осторожно начала она.— Но ведь ты мусульманин, а я христианка. По законам третьего рейха я не могу выйти замуж за мужчину другого вероисповедования. Ты знаешь — я член гитлеровской молодежной организации. Меня не простят. Может быть, дело даже дойдет до суда. Если хочешь жениться на мне, ты должен перейти в христианство.

— Знаю, знаю. Что ж, если нельзя иначе, завтра же пойду креститься. После этого — свадебный пир. Так?

— Так, милый. Как только ты станешь христианином, я стану твоей женой.

Вали был совершенно без ума от Руд. Мысль об отказе от ислама ради женитьбы на ней и раньше приходила ему в голову. Однако раньше он не решался рисковать. Чокаев наверняка бы отстранил его от деятельности по созданию легиона. Теперь же Чокаева не было, президентом его утвердили. Кто может помешать президенту делать то, что ему хочется? С другой стороны президент не может оста-

ваться холостяком. Несолидно, дает пищу для сплетен, подрывает авторитет.

Вали не верит ни в аллаха, ни в Христа. Так не все ли равно, какие обряды выполнять, не все ли равно, куда ходить — в мечеть или кирку. Право же, такая женщина, как Руд, стоит ислама!..

4. Договорившись с фон Менде, Каюм-хан вызвал из Легионова для работы в комитете Хаитова, Айтбаева, Алмантаева, из Вустрау Канатбаева и еще нескольких «слушателей». Раньше всех в Берлин прибыл Канатбаев. Он встретился в гостинице с друзьями-журналистами и с каждым из них поговорил по душам.

— Без сомнения, работать в комитете для освобождения Туркестана — это счастье для любого из нас. Однако журнал, который вы сейчас выпускаете, не туркестанский журнал, а узбекский. Ты это заметил? Надо хорошенько поговорить с Каюм-ханом об этом,— сказал Канатбаев Кайгину, прогуливаясь с ним по улице.

— Это верно. Чего уж говорить о рядовых читателях в лагерях, ведь даже я, автор, не могу прочесть свои статьи после того, как они напечатаны,— я не понимаю языка, на который их перевели!

— Вот именно, весь вопрос упирается в это. Журнал должен быть пропагандистским оружием комитета. Но кого же он может агитировать! Одних узбеков. Ну, а кто же будет заниматься пропагандой среди казахов, киргизов, туркмен и таджиков? Или они останутся в стороне? Тогда и комитет и журнал станут только узбекскими, и мы зря будем болтаться. Так почему же мы не заботимся о себе?

— Совершенно верно, Карыс. Твои слова — золотые. Мне и раньше приходили в голову подобные мысли, только, не найдя единомышленников, я вынужден был молчать.

— Завтра, когда придет Каюм-хан, я начну этот разговор, а ты поддержи.

— Я-то поддержу, только ты начни.

— Постой! — произнес в это время Канатбаев, задержавшись взглядом на проходившем мимо низеньком старике с седыми английскими усиками.— Вроде бы знакомый. Кто же это?.. А-а, вспомнил!

Канатбаев побежал догонять прошедшего мимо человека и потащил за собой Кайгина.

— Ассаламагулейкум, аксакал! — произнес Канатбаев, догнав пожилого человека, который шел с зонтиком в руке.

— Уагаляйкум ассалам! — ответил человек, спокойно оглядев с ног до головы Канатбаева и Кайгина.

— Как ваше здоровье? Как дела? Здорова ли ваша семья? — начал задавать полагавшиеся вопросы Канатбаев. Старик, не торопясь, скупо отвечал на них.

— Аксакал, по-моему, вы нас не узнаете? — спросил Канатбаев, заметив, что старик разговаривает не очень охотно.

— Да, дорогой, лицо ваше я припоминаю, но где мы встречались, никак не могу вспомнить.

— В этом нет вашей вины, аксакал. Вы разве не Галеке?

— Да, дорогой. Я — Галимжан.

— Мы с вами в прошлом году встретились и познакомились в лагере Сувалки. Вы приезжали туда вместе с Мустафой-ага. Тогда из всех пленных только я один вышел вперед. Моя фамилия Канатбаев...

— А-а-а! Вот оно как, дорогой! Теперь я вспомнил. Правильно, правильно. Так вы те, кто вышел из лагерей. Успехов вам! — Галимжан сразу сменил тон на доброжелательный.

Канатбаев представил Кайгина, сказал, что Туркестанский национальный комитет создан и что он прибыл работать в нем.

— Хорошо, хорошо, дорогие мои. Действуйте! — сказал вздохнув Галимжан.

— А как же вы, Галеке? Чем вы сейчас занимаетесь? Неужели вы бросили дело, которое начали с Мустафой? — спросил Канатбаев.

— После смерти Мустафы я поссорился с этим прохвостом Каюмом. Сейчас, я слышал, он стал Каюм-ханом, распустив свой хвост, как фазан. Он стал гнать меня от себя. Я старый человек, я ушел. Сейчас вместе с Абдрахманом Шафеевым мы создаем из татар, башкир и чувашей комитет «Идель-Урал».

— О аллах! Галеке, что это такое? Разве казахи и татары не общаются с давних пор? Чем так раздробляться, не лучше ли, объединившись в Туркестанском национальном комитете, работать вместе?

— Конечно, это было бы лучше. Но лицемер Каюм не хочет этого.

— Мы заставим его дать на это согласие. Попробуем заставить. А ваш Шафеев согласится на объединение?

— Согласится. Он без меня ни шагу.

— Тогда выходит, что только Каюм-хан — препятствие для объединения? Наш лозунг — единение всех мусульман, под этим лозунгом мы создаем Туркестанское государство. Почему же мы должны отбрасывать Татарию и Башкирию? Нет, и они тоже должны войти в Большой Туркестан. Каюм-хан должен это понять,— сказал Канатбаев, стараясь убедить Галимжана.

— Хорошо, поговорите. Потом дадите знать,— сказал Галимжан, вынул блокнот и написал на листке свой домашний адрес и номер служебного телефона. Он отдал листок Канатбаеву, попрощался и ушел.

— Н-да, любопытный разговор ожидает нас,— произнес молчавший до тех пор Кайгин.

5. Канатбаев начал обхаживать Каюм-хана. Он напомнил президенту о том, что очень много труда в создании Туркестанского легиона и комитета вложил Чокаев. Дал понять, что получил письмо от его вдовы и что она сейчас находится в тяжелом положении. Предложил установить пенсию вдове Чокаева от имени Туркестанского национального комитета.

Когда Канатбаев упомянул о Марии Яковлевне, Каюм-хан опасливо притих. «Не написала ли ему чего-нибудь обо мне вдова Чокаева? Хоть Канатбаев и не говорит ничего прямо, но вид у него такой, будто он что-то знает. Давно я ожидал от этой собаки какого-нибудь подвоха. Погляди-ка, зная, что я ненавижу русских, предлагает установить пенсию для этой суки. Нет, Канатбаев, ни одному русскому я никогда не сделаю ничего доброго...»

Но прямо высказать то, что он думал, Вали все-таки не решился. Он заявил, что в принципе не возражает против оказания помощи вдове Мустафы. Однако, поскольку пока у комитета нет денежных средств, к этому вопросу придется вернуться попозже. Так как прямого отказа тут не было, Канатбаеву пришлось согласиться. Тогда он постепенно перешел на проблему Татариии и Башкирии. Каюм-хану и это не понравилось, лицо у него посуровело.

— Запомни, я хочу создать мусульманское государство. Татария и Башкирия мне не нужны,— отрезал он.

— Татары и башкиры тоже мусульмане и притом воинственны по характеру,— настаивал Канатбаев.

— Это обрусевшие народы. Да и земли их находятся далеко от Туркестана, в глубине России. А я совершенно не желаю иметь дело с русскими. Запомни это.

— Русских и я не люблю. Однако я считаю, что, объединив всех мусульман, мы соберем против Советов огромную силу.

— Хватит и того, что есть. Сил у нас достаточно и без татар и башкир,— ответил Каюм-хан, стараясь прекратить неприятный разговор.

— Нет, не хватит. Вы, оказывается, против объединения мусульман. Только о себе и думаете. Это не приведет к победе,— сказал разозлившись Канатбаев.

— Кто против объединения?! Я?! — закричал Каюм-хан, вскочив с места.

— Ты! — грубо ответил ему Канатбаев, отбросив в сторону учтивость.

— Докажи! Попробуй доказать! Фактами! — орал Каюм-хан.

— Лучшее доказательство — твой журнал. Ты не думаешь об объединении мусульман и создании единого Туркестана. Половина Туркестана — это казахская земля. Ты хоть это знаешь? Ну, а если знаешь, то почему в твоем журнале все заметки на казахском языке занимают не больше страницы? А для киргизов, таджиков и туркмен вообще ничего нет. Это называется объединением Туркестана? Или ты думаешь, что во всем Туркестане живут только узбеки?

— Ты не хвались, что у казахов много земли. Потому земли много, что народ века кочевал и отстал в своем развитии. Казахи много общались с русскими, и если не совсем обрусели, то не так уже далеко до этого. А вот узбеки свои национальные традиции прочно сохраняют. Они деловиты, энергичны, ценят образование и культуру. Они и есть опора будущего Большого Туркестана. Поэтому-то журнал в основном адресован им. В этом нет ничего странного.

Каюм-хан и Канатбаев крупно поссорились. К последнему присоединился и Кайгин, и это еще более разозлило президента.

— Я вижу, вы хотите посеять рознь среди туркестанцев. Подождите, несчастные. Я вам еще покажу,— Каюм-хан с треском захлопнул дверь и вышел.

Неожиданно возникший спор не только Каюм-хана, но и Канатбаева с Кайгиным заставил сильно волноваться.

— Думаю, что мы поспешили, Карыс. Прежде чем ссориться с Каюмом, нам следовало сначала поговорить с этим самым Шафеевым и от него самого услышать, хочет ли он объединения. Если действительно хочет, мы могли бы сразу же договориться с ним обо всем. А сейчас Каюм-хан пойдет в Восточное министерство. Фон Менде вызовет Шафеева, тот откажется от объединения, и мы с тобой тогда останемся в дураках,— сказал Кайгин молчавшему Канатбаеву.

— Где ж ты был раньше, если такой умный? Ладно, давай не будем ждать, найдем Идриси и Шафеева и переговорим с ними.— Канатбаев сразу же взялся за телефон.

— Алло! Мне нужен господин Идриси... Галеке! Здравствуйте. Нужно еще раз поговорить о проблеме, которую мы поднимали вчера. Найдите Шафеева. Все вместе посоветуемся. Очень хорошо. Где мы встретимся? Вы говорите «Хауст Фатерланд»? Хорошо. Договорились! — положил телефонную трубку и сразу же спросил Кайгина: — Ты знаешь, где находится ресторан «Хауст Фатерланд»?

— Знаю.

— Тогда пошли. Сейчас Идриси приведет Шафеева в этот ресторан. Там и поговорим.

«Хауст Фатерланд» был расположен в большом двухэтажном доме недалеко от Потсдаммерплаца. Залы его оказались заполненными. Играл оркестр, на эстраде сменяли друг друга певички, танцовщицы, акробатки. Канатбаев вздохнул. Глядя на собравшуюся в ресторане оживленную и, казалось, беспечную публику, слушая музыку и смех, можно было подумать, что нет в мире никакой войны...

Идриси не заставил себя ждать. Как только часовая стрелка перешла за цифру пять, он появился с зонтиком. Рядом с ним шагал человек мрачноватого вида.

— Знакомьтесь! — произнес Идриси, представляя своего товарища Канатбаеву и Кайгину.

— Шафеев! — отрекомендовался тот, поочередно протягивая вялую, безжизненную руку Канатбаеву и Кайгину.

— Наверное, Галеке вам говорил о нас? — спросил Канатбаев Шафеева.

— Да.

— Вы сами здесь давно?

— Э, мы с Галеке здесь давно живем.

— А на нашей стороне не бывали?

— В 1931 году я работал в турецком посольстве в Москве. Дальше этого я нигде в Советском Союзе не бывал.

— Хорошо,— сказал Кайгин.

— Мы объединяем всех мусульман и создаем Туркестанский национальный комитет,—включился в разговор Канатбаев.— И вы тоже, оказывается, объединяете татар и башкир и создаете свой комитет. Вчера мы говорили Галеке: «Давайте не будем дробиться, ведь мы мусульмане и вы мусульмане, объединимся в одном комитете, тем самым соберем наши силы в один кулак». Галеке не против этого. А ваше мнение?

Шафеев немного подумал и начал:

— Правильнее, конечно, было бы объединиться всем...

Но его сразу нетерпеливо перебил Галимжан, обратившись к казахам:

— А вы сами разговаривали с Каюм-ханом?

— Разговаривали.

— Ну и что он сказал?

— Он пока не согласен, но...

— Почему? Что он говорит?

— Он говорит, что татары очень обрусели. Однако у меня есть надежда, что он согласится на объединение.

Услышав слова «татары обрусели», Галимжан фыркнул.

— Не сомневаюсь, что этот прохвост ни с кем не захочет делить власть. Поэтому он не соглашается,— зло сказал он.

— Мы думаем так. Всем известно, что среди всех республик, которые войдут в Туркестан, по территории и природным богатствам первое место занимает Казахстан. Галеке, вы собственными глазами видели и знаете Казахстан. В отношении скота Казахстан по всему Советскому Союзу на первом месте. И культурных центров у нас много. Поэтому в туркестанском правительстве, по нашему мнению, место казахов в первых рядах. Татары же, тут Каюм правильно говорит, живя в окружении русских, сами переняли обычаи русских. Поэтому они могут быть опасны туркестанскому государству. И мы хотим получить от вас такие заверения. Первое, пока не исполнится десять лет со дня создания туркестанского государства, татары не будут претендовать на высокие посты в правительстве. Второе, татары, живущие на границе с русскими, после создания туркестанского государства будут переселены в глубь Туркестана, а на их земли придут жители центрального и во-

сточного Туркестана. Вот если вы согласитесь на эти два условия, то Каюм-хан, несомненно, пойдет на объединение. Ну, а если мы с помощью аллаха объединимся, тогда мы станем очень сильными и все свои замыслы претворим в жизнь.

— Это ведь очень жестокие условия, мой дорогой! — воскликнул Галимжан.— Через десять лет я стану дряхлым стариком, и даже если вы пригласите меня в правительство, у меня не хватит сил дойти.

— Да, они хотят загнать нас в угол, — мрачно сказал Шафеев.

— Нет, нет, вы неправильно нас поняли. Условие о десяти годах касается всех остальных татар и башкир, только не вас. Сами вы, конечно, имеете право с самого начала занять места в правительстве. Как же, мы ведь ценим ваши заслуги,— успокоил собеседников Канатбаев.

— Ну так еще можно,— согласился Галимжан.

— Хорошо, что будет, то будет, договорились,— присоединился к нему Шафеев, махнув рукой.

— Благодарим вас за решение, достойное государственных мужей! Поднимем в честь этого решения бокалы,— поспешил закрепить успех Кайгин.

После того, как выпили вина и отведали еды, Канатбаев продолжил разговор.

— Как бы то ни было, если начали, то надо высказать все,— сказал он с улыбкой.— Как говорится, если не подумаешь о плохом, не дождешься хорошего. Если этот проходимец Каюм действительно не захочет с вами объединяться, я намереваюсь обратиться к германскому правительству с таким предложением: не считаясь с мнением Каюм-хана, присоедините Татарию и Башкирию к Туркестану (разумеется, мы эту мысль конкретизируем). Я попрошу разрешения создать, если это возможно, государство из казахов, киргизов, татар и башкир отдельно от узбеков.

— Я против этого ничего не имею,— ответил Шафеев.

— Наоборот, будет лучше, если мы будем отдельно от Каюма,— поддержал его Галимжан.

— О аллах, какая замечательная мысль! — радостно воскликнул Кайгин, ничего не знавший об этом плане приятеля.

— Если будешь думать, всегда что-нибудь да придумаешь,— ответил на это Канатбаев и гордо поднял голову.— Итак, мы получили ваше согласие на объединение с

нами. Самое важное было это... Ну, Маулекеш, наливай еще!

6. Канатбаев и Кайгин решили написать письмо Розенбергу. Они выложили друг перед другом мысли, которые хотели передать в письме, и обсудили их.

— Ты напиши черновик, а потом, если будет необходимость, я поправлю,— сказал Канатбаев.

Кайгин сочинял целый день.

— Хорошо написал! Впрочем, что ж удивляться, ты ведь писатель,— похвалил Канатбаев, прочитав текст.

Немного дополнив и исправив его, Канатбаев счел его окончательно готовым. Теперь письмо выглядело таким образом:

«Господин министр!

Я позволил себе смелость взять на себя миссию посредничества между вами и киргизо-казахским народом.

По нашему мнению, сейчас проблема Туркестана решается неправильно. Мы совершенно не понимаем, почему вопрос о Башкирии и Татарии рассматривается отдельно от вопроса о Туркестане. Не обращая внимания на общность религии, языка и крови, нынешний «вождь» Туркестана господин Вали Каюм-хан все силы прилагает к тому, чтобы Татария и Башкирия существовали отдельно от Туркестана. Какие цели преследует этот человек? Все его замыслы порождены не желанием общей пользы, а эгоистическими стремлениями. Я говорю это с полной ответственностью. Я запомнил следующие слова господина Каюм-хана: «...Заки Валиди прислал мне план, по которому он сам становится президентом Туркестана, а меня назначает своим представителем в Германии... Я с этим не согласен, считаю несправедливостью, никому не уступлю места президента...»

Видите, господин министр, люди, которые волею судьбы были изгнаны в свое время в Европу, теперь пользуются своими знакомствами, связями, лучшим знанием европейских дел, злоупотребляют этим и вместо того, чтобы решать государственные проблемы, пытаются удовлетворить свои эгоистические стремления.

Туркестан, в состав которого не войдут Татария и Башкирия, не сможет после своего освобождения стать самостоятельным государством, способным отстоять свою независимость. Казахстану с его неисчислимыми, но слабо освоенными природными богатствами не обойтись без

помощи извне — в первую очередь самой Германии, а затем Татарии. В Татарии значительно больше, чем в Казахстане, квалифицированных специалистов, знающих мастеров, опытных рабочих. Только в тесном сотрудничестве всех тюркских народностей «русского» Востока заложены предпосылки быстрого роста их благосостояния, что в интересах Германии. Поэтому тот из нашего лагеря, кто противится этому, наносит ущерб общему делу.

Татары и башкиры исстари славились как хорошие воины. Казахи и киргизы, благодарим бога, никогда не отставали от них. Государство, созданное из таких народов, будет боеспособным, сможет содержать сильную армию.

Вот с какими народами, с которыми у нас больше всего основания связать свою судьбу, стремится разлучить нас господин Каюм-хан. Теперь остановимся на проблеме языка — одной из самых трудных для Туркестанского государства. В России нас сначала вообще оставили без алфавита, а потом перевели на русский алфавит. Здесь же, в Германии, господин Каюм-хан поступил еще решительнее — он оставил нас вообще без языка. Журнал «Милли Туркестан» и туркестанские радиопередачи он стал вести на узбекском языке, в ответ же на наши жалобы посоветовал нам изучать узбекский язык. Было бы лучше господину Каюм-хану не бередить наши старые раны.

Если журнал «Милли Туркестан» ставит перед собой серьезные пропагандистские задачи и рассчитан на легионеров, то следовало с самого начала набирать по крайней мере половину каждого номера на казахском языке. У казахского языка должно быть больше прав гражданства в журнале, чем у узбекского. Это не вопрос уязвленного самолюбия, а политическое дело.

Господин Каюм-хан, гоняющийся за президентским креслом или его призраком, не хочет понять простую вещь. Ему невдомек, что для того, чтобы заполучить это кресло, нужно проявить государственный ум, разум в поступках. А сея среди легионеров недовольство и недоумение своими делами, господин Каюм-хан играет на руку врагам Германии, потакает им неправильным подходом к насущным вопросам, облегчает им их подрывную работу. На наш взгляд, такие опрометчивые прямолинейные люди, страдающие манией величия, оказывают третьему рейху медвежью услугу.

Нельзя умолчать о том, что господин Каюм-хан вообще ведет крайне одностороннюю политику в области нацио-

нального вопроса. В Берлине он собрал тридцать человек. Двадцать пять из них — узбеки. Это его свита — будущие министры и сановники Большого Туркестана. Какими соображениями он руководствовался при выборе их, знает один бог. Диву даешься, какие это беспомощные, ни к чему не пригодные люди, неизвестно где выкопанные господином Каюм-ханом и содержащиеся этим ярым проповедником бережливости на немецкие марки. При виде этих людей, как гласит наша народная мудрость, бог бы приуныл, а черти возрадовались.

Господин Каюм-хан заявил первым легионерам, что ему нужны их подписи, якобы для исторического документа о создании Туркестанского легиона, и собрал эти подписи на чистом листе. Теперь же, сочинив совсем другой текст, он выдает этот документ за мандат об избрании его президентом и шумит об этом «изъявлении народной воли» по всему свету. Это шантаж, и я считаю своим долгом сообщить вам о таких его темных махинациях.

Еще раз повторяю, что все тюркские народы Туркестана и Волги-Урала нужно объединить для их же пользы. Стремление же господина Каюм-хана отделить казахов и киргизов от татар и башкир никак нельзя поддерживать.

Поэтому у меня к вам просьба, господин министр:

1. Присоединить Татарию и Башкирию к Туркестану.
2. Если Каюм-хан откажется объединиться с татарами, башкирами и вместе работать над созданием Большого Туркестана, то следует создать отдельное государство татаро-башкир и киргизо-казахов.
3. Создать из киргизо-казахов и татаро-башкир отдельный легион и перевести в него казахов и киргизов из Туркестанского легиона.
4. Руководство проблемой Казахстана, Киргизии и Волги-Урала сосредоточить в одном месте — в Берлине.

Прошу вас дать мне командировку для того, чтобы побывать в легионе и ознакомиться с положением дел в нем.

Бедные народы востока России нашли своего спасителя. Это — Германия. Мы верим, что вы, господин министр, не пренебрежете нашими покорными просьбами.

Хайль Гитлер!
Асан Кайгин, казахский писатель.

Берлин — Панков, Боркумштрассе, 10.

27. X. 1942 г.»

Переведя это письмо на немецкий язык, Канатбаев и Кайгин отнесли его фон Менде с просьбой вручить его господину Розенбергу. Копии сдали в имперское главное управление СС и министерство иностранных дел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. С тех пор, как Агаев под руководством доктора Грайфа начал создавать группу диверсантов в лагере Люккенвальд, прошло уже больше года. Ему пришлось немало повозиться, прежде чем он с трудом привлек в группу шестнадцать человек. Все это были или сыновья богачей, или те, кого осудил советский суд. Из этих шестнадцати, двоих (Закирова и Бом Бахи) он назначил своими заместителями, одного (Днишева) адъютантом, троих радистами, еще одного врачом, а остальные числились просто членами группы.

Подготовка этой группы в лагере Люккенвальд началась с военной тренировки. Она показалась диверсантам легкой сначала, но потом постепенно дело дошло до того, что дважды в неделю стали проводить пешие марши на двадцать—тридцать километров с привалами. Цель военной подготовки была: во-первых, выработать в будущих диверсантах выносливость и дисциплину, во-вторых, зародить неправильное мнение у остальных находящихся в лагере: «Эти занимаются только лишь военной подготовкой...»

Наряду с военной тренировкой диверсанты должны были подвергаться и усиленной политической подготовке — им читались лекции, время от времени будущие диверсанты совершали экскурсии в крупные города Германии — Лейпциг, Дрезден, посещали музеи, театры, большие промышленные предприятия. Начальник школы диверсантов Грайф старался доказать своим слушателям превосходство германской культуры над всеми другими...

Пропустив своих избранников через этот «фильтр», Агаев приступил к главному своему делу, то есть обучению группы способам ведения диверсий. Он много сил потратил, обучая своих подчиненных стрельбе из различного рода оружия, умению взорвать и поджечь предназначенный объект.

Через некоторое время Агаев решил, что настала пора руководимую им группу диверсантов отправить самолетом

на территорию Казахстана. Там Агаев по приказу своих хозяев хотел организовать диверсии на крупных заводах, разжигать вражду между рабочими разных национальностей и при помощи этого постараться поднять их против Советской власти. Если поднять восстание в тылу, то, как полагают гитлеровцы, Красная Армия, ведущая борьбу в Сталинграде, будет вынуждена выделить войска для подавления восстания, и значит, ее силы в Сталинграде уменьшатся. Тогда фашисты сражение на Волге выиграют и двинутся на Москву. А как только немцы двинутся на Москву, Красная Армия все силы бросит туда, и тогда кто в Казахстане сможет оказать сопротивление Агаеву?..

И сейчас Агаев обучает группу бросать гранаты.

Когда очередь дошла до Керимбердиева, он взял в левую руку взрывчатку, поднял ее и приготовился кинуть. В этот момент инструктор поджег конец шнура. Огонь с шипением стал двигаться по нему и уже почти приблизился к взрывчатке.

— Кидай!

Керимбердиев завороженно следил за шипящим огоньком и упустил момент. Когда он взмахнул рукой, взрывчатка с грохотом взорвалась. Керимбердиев упал, громко крикнув.

Один из его коллег, стоявший рядом и смеявшийся над неловкостью товарища, тоже рухнул, потеряв сознание, двое были ранены, один тяжело контужен. Поднялся шум, гам.

— Погибаю! Погибаю! — кричал Керимбердиев. Взрывом ему оторвало пальцы на левой руке, осколками были ранены ноги. Весь он был в крови.

Растерявшийся в первую минуту Агаев прекратил занятия и приказал раненых отправить в госпиталь. Контуженный Султанов то хохотал, то плакал навзрыд и всполошил весь госпиталь.

— Где этот слуга новых господ? Покажи мне, где он, я выдеру у этой собаки шерсть! — вскакивал с кровати Султанов и тут же заливался истерическим смехом: — Ха-ха-ха!

— Этот сошел с ума, теперь он никогда уже не станет человеком,— сказал Агаеву врач, наблюдавший за Султановым.

— Тогда нам нужно увезти его,— сказал Агаев. Он связал Султанову руки, посадил его в машину и уехал.

— Куда мы летим? В Казахстан? Прекрасно! Наступили дни смерти Агаева. Я сам выдам его чекистам,— громко бормотал Султанов. Глаза его, почти вылезшие из орбит, бегали по сторонам.

Машина поравнялась с глубоким рвом. Агаев остановил ее, вытащил Султанова.

— Вот место твоей смерти! — произнес он, взглянув на Султанова красными злыми глазами, вытащил «вальтер» и выстрелил. Султанов упал в ров.

Когда Агаев вернулся в госпиталь, врач уже обработал и перевязал раны Керимбердиева.

— Что я буду делать? Я ведь теперь калека! За что мне это? — простонал тот и заплакал.

— Ничего страшного, выздоровеешь, хуже бывает. Это с тобой ведь случилось не в плохом деле, раны ты получил хоть не в бою за народ, но думая о горе народа,— успокоил его Агаев, погладив по одеялу.

— Врач сказал, что руку надо ампутировать, иначе нельзя. Что же мне делать без руки?

— Не плачь, даже если тебе отнимут руку, мы тебя не оставим. Никто не подумает на родине, что немцы послали диверсантом однорукого человека. Наоборот, нам будет даже удобнее выполнять важное задание, если ты будешь без руки.

Из-за того, что в группе диверсантов три-четыре человека получили ранения во время тренировки, сроки отправки в Казахстан оттягивались.

Однажды Агаеву неожиданно вручили письмо от Канатбаева. Из письма он узнал, что «национальный комитет» создан, что президентом комитета стал Каюм-хан, что Канатбаев переведен на работу в Берлин, что, не договорившись с Каюм-ханом, Канатбаев и Кайгин вместе написали письмо Розенбергу. Все это Канатбаев описывал не просто для сведения, а просил содействовать их планам, оказывать возможную помощь.

Перечитав несколько раз письмо, чтобы окончательно понять его смысл, Агаев решил, что мнение Канатбаева и Кайгина правильно. Но выдумывать какие-либо новые пути к действию лично для себя Агаев не собирался. «Они не знают, с какой целью я нахожусь на Украине, если бы знали, не обратились бы ко мне с такой просьбой»,— думал Агаев. Он слишком стремился к делу, слишком торопился быстрей попасть в Казахстан. «Пока вы будете спорить в Берлине, я возьму Казахстан в свои руки. После этого мне

не трудно будет прекратить вашу ссору»,— посмеивался Агаев.

... Чтобы развеяться от дум, все время не покидавших его, Агаев вышел на улицу. Его адъютант Днишев, собраз вокруг себя джигитов из группы, что-то читал им. Агаев направился к ним. Днишев, увидев его, вскочил и поднял остальных.

— Господин лейтенант! Разрешите доложить! Я читал статью «Не забывай любовь матери!» из книги, полученной из Берлина,— отчеканил он. Агаев кивнул, довольный, сел рядом со всеми.

— Ой, что с тобой? — спросил он, только усевшись, увидев слезы на глазах у сидевшего рядом Мукатаева.

— Ничего не произошло, агатай! — испуганно ответил тот.— Только вот вспомнилась мать.

Джигиты засмеялись. Больше всех смеялся Днишев, довольный тем, что его чтение произвело такое впечатление. Смех товарищей вогнал в краску Мукатаева. Он тоже сделал вид, что смеется со всеми вместе, но исподтишка посмотрел на Агаева. Тот сидел молча, лицо его, как он ни пытался это скрыть, выражало недоверие. «Ох, выдал себя!» — еще пуще испугался Мукатаев.

— Что тут такого, разве плохо, что я люблю маму, соскучился по ней,— испуганно произнес он, когда смех замолк.

— Ну это же понятно, кто не любит родной матери,— подхватил Куттыбаев, недовольный словами Мукатаева, которые показались ему неуместными.

— Ладно, ничего страшного. Как только возьмем Казахстан в свои руки, ты встретишься с матерью. Главное, взять его. Хорошо, что ты любишь мать. Но если твоя любовь искренна, то ты должен стремиться встретиться с ней. А встреча произойдет только в тот день, когда мы уничтожим большевиков. Значит, ты должен совершить подвиг, к которому все мы готовимся, чтобы выполнить свой долг перед матерью! — закончил Агаев.

«Лицемер-то какой», — думал про себя Куттыбаев. Мать Мукатаева сказала сыну: «Исполни долг передо мной», когда отправляла его в Советскую армию. Мукатаев не исполнил своего долга. А ты, Агаев, говоришь теперь: «Соверши подвиг, достойный материнской любви». Хоть слова и одинаковые, но ведь совсем о другом говоришь ты. Она хочет, чтобы ее сын защитил родину от фашистов, а ты добиваешься, чтобы он предал ее. Но Мукатаев, если

действительно любит свою мать, поступит именно так, как она мечтала. И я помогу ему в этом».

2. После неприятного разговора с Канатбаевым Каюм-хан потерял покой, бесился в душе так, будто к нему приближался смертный час. Хотя предложение Канатбаева ему самому казалось возмутительным, он не был уверен — покажется ли оно таким германскому правительству. Так как Канатбаев,— выглядело-то его предложение, что ни говори, именно так,— хлопотал о том, чтобы увеличить силу борцов с большевизмом, добавляя к патриотам Туркестана еще и патриотов Татарии и Башкирии, и с большим размахом ставил их в один строй, то такое предложение вполне могло понравиться немцам. «Будут ли мои слова: «Ненавижу русских, а татары и башкиры как обрусевшие народы их не ненавидят» — аргументом? Ой, боюсь, не будут. Немцы мыслят иначе, чем я. Им все равно — татары, русские, башкиры. Если бы не было все равно, помогали б они Власову создать армию из русских? Разрешили бы Идриси и Шафееву создать комитет «Идель-Урал»? Конечно, нет. И если эти посоветовались и, объединившись, изъявят желание выступить против Советского Союза, почему немцы будут против? То, что им выгодно, они всегда одобряют. Чокаев заявил, что он хочет организовать борьбу против Советского правительства, ему дали дорогу. Ясно, когда мне понадобилось убрать Чокаева, и я сообщил им, что Мустафа не верит в победу Германии над Советами, что он не вводит Туркестанский легион в войну, так как хочет сохранить его для англичан, и когда я сказал, что для того, чтобы быстрее взять Москву, нужно нам, туркестанцам, немедленно вступать в войну, они мне поверили и «не обратили» внимания на смерть Чокаева, а меня поддержали. Так что вполне возможно, если Канатбаев станет утверждать: Каюм-хан, мол, стал президентом, переступив через труп одного человека, а добившись нужного ему поста, он не может быстро вступить в войну, так как у него мало сил и этими силами ничего не решить, а вот Канатбаев желает с большими силами включиться в войну...— тогда немцы ответят, что он прав. Меня снимут, а его назначат президентом. Правду говорят: пока один не умрет, другой не увидит света...»

Каюм-хан совсем измучился и переволновался за эти дни. Счастье, к которому он уже привык, показалось ему неустойчивым, способным каждый момент умчаться как

вихрь. Придавить бы этот вихрь дождем — и счастье осталось бы в руках. Но как это сделать? Думай, Каюм, думай! Если ты нашел способ убрать Чокаева, то неужели его тень трудно уничтожить? А-а! Нашел. Тень Чокаева! Когда в самом начале мы встретились в лагере Сувалки, не только я, но и другие, в том числе и Идриси, видели, что Чокаев несколько дней беседовал наедине с Канатбаевым. Все логично: в те дни Чокаев внушил Канатбаеву идею об ожидании победы англичан. Теперь же, после смерти Мустафы, спеша претворить в жизнь ту идею Чокаева, Канатбаев намеренно ставит нам всяческие препятствия. То, что Татария и Башкирия никогда не войдут в Туркестан, ясно. Я совсем не возражаю — в принципе — против их присоединения. Но если впоследствии татары и башкиры начнут проявлять сепаратистские тенденции, желая отделиться, то что тогда мы будем делать? Пока мы будем то объединяться, то разъединяться, пройдет время, и мы не сможем вступить в войну с Советами. Вот ведь какая цель у Канатбаева...

Поскольку выяснилась логика поступков противника, страх Каюм-хана постепенно стал проходить и к нему вернулось хорошее настроение. «Подожди, гад Канатбаев, не торопись, дни твои коротки, я тебя совсем уничтожу». Эти довольно простые мысли как-то успокаивали Каюм-хана. Концепция нашлась. Однако ее одной было недостаточно. Требовалось мыслить дальше — искать факты.

Чтобы раздобыть их, Каюм-хан отправился в лагерь Вустрау. Вначале он встретился с узбеками и начал у них выведывать секреты о Канатбаеве.

— Ничего я не знаю, кроме того, что он преданно работает на немцев и на комитет, — сказал о Канатбаеве один из «слушателей» — узбек.

— А говорил ли он что-нибудь о татарах и башкирах?

— Говорил.

— Ну и что же?

— Примерно так: «Расширим Туркестан. Присоединим к нему Башкирию и Татарию».

— Ну, а что вы на это ему отвечали?

— Что нам говорить, нам все равно. Куда вы нас поведете, туда мы и пойдем.

— Закрой рот, дурак! — взорвался Каюм-хан. —Не хочу видеть болвана, из-за глупости которого и ему подобных нас могут объединить с обрусевшими народами. Если

я еще услышу от вас такие слова, то не ждите ничего хорошего.

— Э, откуда мы знали. Мы думали,что если ответственный работник говорит так, то значит он с вами договорился.

«Какая досада! — думал Каюм-хан, кусая губы. Еще одна ошибка совершена. После разговора в Берлине нельзя было пускать Канатбаева в Вустрау. Действительно, откуда им тут знать, чье мнение передает Канатбаев. Ошибку надо исправлять».

— Собирай туркестанцев! — приказал он, вызвав Канатбаева. Я хочу им кое-что сообщить.

Слушатели начали подходить. Отвечая на приветствия приходивших, Каюм-хан выглядел, как всегда, солидно и надменно, но на душе у него скребли кошки. Он вовсе не был уверен в благоприятном исходе собрания.

— Джигиты! — заговорил Каюм-хан, когда комната заполнилась. — Наш незабвенный вождь Чокаев всю свою жизнь отдал борьбе во имя того, чтобы создать мусульманское государство, в котором не будет места русским. В этой борьбе я, как мог, помогал моему учителю и другу. После смерти Чокаева я, подхватив его знамя, иду по пути, который указал он. Это вы хорошо знаете. Мы все обязаны не уронить этого знамени и создать Туркестанское государство. Недавно кое-кто выступил с предложением присоединить к нашему Туркестану Татарию и Башкирию. Скажу прямо: мы против этого. Это предложение противоречит идее Чокаева о создании чисто мусульманского государства, без русских. Татары и башкиры — обрусевшие народы. Они не настоящие мусульмане. Если мы с ними объединимся, то мы тем самым нарушим заветы Чокаева. Чокаев подписал договор с германским правительством о создании Туркестанского государства. В этом договоре ничего о Татарии и Башкирии нет. Не успев выполнить своих обязательств перед могущественным союзником, ставить новые условия — младенчество.

Заметив изумление на лицах многих слушателей, Канатбаев поднял руку:

— Господин Каюм! Мне надо дать некоторые пояснения!

Но меньше всего Каюм-хан хотел этих пояснений. «Если дать одному слово, то разгорится спор, если масса поддержит Канатбаева, то я пропал», — мелькнула мысль в голове Вали.

— Господин Канатбаев! Садитесь! По этому поводу мы не будем проводить дискуссий. Если вы продолжаете упорствовать в ваших заблуждениях, то замечу вам следующее: прежде чем выступать с пропагандой своего предложения, вы были обязаны поставить этот вопрос перед германским правительством. Не забывайте, чей вы хлеб едите, чье оружие получили! — И он не дал Канатбаеву и рта раскрыть.

Канатбаев разозлился. Однако не стал спорить. Из слов Каюм-хана он понял, что тот, по-видимому, не знает о письме к Розенбергу. Если б знал, то не сказал бы: «Поставить этот вопрос перед германским правительством». Ладно, какой толк спорить с тобой, ты же не хозяин. Посмотрим, что будет дальше. Пусть придет ответ от Розенберга. Интересно, как ты тогда будешь ораторствовать. Убил Чокаева и после этого называет себя его учеником. Зачем же ты отравил своего учителя? Подлец. И трус вдобавок. Если бы не был трусом, не стал бы затыкать глотку мне перед джигитами. Боится, значит, что они не его, а меня поддержат. Поразмыслив, Канатбаев сдержал себя и промолчал. Каюм-хан почти сразу же возвратился в Берлин.

Победу нельзя было считать полной. А поездка убедила Вали, что уничтожить Канатбаева необходимо, если не хочешь лишиться президентского поста. Или я ликвидирую его, или он ликвидирует меня. И надо торопиться.

Сейчас же по прибытии в Берлин Вали вызвал Хаитова — ему он доверял.

— Съезди в Вустрау. Есть слухи, что Канатбаев берет с джигитов взятки, заявляет, что хорошие условия в лагере устроены им. Допроси об этом джигитов — и назад. Постарайся, чтобы сам Канатбаев ни о чем не догадался. И сведения добудь обязательно. Пусть о взятках дадут показания хотя бы два-три слушателя. В крайнем случае хоть один. Но без этого не приезжай. Понял?

— Понял! — Хаитов преданно глядел в лицо хана, кося своими маленькими глазками.

— Тогда в дорогу. И без сведений не возвращайся!

Конечно, никто не говорил Каюм-хану, что Канатбаев берет взятки. Это было выдумано им самим. Он понимал, что его посланцу будет трудно добыть свидетеля. И все-таки он надеялся, что Хаитов, чтобы доказать свою преданность, хоть одного да найдет.

Но Хаитов на второй день вернулся из Вустрау.

— Э, почему ты так быстро? — тревожно спросил Каюм-хан, увидев Хаитова, который не мог скрыть испуга и волнения.

— Работа закончилась... Френцель выгнал меня из лагеря.

Из рассказа Хаитова выяснилось, что один из джигитов, которых он допрашивал, по-видимому, сообщил об этом Канатбаеву. Тот пошел к коменданту Френцелю. Френцель рассердился, потребовал у Хаитова предъявить полномочия от Восточного министерства. Такого документа у Хаитова не было. Он сказал, что его послал Каюм-хан. «Мне плевать на твоего Каюм-хана. Мне нужно указание министерства. Без него я тут ничего делать не позволю. Хозяин лагеря я...» — раскричался комендант и выгнал Хаитова.

На Каюм-хана напал страх. Позор! Действия, которые совершались скрытно от государственных органов, раскрылись. Если Френцель сообщит в Восточное министерство, будет скандал. Ну, а материалов против Канатбаева все еще нет. Что же делать?.. Вали впал в отчаяние.

3. Письму Кайгина профессор фон Менде не придал значения. Интриги эмигрантов ему надоели. Неужели они на самом деле рассчитывают получить какую-то независимость? Мало того, что письмо вручили, просят передать его еще Розенбергу! Откуда они взяли, что Розенбергу будет приятно читать такое письмо. «Никогда Туркестанское государство и армия не будут независимыми. Туркестан будет только колонией Германии», — сказал Розенберг Чокаеву в самом начале. И Чокаев сам с этим согласился. Каюм-хан тем более согласен. Ну а Кайгину это, видимо, не по душе, может быть, он против того, чтобы Туркестан был колонией. Нет, никаких перемен не будем делать. Для Германии они невыгодны. Нам все равно: будут ли Татария и Башкирия колониями в составе Туркестана, или же отдельными. Даже лучше, если будут разделены. Колонии создаются не по планам эмигрантов и пленных. По нашим планам. Тоже мне, политические деятели! Пусть делают то, что мы говорим им, а иначе — дорога в концлагерь...

Раздраженный письмом Кайгина, фон Менде отодвинул его в сторону. Сейчас не время заниматься этими сплетнями. В Сталинграде идет ожесточенная битва. Немецкая

армия не может продвинуться вперед. Стратегические планы верховного командования полностью не осуществляются. Первая часть этого плана — отделить от России индустрию Кавказа и Средней Азии, уничтожить Сталинград, перебросить затем одну армию оттуда под Ленинград, а остальные двинуть на Москву. Нелегко нашим доблестным войскам. Наш долг — внести свою долю в осуществление этой части плана. Почему только одни немцы должны проливать кровь? Правда, под Сталинградом рядом с немецкой армией воюют восьмая итальянская, третья и четвертая румынские армии. Однако этого мало. Где наши легионы? Что они делают? Почему интриганы и склочники, вроде Кайгина, вместо того, чтобы кусать друг друга за ноги, не начинают помогать немецким солдатам? Нет, хватит, надо проблемы легионов целиком брать в свои руки.

Особенно тщательно фон Менде обдумывал вторую часть стратегического плана. Она предусматривала вступление Турции в войну с Советским Союзом. Нужно организовать национальные выступления против англичан в Ираке, Палестине и Сирии, вынудив Англию послать войска из Ирана в эти страны. Уход английских войск даст возможость Турции выступить против Ирана и СССР. Великолепный план! Что за голова у фюрера! Если план претворится в жизнь, мы быстро уничтожим Советы и потом всей мощью своей набросимся на Англию. И в этой части плана мы особенно успешно можем поддержать армию!

Фон Менде вспомнил, что Розенберг недавно говорил по поводу Турции. Посол в Турции Папен договорился с пантюркистом Эмин-пашой, который возглавлял одну из парламентских группировок, о том, что Турция выступит против Советов. Руководители турецкого правительства при поддержке большинства членов парламента решили занять выжидательную позицию. Однако, когда германская армия начала наступать и дошла до Сталинграда, члены парламента единогласно поддержали Эмин-пашу, и Турция стала готовиться к войне. Она приступила к обеспечению Германии необходимым сырьем. В это время вместе с еще одним пантюркистом Эмин-паша приехал в Берлин и вел переговоры в министерстве иностранных дел. Мы предоставим Германии необходимую помощь и выступим против Советов, заявил он. За эти труды вы отдадите нам Армению, Азербайджан и республики Средней Азии. Вы не будете возражать против того, что мы на этих территориях создадим под знаменем пантюркизма восточное

турецкое государство. Но в министерстве иностранных дел третьего рейха такие требования Эмин-паши нашли чрезмерными, и он ни с чем возвратился в Анкару.

С тех пор прошло несколько месяцев. Турция не вступила в войну и неизвестно, вступит ли. Разумеется, даже не воюя, Турция создает для Советского Союза дополнительные трудности, вынуждая его держать на границе значительную армию. И все-таки этого мало...

Вдруг у фон Менде возникла мысль: а если послать в Турцию Каюм-хана? Он как президент марионеточного правительства «самостоятельно» поговорит с руководителями турецкого правительства. Объявит, что он президент Туркестанского правительства. Вы, кажется, просили отдать вам Среднюю Азию, возможно, вы не знали, что есть Туркестанское правительство. Тут нет ничего неприятного для вас. Мы считаем Турцию своим старшим братом. Вы же нас примите как младших братьев. Объединившись, братья вместе освободят Туркестан. Есть пословица: «У кого старший брат, у того поддержка». Давайте выступим против Советов войной. При этом надо заинтересовать турок тем, что богатства Туркестана, мол, хватит и вам и нам. Возможно, такая поездка Каюма станет одной из причин вступления Турции в войну.

Обрадовавшись этой неожиданной мысли, фон Менде пошел к Розенбергу. Он вкратце сообщил шефу содержание письма, которое получил от Кайгина, высказал свое отрицательное мнение по этому поводу, а также поделился планами насчет путешествия Каюм-хана в Турцию.

— Я считаю, что противоречия, возникшие между узбеками и казахами, нам на руку, — сказал Розенберг подумав.

— Почему? — удивился фон Менде.

— Если между ними будут разногласия, то каждый из них, желая доказать правоту, будет еще более преданно работать на нас. Поэтому, если конфликтов между ними не возникнет, мы должны искусственно их создавать,— сказал Розенберг и взглянул в глаза профессору своим холодным неподвижным взглядом.

— Да, эксцеленц, это верная политика, политика, соответствующая интересам рейха, — согласился фон Менде. «Как это верно,— подумал он. —Почему же это письмо меня огорчило? Радоваться надо тому, что наши подопечные грызутся между собой!»

— А мысль послать Каюм-хана в Турцию верна. Чем скорее он съездит туда, тем лучше. Если турки будут несговорчивы, пусть пообещает им половину Туркестана...

— Значит, вы отказываетесь от своих замыслов сделать Туркестан большой германской колонией?

Розенберг чуть улыбнулся.

— Нет, мы Туркестан никому не отдадим. Пусть Каюм-хан от своего имени говорит, что отдаст половину. Поняли? От своего имени. Позже, когда Турция вступит в войну, и мы победим Советы, уберем этого «президента», и пусть турки спрашивают у него обещанное на небесах. Преемником же Каюма сделаем какого-нибудь его врага, который зачеркнет все его обещания.

Немцы издавна считали Турцию своим плацдармом и, подчинив себе, крепко держали в своих руках. В 1914—1918 годах Турция на стороне Германии принимала участие в первой мировой войне. На турецкой земле немцы организовали множество торговых фирм. Только лишь в одном Стамбуле их было свыше ста. Однако прочно проник в Малую Азию и франко-английский капитал. В 1939 году правительство Турции совершило обходной маневр: невзирая на то, что Германия уже находилась в положении войны с Францией и Англией, оно заключило договор с Францией и Англией о взаимной помощи. По этому договору в случае, если в районе Средиземного моря возникнет военный конфликт и Англия или Франция окажутся вовлеченными в войну, Турция, поддерживая своих союзников, должна была тоже вступить в войну. Прошло немного времени, в 1940 году Италия набросилась на Грецию, а весной 1941 года Германия совместно с Италией оккупировали Югославию и Грецию. Однако Турция не вступила в войну, отказалась от своего договора, объявив себя нейтральным государством. В то время, разумеется, для Германии и это было не плохо. 18 июня 1941 года, когда осталось четыре дня до нападения гитлеровской Германии на СССР, турецкое и германское правительства заключили договор о дружбе. Как только фашистская армия вошла на советскую землю, Турция тотчас же объявила о своем нейтралитете. Итак, Турция, словно лисица, ловко убегающая от гончей собаки, до сих пор неустанно виляет хвостом то в одну, то в другую сторону...

Розенберг говорил о том, что турки останутся в дураках, с таким злорадством именно потому, что помнил все эти обстоятельства.

— Только так надо делать. Дальше терпеть двуличие турок нельзя, — произнес он вслух.

Фон Менде довольный вышел от начальника.

— А, пришел, ну входи! — сказал он, увидев в приемной ожидавшего его Каюм-хана.

Не желая выдать свою тревогу, Вали прикинулся больным, еле-еле волоча ноги, прошел в кабинет вслед за бодро шагавшим фон Менде.

— Кто такой Кайгин? — отрывисто спросил профессор.

— Пленный, казах. Я его взял из лагеря Люккенвальд для работы в журнале «Милли Туркестан». Журналист.

— Я получил от этого Кайгина письмо. Он поднимает вопрос о присоединении Татарии и Башкирии к Туркестану. Говорил ли он тебе что-либо по этому поводу?

Каюм-хан вздрогнул. «Как повернется дело?» — мелькнула в мозгу мысль. Глаза у него забегали, дыхание перехватило, язык онемел.

— Это... по этому поводу поднимает вопрос Канатбаев. Кайгин его поддерживал. Странно, что Канатбаев не сам написал письмо, а заставил сделать это Кайгина, — сказал наконец Каюм-хан.

— Говоришь, Канатбаев? — переспросил фон Менде, внимательно посмотрев на Каюм-хана, и задумался.

— Да, он. Знаете, чокаевский прихвостень. Еще в самом начале знакомства он сдружился с Чокаевым и, мне кажется, полностью воспринял неправильные взгляды Чокаева...

Все обвинения против Канатбаева, которые Каюм-хан обдумывал в течение нескольких дней, он решил сейчас же выложить фон Менде, но тот не стал слушать его, прервал вопросом.

— Ну а сам ты как смотришь на предложение Кайгина?

— Я против, господин профессор! Вы прекрасно знаете мою ненависть к русским. Я подлинный националист. Татары и башкиры — это обрусевшие народы. Я не желаю идти вместе с ними!

— Ты что же, считаешь, что мы положительно относимся к русским? Если бы они не были нашими врагами, разве бы мы с ними воевали? Но есть разные русские. Вот на Власова мы совершенно по-другому смотрим, — сказал, усмехаясь, фон Менде.

«О аллах! Он хочет поддержать предложение Канатба-

ева», — подумал Каюм-хан, и ему показалось, что пол под ним закачался.

— Ладно, пока что отложим обсуждение вопросов, поднятых в этом письме, потом решим, — сказал фон Менде.

У Вали немного отлегло от сердца.

— Ты съезди пока в Турцию. Заключи договор о дружбе и взаимной помощи от имени Туркестанского национального комитета с президентом Исметом Иненю или с премьер-министром Сараджоглы. Поставь условием заключения договора вступление Турции в войну в кратчайший срок. Кажется, турки просят республики Средней Азии. Ты скажи: они входят в Туркестан, без Средней Азии не будет Туркестана. Но если вы быстро вступите в войну, мы отдадим половину Туркестана...

— Половину! — испуганно воскликнул Каюм-хан.

— Да, половину. А в случае, если они не пойдут на это, соглашайся и на вхождение твоего Туркестана в состав Турции. Скажи: согласен, если получу ответственный пост в вашем правительстве. Не беспокойся. Это нужно лишь для того, чтобы обмануть турок. Ведь ты веришь нам?

— Если вам не верить, то кому же мне верить?

— Тогда не бойся. Туркестаном никто кроме тебя управлять не будет. Ну, а турок надо разок провести, нас они давно уже водят за нос, — фон Менде засмеялся и неожиданно подмигнул Вали.

— Хорошо, господин профессор, поручение ваше исполню!

Фон Менде понравилось, что Каюм-хан быстро согласился. «Такие нам и нужны — без особых принципов, те, кто умеет быстро и точно исполнять, что им поручено».

— Когда прикажете выехать?

— Как можно быстрее. Отправляйтесь самолетом.

Разговор на этом закончился, и Каюм-хан ушел довольный. «Ладно, мне и половины Туркестана хватит, даже если мне достанется только лишь Узбекистан, и этого будет достаточно. Пропади пропадом тот Туркестан, лишь бы я был ханом хоть одной земли!» — думал он, выходя из подъезда министерства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. В Легионове появился обративший на себя внимание туркестанцев пожилой человек в форме гауптштурмфюрера СС. Был он высок, длинноног, взгляд его словно сверлил

того, на кого падал, а правая рука — всегда в черной перчатке — то ли была частично парализована, то ли ее вообще заменял протез. Гауптштурмфюрер совершенно свободно говорил по-русски.

Среди легионеров поползли слухи, что имя приехавшего — Феннер, что он из прибалтийских немцев, до Октябрьской революции жил в Петербурге, окончил юридический факультет университета. И часто к этим сведениям о важном госте в разговорах между собой легионеры добавляли шепотом загадочное слово «Цеппелин».

О том, что оно означает, во всем рейхе знали немногие. «Цеппелин» создали недавно. Это был новый разведывательный орган, предназначенный для разложения тыла Советской Армии. Для этой цели в его системе создавали особые шпионско-диверсионные школы, в которые отбирались кадры военнопленных из Советского Союза, признанные представителями «Цеппелина» подходящими для выполнения таких задач.

Одну из подобных школ было поручено организовать Феннеру. Он приехал в Легионово для того, чтобы отобрать будущих слушателей своей школы из состава роты СС, созданной в лагере.

Перед отъездом Феннер имел беседу со своим шефом доктором Грефе.

— Не забывайте,— сказал Грефе,— слова «туркестанский легион», «туркестанское правительство» для нас лишены всякого смысла. Они предназначены только для туркестанцев и исключительно с пропагандистской целью. «Легион» — ширма. Он не имеет абсолютно никакого военного значения. Армия рейха и без всяких легионов разобьет войска Советов. Реально туркенстанцы могут оказаться полезными лишь в деле разложения советского тыла, в организации шпионажа и диверсий. Если же для этого им необходимы басни о «Большом Туркестане», что ж — временно мы пойдем на это...

Солдаты из роты СС скоро догадались, зачем прибыл Феннер.

— У нас говорят,— негромко сказал однажды вечером Залину Рамазанов,— будто этот немец станет отбирать людей, чтобы посылать их шпионами в советский тыл.

Залин, которому такое предположение тоже уже приходило на ум, глубоко задумался.

— Для нашей Родины тайная борьба значительно опаснее легиона! — произнес он после длительного молчания.—

Один шпион может порой оказаться опаснее целого полка. А видно, что фашисты готовятся отправить в тыл Красной Армии не одного, а множество шпионов. Если бы в их разведшколу пошли такие люди, как мы с тобой, то я бы не боялся. Таким, как мы, когда они достигнут Родины, зачем немецкая тайная борьба? Они пойдут в органы безопасности и сами будут искать возможность борьбы с гитлеровцами. Ну, а вот такие предатели, как Хаитов и Айтбаев, если попадут в наш тыл, по-настоящему будут вести шпионаж, совершать диверсии. Мы не можем спокойно бездействовать. Мы должны занять место среди них и, когда попадем на родину, парализовать их деятельность, сорвать их планы.

Рамазанов слушал Залина с таким вниманием, что даже приоткрыл по-мальчишески рот.

— Да, было бы здорово, если б мы смогли сделать это... — сказал он с некоторым сомнением.

— Если решимся на все — сделаем,— уверенно произнес Залин.

Феннер пробыл в Легионове больше недели, изучая личные дела солдат роты СС; многих легионеров вызывал к себе, подробно расспрашивал. И наконец, построив роту, он выделил из нее пятьдесят человек. Среди них оказался и Рамазанов. Залин, оставшийся в шеренге неотобранных, с волнением ловил взгляд своего друга и, когда их глаза встретились, постарались передать взглядом Рамазанову все, что хотел сказать ему. Рамазанов понял и кивнул и как-то по-школьному поднял руку.

— Что тебе надо? — спросил его ходивший перед строем Феннер.

— Господин офицер, там,— Рамазанов кивнул на основной строй роты,— там остался один мой хороший земляк.

Феннер усмехнулся.

— Что ж, если твоему земляку хочется пойти с тобой, то мы его возьмем. Какое образование у твоего товарища?

— Образование среднее, он хороший человек...

— Ладно. Иди, позови его!

Залин встал перед Феннером.

— Это и есть твой земляк? — спросил Феннер.— Хотите быть вместе? Это похвально. Хорошо, пускай твой друг идет с нами.

Залин обрадовался и стал в строй рядом с Рамазановым.

Группа, возглавляемая Феннером, прибыла в разведшколу, которая размещалась в лесистой местности на берегу Одера, вблизи города Бреслау. Чтобы местные жители не

догадались, кто их новые соседи, Феннер загодя заставил обнести территорию колючей проволокой и прибить над воротами надпись: «Вальдлагерь СС-20». По мнению Феннера это должно было внушить мысль, что сюда прибыла какая-то воинская часть.

С первых же дней Феннер завел в школе железную дисциплину. Выход с территории «вальдлагеря» был строжайше запрещен, запрещено было и любое общение с местными жителями. Да и между собой слушатели школы почти не общались — их разделили на отдельные группы по пять-шесть человек.

Залин и Рамазанов, всегда державшиеся рядом, попали в одну из таких групп. Но даже находясь в одной группе, они целыми днями не видели друг друга. Залина стали готовить на разведчика, а Рамазанова — на радиста. Занятия заполняли все время: урок политики, урок специальной подготовки, урок физической подготовки... Приходилось очень тяжело. Слушатели ежедневно совершали длинные марши в трудных условиях и к вечеру выматывались, как собаки. Но вечером была единственная возможность встретиться, и Залин, хоть и готов был упасть от усталости, все же использовал эту возможность, чтобы изучить людей хотя бы своей группы, узнать их настроения и со временем повести их за собой. Скоро он убедился, что двое молодых джигитов готовы поддержать его. Рамазанову он доверял абсолютно. Один только начальник группы Кокпаев, человек с лицом обезображенным шрамом, не внушал доверия. Он хорошо владел и русским и немецким языками, был образован. Однако Залин убедился, что он сильно оболванен гитлеровской пропагандой и пока работает на немцев не на страх, а на совесть. Все задания Феннера Кокпаев выполнял очень точно. Феннер в свою очередь хорошо к нему относился и заметно выделял. Знавшие это курсанты при Кокпаеве не ругали, как обычно, немцев, а наоборот, хвалили их. Большинство слушателей боялось Кокпаева, считая, что о любом «крамольном» разговоре он немедленно донесет гауптштурмфюреру. И поэтому Залин особенно не распространялся при Кокпаеве и тем более не думал раскрывать перед ним свои сокровенные мысли. Выполняя точно все, что ему приказывал Кокпаев, Залин старательно занимался, вошел в доверие к немцам и желал находиться в первых рядах слушателей школы.

Сегодня в лагере необычное оживление. Феннер решил свозить на экскурсию в Берлин тридцать курсантов. Оста-

ющиеся под предлогом проводов тайком передают уже собравшимся экскурсантам марки, поручая привезти различные нужные мелочи, вздыхают, завидуя: все-таки хоть пару дней проведут не за лагерной проволокой.

— Если будете хорошо учиться, я и вас свожу в Берлин, организую встречу с руководителями Туркестанского национального комитета,— сказал заметивший это Феннер.

Он считал, что предстоящая экскурсия полезна вдвойне: во-первых, заставит подтянуться отстающих, которые увидят, что успевающие пользуются льготами, вроде этой поездки; во-вторых, поможет утвердить курсантов в той мысли, что служат они не немцам, а своему Туркестану, немцы же лишь бескорыстно помогают его освобождению...

Поезд тронулся. Залин, тоже попавший в число участников экскурсии, в отличие от большинства своих спутников испытывал не просто смутное любопытство. Он хорошо знал из письма, которое получил от Айтбаева, о разногласиях, появившихся в Туркестанском комитете, о борьбе между казахскими и узбекскими националистами. «Как вы ни крутитесь, все равно из вашего дела ничего не выйдет»,— зло смеясь, думал Залин, читая копию письма, отправленного Розенбергу. И теперь его радовала возможность встретиться и поговорить с Айтбаевым. Перипетии борьбы в Туркестанском комитете казались ему интересными и имеющими определенное значение: они могли ускорить развал легиона.

Поезд прибыл в Берлин. Построив курсантов, Феннер вывел их на широкую привокзальную площадь. Там ожидал большой автобус, который привез их в общежитие «Гитлерюгенда», где останавливались обычно все туркестанцы.

— Я приду завтра. Отдыхайте. Выходить запрещаю!— сказал Феннер, оставив ответственными начальников групп.

На следующий день после полудня вместе с экскурсоводом-немкой Феннер пришел в общежитие.

— Поехали, садитесь в автобус!— сразу же сказал он.

Все экскурсанты впервые были в столице Германии, и многое, естественно, вызывало их любопытство.

— Посмотри-ка!— воскликнул один из курсантов, толкнув в бок товарища и показывая на двухэтажный автобус.

— Махина!— поразился его товарищ.

— Это омнибус, очень выгодная машина!— заметила женщина-экскурсовод на русском языке.

Автобус оказался на одной из широких улиц. Посередине нее — широкая аллея. Вокруг растут липы, стоят старинные фонари на железных столбах. Слева и справа в три-четы-

ре ряда несутся машины, автобусы, омнибусы, велосипедисты.

— Это самая широкая улица в Берлине, она называется Унтер-ден-линден,— сказала экскурсовод.— На месте этой улицы до середины XVIII века стояла большая крепость, защищавшая город от врагов. Как только закончилась семилетняя война и король Фридрих II победил врагов, он велел разобрать эту крепость. Сейчас здесь, как видите, красивая улица.

Взоры всех обратились к огромным воротам, в которые упиралась улица.

— Это Бранденбургские ворота, — пояснила экскурсовод.— Над воротами скульптура: четыре коня тянут колесницу. На колеснице — крылатая богиня победы. Левой рукой она натянула поводья, а в правой у нее копье с эмблемой — орлом. Шесть гигантских колонн словно еле сдерживают стремительный бег колесницы. Между колоннами большие проходы, по которым проносятся машины.

— И у этих ворот интересная история,— продолжает экскурсовод.— Они строились пять лет и были воздвигнуты в 1793 году. Этот замечальный памятник был украден у немецкого народа Наполеоном. Только в 1814 году он был возвращен и водворен на свое место.

Туркестанцы не знают, верить им или нет. Как мог Наполеон забрать такие огромные ворота?

Автобус, дойдя до Бранденбургских ворот, повернул обратно, проехал через Курфюстенбрюкский мост и остановился около большого храма.

— Выходите, посмотрим на памятник Фридриху-Вильгельму IV,— пригласила экскурсовод.

Вокруг храма стояло много памятников. В основном это были конные статуи. Бронзовые всадники куда-то мчались, сражались со львами, укрощали диких коней. Прямо напротив входа в храм неподвижно скакал Фридрих-Вильгельм.

— Фридрих-Вильгельм IV является королем, который властвовал над Пруссией семнадцать лет...— и экскурсовод начала перечислять исторические факты.

«Оказывается, революцию 1848—1849 годов в Германии душил именно этот король. Если не ошибаюсь, он, кажется, потом сошел с ума. Возмездие истории!»— думал Залин, слушая экскурсовода.

После осмотра Фридриха-Вильгельма Феннер и экскур-

совод посадили туркестанцев в автобус и познакомили еще с рядом знаменитых берлинских улиц.

— На сегодня хватит. Завтра состоится встреча с президентом Туркестанского правительства Вали Каюм-ханом, затем посетите кинотеатр,— сказал Феннер, когда автобус вернулся в общежитие «Гитлерюгенда».

На третий день вместе с Феннером в гостиницу к туркестанцам пришел Вали Каюм-хан.

— Я недавно ездил в Турцию,— начал Каюм-хан, после того, как поздоровался с курсантами.— Встретившись с руководителями турецкого правительства, я обсудил с ними некоторые важные государственные проблемы... Но сейчас я пришел не для того, чтобы рассказать о моем путешествии в Турцию. Об этом мы поговорим в другой раз, если будет возможность. Сейчас я вам хочу сказать о том, что и мы должны, так же как Турция, стать самостоятельным, независимым государством. Вы обязаны запомнить это навсегда. В Большом Туркестане не будет отдельных республик, не будет разрозненных наций. Существует лишь одна национальность — туркестанцы, будет лишь одно государство — объединенный Туркестан. Это политическое кредо Туркестанского национального комитета, и мы от него никогда не отступим.

Кроме этого, Вали Каюм-хан ничего не сказал курсантам. «Если будете успешно учиться, я организую встречу с руководителями туркестанского правительства»,— не раз говорил Феннер. И это и есть та обещанная встреча? Ну и ну! Стоило ждать!

Вскоре после того, как Каюм-хан отбыл, пришли, словно по его следам, Кайгин и Айтбаев. Они поведали Залину, как началась и разгорелась борьба между Канатбаевым и Каюм-ханом.

«Так вам и надо! — воскликнул про себя Залин, узнав о пылкой «идейной» борьбе в комитете.— То, что ваша возня никакого результата не принесет, я понял давно. Зря копошитесь, господа! Национальный вопрос решен Лениным, большевиками, и никакое иное решение его невозможно. Советская власть, партия большевиков дали каждой нашей национальности самостоятельность, свою государственность, дали возможность развиваться хозяйству и культуре. Ну, а вы хотели бы отнять это у народов. Вы мечтаете уничтожить самостоятельность наций Средней Азии и Казахстана. Вы хотите обе ноги втиснуть в один сапог, то есть подчинить все

наши народы одной какой-либо национальности. Одни из вас хотят сделать хозяевами узбеков, другие — казахов. Это не только несправедливо, это просто глупо. Какой же народ согласится считать себя второстепенным? Нет, каждый народ хочет сам решать свою судьбу!»

2. Первый батальон туркестанцев, именовавшийся теперь 450-м отдельным туркестанским батальоном рейхсвера, был направлен в украинский город Ямполь в Сумской области.

Получив сведения о сильном партизанском движении в области, Мадер разделил пятую пулеметную роту Турамысова на три группы по два отделения каждая. Во главе усиленных этими группами первой, третьей и четвертой стрелковых рот он направился в огромный лес, начинавшийся недалеко от Ямполя. Вторую стрелковую роту и один пулеметный взвод он оставил под командованием Турамысова в городе, поручив им вместе с местной полицией оборонять Ямполь от партизан. В Ямполе осталась и штабная рота.

Вернулся Мадер через десять дней, однако в городе долго не задержался. Присоединив вторую роту и пулеметный взвод, Мадер повел батальон в Хинельский район.

— Нашему батальону приказано вместе с венгерскими частями очистить Хинельский район от партизан,— объявил он командирам рот перед отправкой.

Мадер разделил батальон на две группы. Командование второй ротой и двумя пулеметными взводами, к которым был присоединен также саперный взвод, он поручил немецкому капитану и Турамысову, приказав завтра начать наступление с востока на деревню, в которой находились партизаны. Сам же он должен был повести первую, третью и четвертую роты на эту же деревню, но с запада.

Утром группа, которой командовал Мадер, напала на партизан. Отряд, занимавший деревню, был невелик. Партизаны начали медленно отступать. В это время с противоположной стороны в деревню вошла вторая группа туркестанцев. Партизаны, открыв сильный огонь, долго не подпускали к себе и вторую группу. Но когда основные силы батальона приблизились к мосту, партизаны оставили деревню и ушли в лес. А венгерский полк, который должен был вместе с туркестанским батальоном принять участие в операции, прибыл в захваченную деревню только вечером.

Для себя Мадер во время «похода» поставил задачу завоевать среди легионеров настоящую популярность. Он пользовался для этого испытанными приемами, которые привык применять еще в Китае: делил наравне с солдатами все тяготы походной жизни, спал и ел вместе с ними, не раз демонстрировал свою храбрость.

— Мальчики, война есть война,— говорил он туркестанцам, когда батальон заходил в очередную деревню.— Отдых на войне редок, а если приходит его час, солдат имеет право на все. До завтрашнего утра здесь все ваше: жратва, питье, бабы. Берите, пользуйтесь. И не бойтесь: пока я с вами, никто ничего не посмеет вякнуть.

Разрешая грабеж и насилие, Мадер кроме погони за солдатской популярностью преследовал еще одну цель: чем больше кровавых пятен в новой биографии человека, тем труднее для него возвращение к старой. Насильник, грабитель, убийца мирных жителей перебежчиком не станет: он будет помнить, что его ждет на той стороне...

Действительно, кое-кто из легионеров стал Мадера восхвалять. Особенно надрывал голос, прославляя его, бывший денщик Мадера Али Сулейманов, с детства промышлявший воровством в Баку. Несмотря на свои двадцать восемь лет, он оставался неграмотным. Вообще он был несколько умственно отсталым, что вместе с исключительной физической силой и дурным, задиристым характером делало его похожим на аульного норовистого бугая.

— Мне все до лампочки, кто меня накормит доотвала, на того и буду работать,— говорил он, почесывая свои спутанные, густые волосы.

Преданно выполняя поручения своего хозяина, Сулейманов стал впоследствии командиром взвода, а потом Мадер сделал его своим помощником. Теперь он уже не холуй, который чистит сапоги Мадеру, теперь он достиг положения заместителя командира батальона, теперь он подумывает о том, чтобы стать в ряд будущих руководителей Туркестанского государства.

В 450-м батальоне служило довольно много немецких унтер-офицеров и солдат,— немецкое командование считало их присутствие гарантией того, что туркестанцы будут соблюдать порядок и дисциплину. Почти все смотрели на туркестанцев с откровенной брезгливостью, называли «туземцами» и считали их существами второго сорта. Мадер, которого искренне злила тупость его земляков, при туркестанцах ругал немцев на чем свет стоит. Однажды, когда,

преследуя партизан, уставший батальон направлялся в город Глухов, кто-то из легионеров, натерев ноги, не смог идти дальше и забрался на телегу. Заметив это, немецкий унтер-офицер тоже сел в телегу рядом с легионером. Еще один немецкий солдат подбежал к телеге и положил на нее свой вещмешок. И тут, на беду им, появился Мадер.

— Слезь с телеги, глупая голова!— приказал Мадер унтер-офицеру голосом, полным ярости. Тот в замешательстве спрыгнул на землю. Легионер собрался последовать за ним, но Мадер, вдруг улыбнувшись, сказал ему: «Можешь сидеть!»— и тут же обрушил всю оставшуюся в душе ярость на солдата, положившего в телегу вещмешок.

Турамысов быстро разгадал тактику своего начальника и очень обеспокоился, что легионеры поддадутся на уловки Мадера. Вообще душевное состояние у него было хуже некуда. Связаться с партизанами никак не удавалось, и одна мысль о том, что приходится воевать со своими, заставляла обливаться сердце кровью.

Но погоня за популярностью дорого обошлась Мадеру. Немецкие унтер-офицеры и солдаты, не понимавшие его уловок, возненавидели странного офицера, ставившего каких-то грязных туземцев выше чистокровных арийцев. Донос следовал за доносом, и вскоре Мадер был отстранен от командования батальоном. На его место прислали гауптмана Копфа.

В это время битва под Сталинградом все накалялась и накалялась. 450-й батальон был переброшен на правый фланг фронта — на землю Калмыкии. Его присоединили к 16-й немецкой мотомехдивизии, которая стояла в обороне в местечке Яшкол.

Турамысов был очень рад, что батальон приблизился к линии фронта. Теперь он все время думал о переходе на сторону Красной Армии. Перебежать одному было не так уж трудно, однако Турамысов ставил перед собой цель— вернуть к своим хотя бы одну роту.

Однажды, когда он находился в карауле, зазвонил телефон.

— Алло! Обер-лейтенант Турамысов!— услышал он голос командира батальона Копфа, когда взял в руку трубку.— Срочно пошлите один взвод в роту, которая находится на правом фланге обороны!

Турамысов знал, что на правом фланге стоит немецкая рота. Однако он не понял, для чего там понадобился еще и

взвод легионеров. Но приказ есть приказ — пришлось его выполнить. Утром с той стороны, куда ушел взвод, послышался автоматный треск и грохот взрывавшихся снарядов, с каждым часом стрельба усиливалась. Турамысов больше не сомневался — это советские войска перешли в наступление. И снова — телефонный звонок.

— Алло! Обер-лейтенант Турамысов! Возьмите еще один взвод и идите на помощь роте, которая ведет бой на правом фланге. Сообщите немецкому офицеру, что вы прибыли по моему приказу!— скомандовал гауптман Копф.

Когда Турамысов вел взвод к месту перестрелки, душу его переполняло волнение. Кажется, приближается момент для перехода к своим. Удастся ли? И как досадно будет, если все сорвется так близко от цели!

— Я прибыл к вам на помощь с одним взводом,— доложил Турамысов командиру немецкой роты.

Немецкий офицер очень обрадовался прибытию в его подчинение еще одного взвода — силы у него иссякли, хотя наступление красноармейцев он сумел приостановить.

— Ты поднимись вон на ту высоту и с тыла прегради путь отступающим красноармейцам!— задыхаясь от усталости, произнес майор.

Турамысов бегом повел взвод на высоту. «Это ли не подходящий случай присоединиться к нашим и вместе остановить фашистов». И Турамысов жестами торопил своих солдат.

Вдруг, когда взвод уже приблизился к высоте, Турамысов услышал какой-то новый непривычный звук. Он бросил взгляд назад, и сердце его упало — за туркестанцами с грохотом двигались четыре немецких танка. От их орудий и гусениц живыми не уйти. «Откуда дьявол вас принес?» — шептал Турамысов побелевшими от отчаяния губами.

Танки догнали взвод на вершине холма и, не останавливаясь, помчались мимо. «Они хотят перерезать путь отступающим»,— с болью в сердце понял Турамысов. Когда сбошли высоту, он увидел, что танки, обогнув группу красноармейцев, повернулись к ним, грозно выставив орудия. Часть группы, пытаясь прорваться, бросилась вперед наискосок от танков. Несколько выстрелов — и пытавшиеся прорваться полегли на земле. Крайний танк повернул к ним, тяжелые гусеницы вдавили в землю мертвых и умиравших. Оставшиеся медленно подняли руки, повернувшись к приближавшемуся взводу туркестанцев...

Первые часы после этого Турамысов был так ошеломлен, что никак не мог собраться с мыслями. Что же получилось? Вместо того, чтобы перейти на сторону Советской Армии, он принял участие в пленении советских бойцов! Но ведь этим он отрезал себе путь на Родину!

А затем его вызвал к себе Копф и в присутствии офицеров батальона объявил:

— За храбрость, проявленную на поле битвы, обер-лейтенант Турамысов награждается бронзовой медалью третьей степени!

Повторил он это, когда наступило затишье, и перед строем всего батальона.

Опираясь на пример «героического поступка» Турамысова, Копф призвал всех солдат батальона «верно и мужественно» служить третьему рейху.

— Наша главная задача состоит в следующем,— говорил Копф.—Пока германская армия берет Сталинград, мы будем крепко держать линию обороны Яшколя. После падения Сталинграда мы начнем наступление на Астрахань. За Астраханью — граница Туркестана. Дни освобождения вашей земли от большевиков близки. Будьте стойкими! Не дадим возможности русским прорвать линию обороны Яшколя!

3. Начало февраля. Берлин в горе, одет в траур. Недавно выпавший снег, окрашенный копотью, стал совершенно черным. Город усеян черным снегом, увешан черными траурными флагами, накрыт черными грозными тучами.

Но на спутника Турамысова, командира Туркестанского легиона Эрнике, печальный облик имперской столицы, кажется, никак не действует: «Выше голову, победа еще впереди, мы никогда не будем побеждены»,—негромко говорит, улыбаясь, он своему молодому подчиненному. Действительно, у него вид победителя.

— Вот этот дом! — сказал наконец после долгого пути Эрнике, показывая на четырехэтажное здание.

Эрнике повел за собой Турамысова в одну из дверей дома. Судя по уверенности, с которой он выбирал дорогу, можно было не сомневаться, что он уже не раз бывал здесь.

Эрнике поднялся на третий этаж и нажал кнопку одной двери. Ее открыла красивая, высокая, стройная немка с ярко накрашенным ртом и иссиня черными волосами.

— Доброе утро, фрау Хендшель! — улыбаясь произнес

Эрнике. В тоне его голоса Турамысову почудился даже какой-то интимный оттенок.

Женщина ответила им широкой улыбкой и пропустила их в квартиру.

Эрнике поцеловал ее руку.

— Когда приехали? — спросила Руд Хендшель.

— Вчера. Отдохнули и сразу же к вам,— ответил Эрнике. — Познакомьтесь, фрау Хендшель, это — наш герой, проявивший исключительную храбрость на поле боя, обер-лейтенант Турамысов.

— О! Да ваш герой вдобавок еще и красавец! — произнесла Руд, взглядом опытной женщины окинув с головы до ног Турамысова, и протянула ему руку.

Турамысов взял ее руку и склонил голову.

— Проходите сюда,— позвала хозяйка гостей.

— Герр Вали Каюм-хан дома? — спросил Эрнике, проходя туда.

— Нет, он утром ушел в комитет.

— Вот как? — удивился Эрнике.— А я привез к нему гостя-героя... — Эрнике направился к телефону, набрал номер:— Алло! Кто это? Господин Каюм-хан? Здравствуйте! Это я, Эрнике... Да, да. Приехали вчера. Я нахожусь у вас дома. Рядом со мной один офицер легиона. Хорошо, будем ждать.

Руд Хендшель усадила гостей, положила перед ними газеты и журналы, а сама куда-то вышла. Следом за ней исчез и Эрнике. Турамысов остался один.

...Фрау Хендшель, выйдя замуж за Каюм-хана, бросила работу в радиостудии. Теперь она рано ложится, поздно встает. Утром муж уходит на работу, детей нет, никто и ничто не нарушает ее покоя. Нет надобности убирать в доме, идти в магазин, готовить еду, мыть и стирать. Все это делает прислуга. Плотно позавтракав, посидев час перед зеркалом, она идет к телефону и набирает номер кого-нибудь из своих поклонников — их у нее много, особенно из числа офицеров СС.

— Алло! Господин штурмбанфюрер? Доброе утро! Это я, Руд. Как вы себя чувствуете? Я опять одна, скучаю. Не зайдете ли?

Руд никогда не любила и не любит Каюм-хана. Волей гестапо сошлась она с ним, да еще из-за надежды в будущем приложить руки к богатствам Туркестана. Гестапо по-прежнему поддерживает с ней связь, чтобы немедленно узнавать обо всем происходящем в Туркестанском комитете.

Руд часто выполняет задания своих хозяев. Но ей чертовски скучно, и развлечение одно — любовники, постель. Так что Турамысову не стоит удивляться тому, что его так надолго оставили одного.

Впрочем, Турамысов не удивляется. Он просто не думает ни о своем спутнике и начальнике, ни об очаровательной хозяйке дома, так выразительно посмотревшей на него. Его мысли заняты другим. «Эх, Валитхан! — говорит он сам себе, рассматривая свое отражение в зеркале, которое стоит в гостиной.— Разве ты думал совсем недавно, когда лежал на калмыцкой земле, что встретишься с Эрнике, поедешь в Берлин и придешь в дом к Каюм-хану? Разве не мечтал о том, чтобы и легион пропал и Каюм-хан сгинул, разве ты не проклинал фашистов, не мечтал вернуться к своим? И вот вместо этого ты в Берлине в доме у Вали Каюм-хана. Если б это увидел Куттыбаев, чтобы бы он сказал! Что с тобой случилось, а?» —произнес он, глядя в упор на себя, и замолчал, словно надеясь услышать ответ. Но тот, в зеркале, тоже молчал, Да что он скажет? И радость и горе у него такие же, как у самого Турамысова. Да, и радость. Хотя он в стане врага и тяжело складывается его судьба, но как же не радоваться, если враг получил отпор под Сталинградом, если он потерял целую армию, если он горюет три дня, не поднимая головы! Шестая армия, попавшая в советский плен под Сталинградом,— это не просто армия, это четвертая часть всех сил, которые бросила Германия на восточный фронт. Теперь все большее число людей во всем мире понимает: Германии нечего надеяться на победу над Советским Союзом, приближается срок ее краха. Но вместе с тем глубокое чувство горечи отравляло жизнь Турамысова. Часто среди ночи его будила страшная мысль: «Я предатель, я работаю на врага». Его ревностная служба, давшая ему положение командира роты и офицерское звание, поставившая его в число тех, кому доверяют фашисты,— все это было сделано ради того, чтобы перейти в Красную Армию. И вот все его труды пропали даром, пошли прахом. Пока он искал возможности уйти к своим вместе с ротой, мощный удар советских войск под Сталинградом отбросил далеко назад немецкие дивизии. От Яшколя немцы отступали по железной дороге через станции Дивное и Славянская. Туркестанцев же спешно перебросили по воздуху в Крым. Впрочем, группа легионеров вместе с главным муллой туркестанского батальона Гани Садыровым дезертировала и рассеялась в степях и горах Северного Кавказа. Пос-

ле того, как духовный наставник батальона совершил такое, немцы несколько опешили. Разложение батальона туркестанцев казалось им вполне возможным, тем более, что и вся германская армия после Сталинграда сильно пала духом. Теперь надо было снова поднимать боевое настроение и во всей армии и в Туркестанском легионе. Турамысову дали кратковременный отпуск и вместе с Эрнике отправили в Берлин. И вот он в доме Вали Каюм-хана и совсем не знает, что ждет его впереди. Мысли Турамысова прервал звонок в передней. Из глубины квартиры появились Руд Хендшель и Эрнике. Руд открыла дверь. Вошел Каюм-хан и обнял Эрнике. Потом повернулся к Турамысову.

— Так это, оказывается, ты, малыш! — проговорил он, вглядываясь в лицо джигита.

Стоявший навытяжку Турамысов отдал честь и поклонился президенту. Вали схватил его руку, потряс ее и похлопал гостя по спине.

— Герой! — начал расхваливать его Эрнике.

— Молодец! — подтвердил Каюм-хан.— Я ведь вам давно говорил, что туркестанские джигиты отличаются исключительным мужеством.

Руд Хендшель принесла несколько бутылок пива. Все уселись за столом. Каюм-хан откупоривал бутылки и разливал пиво. Покончив с этим делом, он повернулся к Турамысову.

— Ну, рассказывай о своем фронтовом геройстве! — потребовал он.

Турамысов знал, что ничего, что можно было назвать геройством, хотя бы с точки зрения врага, он не совершил. Случайные и несчастные для него совпадения обстоятельств были раздуты Копфом в своих корыстных целях и, тоже случайно, оказались очень ко времени. Но было бы нелепо объяснять это врагам, и Турамысов кратко поведал о своем «подвиге», выдумывая подробности без зазрения совести.

Каюм-хан и Руд слушали его внимательно, порой бросали одобрительные реплики.

— Такое мужество могли показать только потомки великого Тимура,— произнес, выслушав рассказ, Каюм-хан.

— Туркестанский легион начал показывать свою силу,— подхватил Эрнике.

— Я так же верю, что Германия победит Советы, как в то, что дважды два четыре. Я абсолютно уверен, что в Туркестане будет создано мусульманское государство. И ты

верь в это, мой мальчик! Сегодняшний траурный день — это не конец, это вестник будущей победы, это день, который зовет нас к бдительности, призывает нас покончить с беспечностью...— начал ораторствовать Вали.

...Пробыв в Берлине пять дней, Турамысов и Эрнике вместе прибыли в Легионово.

— Теперь ты не поедешь в батальон. Останешься здесь командиром роты и будешь обучать военной подготовке новобранцев легиона,— объявил Эрнике.

Выбора не было, и Турамысов остался в Легионове. Познакомившись с положением в легионе, Турамысов понял, что порядок, установленный Эрнике, совершенно отличается от того, которого придерживался Мадер. Мадер никогда не бил легионеров, а наоборот, наказывал немецких унтер-офицеров, допускавших рукоприкладство. Разумеется, Мадер делал это не потому, что он сочувствовал вчерашним военнопленным, а для того, чтобы завоевать у них доверие, авторитет. Эрнике и его младшие командиры избивали легионеров как попало и когда попало. Мадер в батальоне вопреки стремлениям Каюм-хана не выделял какой-либо одной национальности, ото всех требуя безусловного подчинения фашистскому закону. Ну, а Эрнике дал широкую дорогу требованиям Каюм-хана поставить узбеков в господствующее положение. Узбеки — сторонники Каюм-хана, считали себя руководителями будущего Туркестанского государства и поэтому не скрывали перед легионерами других национальностей своего превосходства, вели себя нагло и вызывающе. От всего этого Турамысова тошнило. Он с тоской вспоминал, что на родине никто бы никогда не вздумал кичиться своей принадлежностью к какой-то нации, показывать пренебрежение к другой. Каким варварством средневековья казался национализм Каюм-хана в свете ленинской национальной политики!

Однажды президент прибыл в Легионово. В этот день Эрнике не было. Каюм-хан осматривал лагерь, разговаривал с некоторыми командирами и узбекскими джигитами. К ним присоединился и Турамысов. Когда представился подходящий случай, Турамысов сказал о том, что немецкие унтер-офицеры истязают легионеров. Однако Каюм-хан не придал этому значения.

— Немцы знают, что делают,— недовольно сказал он, не желая даже слушать Турамысова.

И Валитхан не выдержал. Все скопившееся в сердце вырвалось наружу.

— Какой же вы президент Туркестана, если вы не можете даже защитить туркестанцев от немецких побоев! — яростно воскликнул он.

Восклицание Турамысова подействовало на Каюм-хана, как удар плетью. От гнева он минуту не мог ничего выговорить, только таращил налившиеся кровью глаза.

— Ты... ты... Ты что ли поставил меня президентом?! Пошел вон, сучий сын! — наконец заорал он.

Турамысов понял, что еще одно слово — и будет поздно, повернулся и ушел. Был уже поздний вечер. Он направился в общежитие.

— Где ты ходишь, я давно уже тебя ожидаю,— сказал ему офицер, живший вместе с ним, когда Турамысов вернулся домой.

— Зачем? — спросил Турамысов, подумав, не позвонил ли сюда Каюм-хан, чтобы разыскать его.

— Жоранов собирается вместе с ротой отправиться в первый батальон и на проводы зовет нас в гости,— ответил ему тот.

— Когда отправляется?

— Завтра уезжает.

«Оказывается, Каюм-хан прибыл для того, чтобы отправить роту Жоранова в первый батальон, который находится на переднем крае обороны. Эх, зря я ему рассказал о положении легионеров. Все равно он ничего не исправит, а если бы мы не поссорились, то возможно вместо Жоранова направили бы меня. А попав в первый батальон, я сумел бы уйти к своим. Уж на этот раз обязательно. Тьфу! Еще раз здорово ошибся»,— подумал расстроенный Турамысов и долгое время сидел молча. Вдруг ему пришла в голову одна мысль...

— Ну, идем, если позвал,— сказал он решительно.

Турамысов вместе с соседом подошел к комнате Жоранова. Дверь была закрыта изнутри на крючок. Постучали в дверь. «Сейчас, сейчас»,— раздался голос из комнаты. Через минуту Жоранов открыл дверь. Впустив Валитхана и его товарища, он снова заперся. За столом сидело пятеро джигитов. Они потеснились, освобождая место, один из них достал из-под кровати две бутылки водки, четыре стакана, завернутые в бумагу хлеб и колбасу и все это поставил на стол.

— Вы опоздали, а мы уже достаточно выпили,— усмехаясь, сказал Жоранов, наливая вновь прибывшим полные стаканы.

— Что же это такое? Говорят, вы собрались уезжать? — сделав удивленное лицо, спросил Турамысов.

— Видно, вызывает Эрнике,— ответил Жоранов, кивнув головой.

— Разве Эрнике уехал в первый батальон?

— Да, туда,— ответил Жоранов.— Ну, выпьем.

Турамысов, Жоранов и еще два легионера чокнулись стаканами.

— Счастливого пути! — произнес Турамысов и залпом опрокинул стакан.

После них выпили остальные трое — стаканов не хватало. Потом из-под кровати были извлечены еще две бутылки. Выпив всю водку и захмелев, джигиты, не задерживаясь, разошлись. Турамысов остался вдвоем с Жорановым. Взяв его за руку и притянув к себе, он зашептал:

— Ты, наверное, слышал, Советская Армия наступает с каждым днем, она ближе к нам. Что будем делать?

— Не знаю,— произнес Жоранов, осовелыми глазами глядя в стену.

— Что сделают с нами, если мы попадем в плен?

— Убьют.

— Вот видишь. Ну, а если мы добровольно перейдем на сторону Советской Армии? Понимаешь? Нам нужно не ждать, пока нас возьмут в плен, нужно позаботиться о том, чтобы самим перейти туда.

— Как перейдешь, мой дорогой! Кто тебя пустит? —рассердился Жоранов.

— Разумеется, пока я нахожусь здесь, я не могу уйти. Ну а ты, когда прибудешь в первый батальон, можешь. Нужно только твое желание.

— Нет, я теперь не вернусь в Советскую Армию, можешь не трудиться агитировать меня,— внезапно протрезвевшим голосом ответил Жоранов.

У Турамысова упало сердце.

— Подожди, не сердись, подумай! До твоего отъезда мы еще поговорим,— негромко сказал он и вышел.

Однако на следующий день он не смог поговорить с Жорановым. Среди ночи за ним пришли, и утро Валитхан встретил в тюрьме.

1. Небо часто было в тучах, дни стали холоднее. Наступила зима. Агаев начал беспокоиться: если его группе диверсантов прикажут выступить сейчас, то сделать это будет нелегко. Не подготовлены места, где можно укрыться в первые дни после появления в советском тылу, сразу же объявляться среди населения опасно. На снегу остаются следы, ночевать под открытым небом невозможно. Немцы вроде бы и соглашались с доводами Агаева, но положение на фронте было таким напряженным, что вопрос о посылке диверсантов в Казахстан с повестки дня пока не снимался, а тем временем люди Агаева потихоньку продвигались вперед, туда, где пролегла новая линия фронта.

Поражение гитлеровцев под Сталинградом глубоко опечалило Агаева. Он понял, что его расчеты в скором времени войти победителем в Казахстан пошли прахом. Поэтому он внимательно приглядывался к делам Туркестанского национального комитета, который раньше игнорировал.

Агаев знал, что работники комитета, разделившись на две партии, отчаянно дерутся за власть. Он видел, что если даже Каюм-хану будет грозить смерть, он не откажется от первенства, видел также и то, что пока Канатбаев не получит власть в свои руки, он не успокоится. Эта грызня может не прекратиться до окончания войны. В интересах дела ее нужно остановить. Однако как? Агаев придумал несколько вариантов. Первый — самому убедить Каюм-хана в справедливости требований Канатбаева. Второй — это использовать руководителей ОКВ, которые доверяют ему. Третий (если оба первых способа не помогут) — самому создать отряд из казахов, а Канатбаеву предоставить возможность выйти из состава Туркестанского национального комитета и организовать отдельный казахский комитет.

Больше всего Агаева привлекал вариант с созданием казахского отряда. Ему казалось, что сделать это легко. Основой отряда будет его диверсионная группа, а если понадобится, он позже расширит отряд и возьмет в свои руки создание казахского легиона...

Когда сильно вооруженная немецкая армия терпит поражение под Сталинградом, что может сделать Туркестанский легион? Да ничего. Фронт далеко отодвинулся от границ Туркестана и вряд ли скоро приблизится к ним. Вряд ли немцы начнут теперь большое наступление на юго-востоке до взятия Москвы и Ленинграда. Логично будет, если

они решат теперь забросить мой отряд в советский тыл для того, чтобы он производил там беспорядки. Первым в Туркестане окажусь я, и пусть тогда сколько угодно ссорятся Каюм-хан и Канатбаев. Не зря говорит народ: «Если подерутся два ворона, то добыча достанется третьему».

Агаев до того был уверен, что его замысел о создании казахского отряда будет претворен в жизнь, что даже приступил к разработке инструкции о подаче воинских команд на казахском языке. Чтобы выяснить окончательный срок переброски его группы в Казахстан, а заодно решить вопрос о создании отряда, он отправился в Берлин.

В последнее время Агаев чаще получал письма от Кайгина, чем от Канатбаева. Он знал адреса обоих. Знал он также телефон комитета — 17-66-19. Прежде чем пойти в ОКВ, Агаев хотел встретиться с друзьями и узнать нынешнее положение в комитете. Устроившись в гостинице, он позвонил по телефону и попросил Кайгина.

— Кайгин слушает,— произнес через некоторое время знакомый голос.

— Это ты, Маулекеш?

— Кто это? — настороженно спросил Кайгин.

— Это ведь я, Агаев. Что это ты рычишь?

— О! Это ты, Алихан?.. Здоров ли?.. Откуда звонишь?.. Очень хорошо... Тогда так: работа уже кончилась. Встретимся в пять часов в ресторане «Фишерхауз». Ты знаешь, где этот ресторан? На Фридрихштрассе, рядом с Восточным министерством. Да-да. Я скажу товарищам о том, что ты приехал. Мы приедем вместе.

Агаев пришел первым и стал ждать около ресторана. Скоро подошел и Кайгин с двумя спутниками. В одном из них Агаев узнал Канатбаева, второй же показался ему незнакомым. После приветствий Кайгин сказал:

— Знакомьтесь! — и указал на второго своего товарища.— Это Айтбаев Мажит. Работник журнала «Милли Туркестан». Ну, а Карыса ты знаешь.

У входа в ресторан стояла очередь. Кайгин встал за каким-то стариком и стал рассказывать Агаеву о «Фишерхаузе». Это частный ресторан. Хозяин без карточек подает вареную рыбу, а раз в неделю даже жареную. Поэтому в ресторан приходит много посетителей. Ну на хлеб и масло, разумеется, требуются карточки. В ресторане бывает и пиво—шварцбир (черное), вайсбир (белое).

После того, как они вошли в зал и устроились за столиком, Агаев начал расспрашивать своих товарищей об их положении.

— Хвастать нам нечем,— ответил за всех Канатбаев.— На письмо, которое мы написали Розенбергу, мы не получили ответа. Каюм спихивает казахов со всех постов. Вскоре комитет начнет выпускать новую еженедельную газету «Яни Туркестан». И эта газета в руках у Каюм-хана, она будет выходить на узбекском языке.

— Значит, этот поганый пес не прекращает своих подлых делишек. Я, впрочем, так и думал. Но вы должны стоять на своем. Я на вашей стороне. Вы на правильном пути,— сочувственно проговорил Агаев.

— И мы так считаем. Однако ни Каюм-хан, ни правительство рейха не согласны с этим,— удрученно произнес Канатбаев.

— Кого вы имеете в виду под германским правительством? Восточное министерство? Вы говорите ерунду. Запомните: германское правительство в руках у ОКВ. Руководители ОКВ — советники Гитлера. Ну, а я очень близок к ним. Ведь ОКВ мне первому среди туркестанцев присвоило немецкое офицерское звание. Если бы они мне не доверяли, то разве поступили бы так? Это я вам говорю к тому, что я постараюсь расправиться с вашим Каюм-ханом. Но коли не получится — использую ОКВ. Не падайте духом, жигиты. Когда у вас есть такой родич, как я, вы не пропадете,— и Агаев довольно захохотал.

Слова гостя воодушевили Канатбаева и Кайгина. Агаев рассказал им о том, что собирается создать свой казахский отряд и уже приступил к разработке инструкции об отдаче воинских команд на казахском языке. Это еще более обрадовало деятелей комитета.

— Когда мой отряд достаточно вырастет, я назову его «Алаш». Я хочу, чтобы он стал символом возрождения истинных идей партии алаш. Правильно?

— Ваши действия соответствуют нашим желаниям. Если вы создадите казахский отряд «Алаш», то для казахского народа не будет большей радости,—ответил Канатбаев.

— Я полагаю, в будущем отряд «Алаш» станет не только национальной армией казахского народа, но и явится основой его правительства. Разумеется, вы не останетесь в стороне. Мы с вами обязательно возглавим это правитель-

ство. Ну, а люди из моего отряда станут, если сумеют, ответственными работниками в правительственном аппарате.

После того, как Агаев узнал от друзей о положении в комитете, он отправился в абвер и ОКВ. Там он хотел выяснить, когда именно его группа будет послана в Казахстан. Однако время выступления не было еще точно определено. Абвер потребовал от Агаева усилить диверсионную подготовку. Агаев согласился с этим и поставил перед руководством абвера и ОКВ вопрос о расширении его группы. В настоящее время группа подготовлена к совершению диверсий в Казахстане, но для организации восстания людей в ней мало. Это предложение было одобрено. На обратном пути Агаев должен был заехать в лагерь Люккенвальд и, отобрав подходящие кадры, отправить их в Святошино.

Как только его предложение было принято, Агаев рассказал о противоречиях внутри Туркестанского национального комитета. Однако его сообщение было встречено весьма холодно. Агаев понял, что конфликт между Каюм-ханом и Канатбаевым решить не так-то просто. Тем не менее он отправился на Ноенбергштрассе 14, в комитет, на поиски Каюм-хана.

— Я — Агаев, представитель казахского народа в Германии! — громко произнес он, войдя в кабинет президента. Каюм-хан растерянно пожал ему руку. Появление с таким возгласом неизвестного ему человека в форме офицера немецкой армии подействовало на него как удар по голове. Заметив его растерянность, Агаев напористо продолжал:

— Политика, которую вы проводите в комитете, неверна. Объединение мусульман начал еще Чокаев. Однако вы, воспользовавшись идеями Чокаева, свернули с его пути. Это недопустимо. Или вы сами исправите свои ошибки или нам придется помочь вам сделать это.

Каюм-хан ничего не понимал: почему так решительно говорит этот офицер, кто он такой, откуда явился, какие у него права. Он просто испугался.

— Извините, я вас не знаю... — с бледной улыбкой произнес Каюм-хан.

— Я представитель ОКВ, командир отдельного казахского отряда, который не подчиняется командованию Туркестанского легиона,— выпалил Агаев.

— Постойте! Только что вы говорили, что вы представи-

тель казахского народа в Германии, а теперь утверждаете, что вы представитель ОКВ. Чему же верить? Возможно, у вас есть мандат, выданный казахским народом о том, что вы его «представитель в Германии»...— приходит в себя Вали.

«С ума он сошел, что ли? Какой-то мандат спрашивает. Да был бы у меня мандат, я б его пинком под зад из кабинета вышиб. А вообще, как он смеет спрашивать у меня мандат?»

— Может быть, вы сами покажете мандат от народов Туркестана? — язвительно промолвил Агаев.

— Осторожнее! — гордо поднял голову Каюм-хан.— Меня сам господин Розенберг назначил президентом Туркестанского правительства. А Розенберг — правая рука фюрера.

Агаев усмехнулся: «Отступаешь! Чего же спрашивать мандат, врученный народом? Нет таких мандатов ни у тебя, ни у меня. Назначили нас на наши должности немцы, так что нам с тобой рыпаться нечего».

Будто угадав мысли Агаева, Каюм-хан сам повернул беседу в другую сторону.

— Хорошо! Вы обвиняете меня в том, что я отошел от заветов Чокаева. Что вы имеете в виду? Объясните.

— Я имею в виду то, что вы незаслуженно выделяете узбеков и обижаете казахов.

— Каких это казахов я обидел? Я вас не понимаю.

— Ах вот как — не понимаете. Тогда я вам сейчас все объясню.

И Агаев стал доказывать президенту, что тот, не поддержав предложений Канатбаева и Кайгина, изложенных ими в письме к Розенбергу, по сути дела встал на антиказахские позиции. Это подтверждается и тем, что Каюм-хан травит таких казахов-патриотов, как Канатбаев, Кайгин и Айтбаев. И тем, что журнал печатает почти все материалы на узбекском языке, в то время как выпускать его надо на всех среднеазиатских языках, наибольшее место отводя материалам на казахском.

Каюм-хан постепенно успокоился. Отвечая, он заявил, что он истинный националист и именно потому не хочет объединяться с татарами и башкирами — народами, во многом обрусевшими, сослался на то, что Чокаев проектировал создание подлинно мусульманского государства. Говорил, что сам он решительно против отделения казахов от Туркестана. Возмущался клеветой, будто он преследует казахских братьев. Обещал предоставить казахам широкие возмож-

ности для идейной борьбы с большевиками, обещал отводить в журнале побольше места для материалов на казахском языке.

Когда беседа окончилась, Агаеву казалось, что он одержал пусть небольшую, но все-таки победу,— ведь Каюм-хану пришлось защищаться. Он ушел с гордо поднятой головой, назидательно посоветовав Вали еще раз продумать свою политику и понять правоту Канатбаева. На самом деле Каюм-хан, хотя и сдерживался, в душе кипел от раздражения, гнева и страха. Стремительные манеры Агаева его смущали. Он так и не понял, откуда взялся этот офицер-казах и его отряд, о существовании которого Вали до сих пор не имел представления. Начать войну с этим незнакомцем, очевидно, имеющим сильных покровителей, Каюм-хан не решился. Гнев его обратился на Канатбаева — ведь странный гость, конечно, от Канатбаева получил сведения о конфликтах в комитете.

Не придумав ничего лучшего, Каюм-хан на следующий день направил в гестапо письменный донос, где сообщал, что Канатбаев является тайным советским агентом. Вскоре тот был арестован.

2. Шестое управление — один из самых важных узлов имперского главного управления безопасности Германии (РСХА). Оно призвано организовать разведывательную деятельность в иностранных государствах. Гиммлер придавал этому управлению большое значение и называл его «специальным министерством иностранных дел», а руководителя управления — бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга считал своим главным советником по политическим вопросам.

В шестом управлении восемь отделов. Самый большой— отдел VI-Ц, который занимался ведением разведывательной деятельности в Советском Союзе и странах Востока. Начальник отдела — штандартенфюрер СС доктор Грефе. В этом отделе работало около сотни человек. VI-Ц был разделен на несколько подотделов. Первый, второй и третий подотделы руководили разведывательной деятельностью против Советского государства. Кроме этого против Советского Союза самостоятельно работал разведывательный террористическо-диверсионный орган «Цеппелин».

Шестое управление уделяло также внимание деятель-

ности Туркестанского национального комитета, комитета «Идель-Урал», Калмыцкого управления, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского и Грузинского штабов, созданных Восточным министерством. Среди этих организаций по количественному составу и активности самым заметным был Туркестанский национальный комитет. Но и вражды и противоречий между членами здесь тоже было больше, чем где бы то ни было.

Национальные комитеты, управления и штабы были созданы Восточным министерством по согласованию с Грефе. Грефе отлично знал, что организованы они как ширма, как приманка для определенной части военнопленных, что авантюристические планы националистов никогда не принимались всерьез вождями рейха. Дело создания легионов понемногу продвигалось, но вот значительно более важная в практическом плане работа по организации из пленных шпионско-диверсионных групп все еще не была налажена. Например, имелось несколько групп, которые готовились для шпионской деятельности в Туркестане. Однако в отделе VI-Ц не было человека, который бы концентрировал эту работу в своих руках, планировал, вмешивался и командовал. Если подготовку групп, разбросанных по всей Германии, не будет контролировать и вести какой-либо работник в центре, то каждая группа будет действовать на свой риск и страх, что значительно снизит ее эффективность. И Грефе предложил создать новое отделение внутри первого подотдела для ведения разведывательной деятельности в Туркестане. Предложение Грефе было утверждено, отделение создано. Однако для него требовались опытные разведчики, знающие языки и обычаи народов Средней Азии, а во всем аппарате главного имперского управления безопасности таковых не нашлось.

Но ведь говорят же, что «кто ищет, тот всегда найдет». И Грефе нашел в управлении СС человека по фамилии Ольцша. Штандартенфюрер внимательно ознакомился с его биографией.

Ольцша Райнер, тридцать один год, родился в Саксонии, в городе Ауэрбахе, с восемнадцати лет член нацистской партии. В 1937 году окончил Берлинский медицинский институт, специалист по тропическим болезням.

В пятнадцать лет Ольцша три месяца провел во Франции, в шестнадцать — три месяца в Финляндии, в девятнадцать объездил Швейцарию и Голландию. Позднее, когда он

учился в медицинском институте, он прослушал курс лекций о народах Востока в Высшей политической школе, а затем работал в этой школе ассистентом по восточным семинарам. Он сам готовит ряд лекций об Индии и Средней Азии, затем на их основе пишет и издает книгу «Туркестан» — экономический и политический обзор советских среднеазиатских республик. В студенческие годы он успел побывать в целом ряде стран: Иране, Индии, Турции, Афганистане, объездил Румынию, Венгрию, Болгарию, Югославию, Италию. Изучил французский, английский, русский, турецкий и персидский языки.

Окончив учебу, он работал научным советником в отделе тропической медицины научно-исследовательского института имени Роберта Коха. Одновременно назначается начальником восточного подотдела иностранного отдела имперской медицинской камеры — весьма важного учреждения в рейхе. Начальник камеры Герман Конти подчинялся непосредственно самому Гиммлеру.

Грефе особенно привлек в биграфии Ольцши тот факт, что молодой медик с ранних лет почувствовал призвание разведчика. Еще студентом, путешествуя по Индии, он привез из этой крупнейшей британской колонии весьма ценные разведданые. А в имперской камере Ольцша работал преимущественно как разведчик. Восточный подотдел иностранного отдела, где он служил, «шефствовал» над врачами из СССР, Турции, Ирана, Афганистана, арабских стран, приезжавшими в Германию в научные командировки. Главной целью этого «шефства» было любым способом получить от приезжающих как можно больше секретных сведений об их странах. Руководил иностранный отдел и шпионской деятельностью немецких врачей, посылавшихся за границу, главным образом в созданные германским министерством иностранных дел так называемые «институты культуры».

В 1941—1942 годах на советско-германском фронте Ольцша был уполномоченным имперской медицинской камеры в особом батальоне войск СС. Особый батальон занимался сбором трофейного материала на советской территории, оккупированной немцами. В то время Восточное министерство уделяло особое внимание вопросу об использовании курортов Крыма и Кавказа. В связи с этим Ольцша получает задание собрать материалы о южных советских курортах и написать книгу. Книга Ольцши «Курорты Советского Союза» была издана в 1942 году.

Грефе досконально изучил биографию Ольцши. Ему понравилась инициативность, эрудиция и исключительная энергия врача-разведчика. Не каждый сможет совмещать учебу с напряженной работой или успешно работать в двух местах, да еще одновременно с этим писать научные труды и изучать языки. Он знает разведывательную работу, у него есть труды о Туркестане, он владеет русским и турецким языками. Работал в аппарате СС. Чего еще желать.

Ольцша оказался человеком высокого роста, не по возрасту располневшим. Может быть, поэтому военная форма не очень шла ему. Широкий лоб, вытянутое лицо. Очки в роговой оправе, прочно оседлавшие крупный нос, не могут скрыть умного, проницательного взгляда серых глаз.

— Хорошо ли вы знаете турецкий язык? — спросил Грефе, когда Ольцша устроился напротив него.

— Не безукоризненно, но все же говорить могу.

— Мы хотим взять вас на ответственную работу в главное имперское управление безопасности. Как вы на это смотрите?

Ольцша задумался.

— Можно ли узнать основное направление моей будущей работы?

— Можно. Вы будете возглавлять разведывательную работу одного отделения. Так как вы владеете турецким языком и имеете научные труды по Средней Азии, мы хотим поручить вам возглавить нашу разведку в Туркестане.

— Ясно,— кивнул Ольцша.— Я знаком с работой разведчика. Но все же моя специальность медицина, а когда перевалило за тридцать, нелегко, бросив свою основную работу, к которой привык и в которой чего-то достиг, перейти на другую. Разумеется, разведывательное дело мне нравится. Если вы разрешите мне не рвать узы с имперской медицинской камерой и хоть немного заниматься медицинской практикой, то я готов взяться за то, что вы мне предлагаете.

Помня, что Ольцша всю жизнь умел совмещать несколько важных занятий сразу, Грефе не возражал против того, чтобы он не бросал свою профессию.

— Тем не менее, большую часть вашего времени вы должны отдавать работе в разведке,— предупредил он и теперь уже более подробно ознакомил врача с предстоящими делами.

Прежде всего Грефе остановился на значении шестого управления, рассказал о взглядах Гиммлера на его задачи. После этого поставил перед Ольцшей конкретные задания: сбор новой информации о Туркестане — какие заводы эвакуированы из европейской части СССР в азиатскую и где они находятся, где размещаются военные предприятия, как они работают, каково положение с продовольствием, каков моральный дух населения, возникают ли в советском тылу волнения, мятежи, если да, то где, кто возглавляет республики, области, крупнейшие промышленные предприятия, биографии этих руководителей и т. д. Собрав и проанализировав такие сведения, можно предположительно прикинуть, на какой срок хватит сил у Советского Союза. Вместе с этим они помогут определить, куда в первую очередь посылать группы диверсантов. Грефе дал инструкцию: для сбора нужных сведений использовать все имеющиеся возможности, особенно агентуру. Другая важная задача — это внимательно следить в Берлине за деятельностью национальных комитетов и штабов, а также использовать их для подготовки агентуры и сбора нужной информации.

Ольцша с интересом слушал Грефе. Чем шире развертывал его новый шеф перспективы будущей работы, тем сильнее крепло у Ольцши желание немедленно приняться за нее. Он отчетливо осознавал ее важность для рейха и с гордостью думал, что именно он выбран для ее осуществления. В личном же плане доступ к широкой секретной информации давал ему возможность стать первым специалистом по Туркестану, что многое сулило в будущем. Нет, это определенно удача!

3. Прошло десять суток с ночи, когда Турамысов попал в варшавскую тюрьму. Провел он их в каменной камере в полном одиночестве. На допрос его не вызывали. Турамысов не сомневался, что его арест — дело Жоранова и первые дни страшно поносил его. Потом стал ругать самого себя: «Так тебе и надо! Разве можно, находясь среди врагов, не зная до конца человека, раскрывать ему свои секреты? Наказан и терпи теперь!.. Эх, Валитхан, Валитхан! Мальчишка ты еще!»

Когда на голову наваливались тяжелые думы, Турамысов вспоминал своего товарища — Куттыбаева: «Где ты сейчас, что ты делаешь? Избавился ли ты от неволи или все еще ведешь борьбу, находясь среди врагов?.. Если бы

мы не разлучались и были вместе, то наверное я бы не наделал таких глупостей и не сидел бы в тюрьме...»

В тюремном коридоре раздался топот тяжелых сапог. Он приближался. Около камеры, где сидел Турамысов, топот прекратился и послышался лязг ключей.

— Идем,— коротко сказал тюремщик.

Турамысов вышел из камеры. «Может быть, на расстрел»,— промелькнула мысль. Но тюремщик остановился у одной из дверей, открыл ее и втолкнул Турамысова внутрь.

— Господин капитан!— удивленно воскликнул Валитхан, увидев, что в кабинете один Эрнике. На душе у него полегчало.

Эрнике подошел к Турамысову, усадил его на стул, достал из кармана портсигар и предложил сигарету.

— Ну, что вы натворили в мое отсутствие? — спросил он. Турамысов видел, что его начальник огорчен и расстроен.

— Ничего я не натворил, господин капитан. Я не знаю, за что меня посадили,— ответил Турамысов.

— Как не знаешь? А кто предложил Жоранову перейти в Советскую Армию?

— Ничего такого Жоранову я не предлагал. Это клевета, и рождена она национальной рознью в легионе.

— Перестань. Жоранов не будет лгать...

— Лжет, господин капитан. Вы же знаете о моей преданности фюреру — я сотни раз доказал ее на поле боя с партизанами и советскими войсками. Это же нелепо, чтоб я предложил кому-то стать перебежчиком.

— Почему же Каюм-хан потребовал твоего ареста?

— Дело было так. Перед отправкой на фронт Жоранов позвал меня в гости. Мы пили водку, я опьянел. Возможно, я сказал Жоранову что-нибудь обидное, а он сообщил об этом господину Каюм-хану. Перед этим я имел несчастье поссориться с господином Каюм-ханом. Наверное, он припомнил это, услышав рассказ Жоранова, и сильно рассердился на меня. Я признаю, что виноват. Конечно, не следовало злить такого выдающегося человека. Когда я выйду на свободу, я готов перед ним извиниться.

Эрнике задумался.

— Смотри, Турамысов!— произнес он, постучав по столу пальцем.— На первый раз прощаю. Но чтоб я больше о тебе ничего плохого не слышал.

Освободив Турамысова, Эрнике привез его в Легионово. Была уже середина апреля, дождь лил не переставая. Не

увидев никого на лагерном плацу, Турамысов направился в барак, где находилась его рота. Приблизившись к бараку, он услышал взрыв смеха. Чему они смеются?.. Чуть приоткрыв дверь, Турамысов прислушался.

Кто-то прочитал озорное четверостишие:

Вождь у нас Вали Каюм.
Ну и колбасу дают!
Наши парни все шинели
Всем полякам продают.

Турамысов невольно улыбнулся. Непочтительная песенка высмеивала господина президента, да и над немцами издевалась. Кто же ее сочинил? Не попался бы. Признается в авторстве какой-нибудь сволочи вроде Жоранова — и каюк. Валитхан даже оглянулся — не подслушивает ли кто, но исхлестанный дождем и ветром лагерь казался покинутым людьми — все сидели в бараках.

Турамысов вошел к солдатам.

— Командир пришел!— крикнул один из легионеров.

Солдаты, лежавшие и сидевшие кто где, разом посмотрели на дверь и, увидев Турамысова, кинулись к нему и окружили его.

— Благополучно ли вернулись?

— Как здоровье?

— Я ведь говорил, что командир вернется!

Все ждали ответа.

— Здоров, здоров! Это было просто недоразумение. Видите, я вернулся. Нечего шуметь. Продолжайте петь свою песню!— произнес Турамысов. Он подошел к одному легионеру и сел рядом с ним на нары.

— Среди вас, оказывается, есть поэт!— начал он разговор.

— Какой поэт, просто хотели отвлечь свой голодный желудок,— произнес кто-то.

— Песня вещь хорошая, только надо выбирать, где какую петь! — предупредил Турамысов.— Ну, рассказывайте, какие новости?

— Нас хотят отправить на фронт,— сообщил кто-то.

— А вы поедете с нами? — спросил другой легионер.

Солдаты смотрели на Турамысова так, как будто бы он был их единственной надеждой.

Турамысов замешкался, не зная, что ответить. Решатся ли немцы отправить его на фронт теперь, после доноса Жоранова?

— Возможно, мы поедем вместе!— сказал он наконец, не желая расставаться со своей заветной мечтой о переходе к своим.

Найдя предлог, Валитхан заговорил о фронте с Эрнике. Эрнике не скрывал, что в первый батальон предстоит послать еще одну роту. Турамысов просил, чтобы с этой ротой и его самого послали в первый батальон, «Скоро вы услышите о моем новом подвиге»,— уверял он.

Эрнике поверил ему. В конце апреля Турамысов во главе роты отправился в первый батальон, охранявший от партизан железнодорожную магистраль Сталино — Иловайская. Штаб батальона находился около станции Харцызск. В начале мая Турамысов прибыл в штаб и встретился с командиром батальона Копфом. Копф в тот же день назначил Турамысова командиром первой стрелковой роты и отправил на станцию Ханженково. Первая рота должна была охранять участок железной дороги от Ханженкова до Харцызска.

С первого же дня на новом месте Турамысов стал собирать сведения о положении на фронте. Линия фронта и на севере и на юге была далеко от границ Сталинской области. Активных военных действий не было, и дни, похожие друг на друга, тянулись медленно. Не принес никаких перемен и июнь. Только приходили время от времени вести о том, что на севере в некоторых местах Белгородской и Харьковской областей были отдельные бои.

Под видом организации охраны на железной дороге, Турамысов заезжал к своим соседям в третью и четвертую роты. Встретив знакомых, расспрашивал их о житье-бытье.

— У джигитов с каждым днем растет недовольство немцами. Жизнь скверная. Немцы — унтер-офицеры зверствуют до того, что несколько легионеров, не выдержав, повесилось. Мы писали анонимное письмо на имя Копфа о плохой жизни легионеров и о том, что немцы избивают нас,— никаких результатов, только стали искать, кто писал,— поведал старый знакомый по лагерю.

«Да, организованный переход к нашим — сейчас вещь реальная,— думал Турамысов.— Недовольство немцами так сильно, что такое предложение поддержит весь батальон. Надо только выбрать момент и проявить инициативу».

— В батальон прибыл Али Сулейманов!— сообщил однажды новость Турамысову легионер Саркулов.— Он пере-

дал всем привет от Мадера. Группа туркестанцев, названная «особой командой», прибыла в Симферополь под его командованием. Оттуда их должны были самолетом перебросить в Туркестан, но самолет потерпел аварию, и они не смогли отправиться дальше. Теперь возвратились в Германию, чтобы учиться прыжкам с парашютом, а Сулейманова Мадер направил сюда набрать людей для пополнения группы. «Если есть добровольцы, пусть идут к нам!»— объявил Сулейманов.

Сообщение Саркулова встревожило Турамысова. Он был даже готов сам пойти добровольцем, чтобы иметь возможность сорвать планы диверсантов, но тут же понял, что не имеет права оставлять своих солдат теперь, когда решающий момент так близок. Тогда он вызвал Саркулова, которому полностью доверял.

— Я думаю, что в группу Мадера нам надо послать верного человека. Как ты смотришь, если пошлем тебя? — обратился к нему Турамысов.

— Готов!— ответил Саркулов, чуть подумав.

— Тогда собирайся! Сделаешь все возможное, чтобы сорвать план Мадера. Только будь осторожен!— напутствовал его Турамысов.

Вскоре Турамысов узнал, что Сулейманов уехал в Берлин, захватив с собой двух добровольцев. Одним из них был Саркулов.

А в это время на фронте начались грандиозные события. Разгромив на Курской дуге огромные немецкие танковые армии, Советские вооруженные силы освободили города Орел и Белгород и развили стремительное наступление. Вскоре гитлеровцы были выбиты из Харькова и Таганрога. Советские войска начали гнать немцев из Донбасса.

Первого сентября к Турамысову прибыл один из штабных офицеров и передал приказ Копфа. Первой роте предписывалось побыстрее эвакуировать людей и скот со станции Ханженково в Запорожскую область, а дома и имущество населения поджечь и уничтожить. «Ну, Валитхан! Долгожданный момент наступил, время действовать»,— сказал себе Турамысов, расписавшись в получении приказа.

По приказу Турамысова легионеры взорвали за станцией несколько связок ручных гранат. Немецким офицерам, приставленным к роте, он сообщил, что это наступают советские танки. Через несколько минут немцев в Ханженкове уже не было.

Времени на раздумье не оставалось, и Турамысов, построив роту, повел ее на восток в сторону города Макеевки. По дороге присоединили к себе третью роту. Спустя немного времени столкнулись с колонной мирных жителей — это были, в основном, старики, женщины, дети,— которую конвоировали полицаи. По заданию немцев они гнали своих пленников в Запорожскую область. Турамысов приказал полицейских расстрелять, а мирных жителей распустить по домам.

Турамысов шел до Макеевки около пяти дней. Когда приблизились к городу, какая-то немецкая часть, прикрывавшая отход немецких войск, открыла огонь по туркестанцам. Завязался бой. Сильно потрепав гитлеровцев, но и потеряв около тридцати человек, Турамысов рано утром вошел в Макеевку с северной стороны — почти одновременно с наступавшими с востока советскими войсками. Сто тридцать человек, оставшихся в двух ротах после ночного боя, влились в ряды Советской Армии. Это произошло шестого сентября 1943 года.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. С тех пор, как в Шестом управлении открылось Туркестанское отделение и Ольцша начал работать в нем, Феннер потерял покой. Поскольку Ольцша от имени Шелленберга вновь и вновь запрашивал отчетные доклады, Феннер между остальным сообщил, что вскоре можно будет послать около тридцати разведчиков в Туркестан. Теперь Ольцша не отставал от него, требуя, чтобы он быстрее отправил этих людей.

В конце апреля 1943 года Феннер перевез разведшколу из Освица на Украину. Хотя разведчикам и не разъяснили смысл переезда, они и сами поняли, что раз их переводят поближе к родине, то значит время отправки в советский тыл для выполнения шпионских заданий приблизилось.

Поезд прибыл в город Бердянск, расположенный на северном берегу Азовского моря.

Залин не сразу вспомнил, о чем говорит ему название города. Потом сообразил: этот город — родина Героя Советского Союза знаменитой летчицы Полины Осипенко. Ее имя стало широко известно в стране после замечательного перелета Москва — Дальний Восток, совершенного ею вместе с Гризодубовой и Расковой. За год до начала войны Осипенко

трагически погибла. Что бы сказала героиня, если б увидела их, людей, которых враги родины собираются послать на ее землю как своих агентов?

Погрузив на машины груз и людей, Феннер направился в северную часть города к заводу крекинга. Машины остановились около большого белого трехэтажного дома, в котором раньше жили рабочие завода. Теперь здесь размещалась разведшкола. На третьем этаже жил Феннер и другие «преподаватели» и была установлена радиостанция. На втором — находился радиокласс и жилые комнаты разведчиков. На нижнем — канцелярия школы, кухня, столовая, продовольственный склад и другие складские помещения.

Шел май. Земля и деревья оделись в зеленый наряд. Город похорошел, словно предчувствовал свое близкое освобождение.

В Бердянске занимались не так интенсивно, как в Освице. Свободного времени оставалось порядочно. Слушатели часто ходили в город, большей частью в приморский поселок Лиска, где покупали у рыбаков рыбу и вино.

— Кончится ли когда-нибудь наша учеба, что-то слишком мало мы стали заниматься? — спросил однажды Залин на обратном пути из Лиски у начальника группы.

— Э, учебу мы уже окончили,— медленно произнес Кокпаев тоном человека, знающего что-то такое, чего не следует знать остальным.

— Вот как? — удивился Залин.— Так значит скоро мы выступим?

— Да, через некоторое время начнем собираться,— произнес Кокпаев тем же тоном.

Залин не доверял Кокпаеву и избегал его. Он был уверен, что все в группе, кроме Кокпаева, очутившись в советском тылу, немедленно пойдут к своим, и не подумав выполнять задание гитлеровцев. Но Кокпаев... «Если бы и он оказался с нами, мы могли бы действовать смелей и принести больше пользы». И сейчас, когда Кокпаев после хорошей выпивки пребывал в благодушном настроении, Залину захотелось выяснить, что на душе у начальника группы. А вдруг и он скрыто ненавидит немцев?

Залин начал издалека.

— Как вы думаете, аксакал!— обратился он к Кокпаеву, как к старшему, хотя тот был на год моложе его.— Мы

многому научились, но сумеем ли точно выполнить задание господина Феннера на родине?

— Э, как это не сумеем?!— вытаращил глаза Кокпаев.— Аллах поможет, сделаем все, что он скажет. Были бы только здоровы.

Слабые надежды Залина как ветром сдуло. «Так, миленький, ясно, как ты думаешь. С тобой надо говорить только после того, как попадем на родину, да притом завернув тебе руки за спину».

— Конечно, если будем живы-здоровы, не станем сидеть без дела,— ответил он, вложив в эти слова особый смысл, и прекратил на том беседу.

В Бердянске Залин смог наконец познакомиться с большинством разведчиков, со многими сдружился. С начальником группы Еликом Сальментаевым они стали неразлучными друзьями. Сальментаев родом из Тюлькубасского района Южно-Казахстанской области. Был членом партии, до войны работал в судебных органах. Он знал, что Залин являлся ответственным работником областной прокуратуры. Может быть, поэтому однажды после занятий Залин и Сальментаев дружески разговорились. Поверив собеседнику, Залин не стал скрывать своих планов. Сальментаев ответил, что ни в коем случае не станет работать на фашистов. С тех пор они и стали неразлучны. Потом к ним присоединился еще один начальник группы — Торегенов. Он тоже хотел после приземления не выполнять задания врага, а полностью, всей группой, пойти к чекистам. Таким образом уже три группы твердо выбрали свою дорогу. Однако это не удовлетворяло Залина. Ему хотелось еще более увеличить ряды патриотов, подчинить своему влиянию хотя бы еще одну-две группы. Он нашел общий язык с членом одной группы Баксараевым и решил попробовать договориться с начальником той группы Казтановым.

— Каких мыслей твой начальник? — спросил Залин Баксараева. Казтанова он знал еще слишком мало, но приходилось торопиться: вылет мог состояться в любой день.

— Видимо, он думает так же, как мы.

— Откуда это тебе известно?

— Заметил по некоторым его словам и поступкам,— решительно ответил Баксараев.

— А меня он почему-то опасается и избегает,— задумался Залин.

— По-моему, этому человеку можно верить. Если вы желаете с ним поговорить, я его позову, и мы ему кое-что скажем вдвоем,— предложил Баксараев...

Залин согласился. Когда Казтанов пришел, Баксараев прямо сказал ему, указывая на Залина:

— Ты напрасно опасаешься этого джигита. Он коммунист. Наш человек.

— Тогда ладно!— произнес улыбаясь Казтанов и протянул Залину руку.

Договорились обо всем за пять минут — думали одинаково.

— Вот только что вы будете делать с Кокпаевым? — задумчиво спросил Казтанов.

— С Кокпаевым, говорите...— произнес Залин и задумался. Значит то, что Кокпаев стал настоящим предателем, видно не только ему, но и другим.— Я думаю, что с ним нужно будет поговорить после того, как попадем на родину.

— Да. Здесь говорить не стоит — он может все испортить,— согласился Казтанов.

Таким образом, группы Сальментаева, Торегенова, Казтанова по шесть человек каждая и пять человек из группы Залина, всего двадцать три человека, из тридцати, предназначенных к заброске в советский тыл, решили, попав на родину, немедленно пойти к чекистам и рассказать о планах гитлеровской разведки.

Однажды очень взволнованный Сальментаев отозвал Залина в сторону.

— Бог ты мой, Заке, нас отправляют!

— Куда?

— В Западный Казахстан.

— Кто отправляется?

— Полностью моя группа. Следом за мной должна отправиться группа Костаубаева.

— Костаубаева? — Залин задумался.— Ну, а их куда отправят?

— Говорят, что и их в Западный Казахстан.

Залин был уверен, что дело, о котором они давно договорились, Сальментаев доведет до конца. Но как привлечь на свою сторону Костаубаева?

— Не вздумай заговорить с Костаубаевым, — сказал Сальментаев, угадав мысли своего товарища.— Мы вылетаем сегодня ночью, времени осталось мало. Лучше я встречу

Костаубаева в Западном Казахстане и на родной земле хорошенько побеседую с ним.

Залин согласился и на прощанье обнял друга.

Утром ни Сальментаева, ни Костаубаева, ни людей из их групп не было видно среди курсантов. «Отправились!» — подумал Залин.

— Эй, Семен!— отвел он своего друга Рамазанова в сторону.— Когда будешь на радиостанции, прислушайся: нет ли каких вестей от Сальментаева и Костаубаева.

Но вестей не было.

Прошло несколько дней, прошел месяц, два. От групп Сальментаева и Костаубаева никаких сообщений в немецкую разведку не поступало. Феннер ходил хмурый. «Как бы немцы из-за этого не прекратили отправку групп»,— забеспокоился Залин. Но, видимо, гитлеровцы настолько нуждались в сведениях из Казахстана, что, несмотря на явный провал первой попытки, все разведчики были переброшены на родину — группа Торегенова 21 августа, группа Казтаева — 22-го и, наконец, Кокпаева — 23-го.

2. Изучив докладную Феннера, Ольцша пришел к выводу, что разведчики, которые будут заброшены в Туркестан, в силу своей не очень высокой профессиональной и общей подготовки, не смогут полностью собрать нужных сведений. Проще собрать большую часть нужных данных, проведя опрос буквально всех военнопленных — выходцев из Туркестана. Разумеется, чтобы получить полную информацию, нужно научно разработать вопросник типа анкеты. Пусть каждый отвечает на своем родном языке. Для того, чтобы систематизировать ответы, надо использовать людей, знающих эти языки. Ответы просмотрят виднейшие германские ученые. Конечно, они очень заняты, сами они систематизировать ответы не будут. Но уже систематизированные просмотрят и дадут свои выводы. Какой же ученый откажется от новой информации по своей специальности! А за выводы мы предложим им гонорар. Под контролем ученых те туркестанцы, которым поручат систематизацию ответов, научатся самостоятельно собирать сведения и правильно обобщать их. После этого их можно послать с разведывательными заданиями в Туркестан, они окажутся куда более ценными информаторами, чем люди Феннера. Нужна не примитивная разведшкола: для подготовки шпионских кадров, предна-

значенных работать в Туркестане, нужен разведывательный институт!

— Очень ценная мысль!— сказал Грефе Ольцше, когда выслушал его план.— Однако для того, чтобы опросить всех туркестанцев и создать институт, нужно много времени, ну и, конечно, много денег.

— Расходы себя окупят.

Грефе представил план своего нового помощника Гиммлеру. Гиммлер одобрил его. Ольцша ходил по управлению по-прежнему невозмутимый, но в душе ликовал. Никто из старожилов шестого управления не поднимал таких важных вопросов, какие поднял и решил он, новичок!

Удачное начало работы воодушевило Ольцшу, ему хотелось побыстрее реализовать свои планы. Он принялся за тщательную разработку вопросника. Анкета должна была состоять из нескольких сот вопросов. Из них пятьдесят-шестьдесят были обязательными.

Для того, чтобы легче было систематизировать результаты, Ольцша разделил вопросы на три группы. Первая — о самом отвечающем, о его семье: фамилия, имя, возраст, семейное положение, специальность, образование, место работы, судимость, вероисповедание, живые родственники, умершие родственники, причина их смерти и так далее. Систематизировав эти сведения, можно узнать численность населения Туркестана, рождаемость, смертность, количество верующих, образовательный ценз, число судимых, а отсюда и отношение населения к существующему режиму и прочее.

Вторая группа вопросов — о постоянном месте жительства пленного перед войной: численность населения города или района, в котором жил, географическое положение, пути сообщения, имеющиеся там заводы, фабрики, электростанции, военные предприятия, стройки; полезные ископаемые этой местности и т. д. Эта группа вопросов поможет прийти к важным научным и политическим выводам.

Третья группа — о прежнем месте работы пленных. Для каждой отрасли хозяйства — свои вопросы. Если пленный работал в шахте, то вопросы будут связаны с угольной промышленностью, если он колхозник, то вопросы поставлены о сельском хозяйстве. При подытоживании собранных ответов станет видно развитие разных отраслей промышленности Туркестана, продукция, которую они выпускают, объем и качество этой продукции...

Эти вопросы Ольцша свел в анкету, отдал в издатель-

ство и через фон Менде взял из Туркестанского комитета двенадцать человек, создав из них специальную комиссию, которую он разделил на две группы; одну возглавил Салимов, другую — Кайгин. Разъяснив значение и методы опроса, Ольцша отправил комиссию в лагеря военнопленных.

Пока по лагерям шел опрос, Ольцша сосредоточился на организации института. Для того, чтобы проанилизировать собранные материалы, Ольцша решил открыть в институте такие отделения: народное хозяйство, география, история, религия, лингвистика, фольклористика и медицина.

Наряду с решением основной разведывательной задачи эти отделения должны думать и над вопросами управления будущей Туркестанской колонией. Например, отделение географии будет создавать географическую карту Туркестана. На нее нанесут территории Казахстана, республик Средней Азии, Татарии, Башкирии, Закавказья, Крыма а также Синьцзяня, Афганистана и Ирана. Вот какой будет германская колония Большой Туркестан! После того как Гиммлер одобрил его план, аппетит у Ольцши еще более увеличился и его колониальные планы превысили размах Розенберга и фон Менде.

Когда было установлено основное направление деятельности и внутреннее строение института, Ольцша приступил к другим организационным делам. Самая важная и трудная проблема — это замаскировать связь института с разведкой. Об этом Ольцша много думал. Его заинтересовало «Немецкое общество исследования восточных народов», которое действовало при министерстве иностранных дел. Он попытался пристроить свой институт к этому обществу, использовав название общества как прикрытие. Однако Риббентроп не дал согласия на совместные действия с шестым управлением.

Дело зашло было в тупик. Однако после вмешательства Кальтенбруннера и Шелленберга Саксонское министерство внутренних дел выделило на окраине Дрездена второй этаж дома на улице Ташенбург Палэ, 3. Ольцша дал название институту «Арбайтсгемайншафт Туркестан» и как общественную организацию зарегистрировал его в районном суде Дрездена.

Итак, институт получил название, помещение, даже профессоров, которые возглавили отделения. Но работников в этих отделениях не было. Члены опросной комиссии, которых Ольцша зачислил в штат института, продолжали стран-

ствовать по лагерям, а ждать их возвращения в бездействии было нельзя. Перед тем как приступить к обработке материалов, предстояло еще многое подготовить.

Не желая связываться с Каюм-ханом, Ольцша сам искал среди военнопленных людей, подходящих для работы в институте, однако никого не нашел. Пришлось все-таки обратиться к президенту.

Раньше, когда Ольцша учился в высшей политической школе, он много раз видел Каюм-хана. В то время тот тоже слушал там лекции о восточных народах. Но беседовать им не доводилось. Когда Ольцше понадобились люди для комиссии, он не стал запрашивать Вали, а прямо обратился к фон Менде.

— Вы в прошлый раз дали мне одних узбеков, а мне нужны образованные люди других национальностей,— резко начал разговор Ольцша, когда приглашенный Каюм-хан явился к нему.

— Извините! Вы хорошо знаете положение в Туркестане, поэтому разрешите лишь напомнить вам, что в Туркестане существует лишь одна национальность — туркестанцы. Ведь это большевики разделили единый туркестанский народ на узбеков, казахов, таджиков.

Каюм-хан притворно вздохнул и положил на стол руку, на которой блестел перстень с большим драгоценным камнем. Хвастовство этим перстнем еще более разозлило Ольцшу.

— Я вас вызвал не для того, чтобы вы читали мне лекцию по истории Туркестана. Мне нужны работники, которые знают казахский, киргизский, таджикский и туркменский языки,— сухо сказал он.

— Если не секрет, скажите, чем они будут заниматься?

— Это именно секрет. Но вам я могу сказать, что они будут заниматься научной деятельностью в новом институте «Арбайтсгемайншафт Туркестан».

— Что это за институт? Каковы его функции?

— Институт — закрытое учреждение. Он занимается всеми проблемами Туркестана. Даже такими, о которых ваш комитет и не слыхал.

— Он будет закрыт и для меня?

— Да, и для вас. В институте не должно быть никаких политических распрей, вроде тех, которые постоянно возникают в вашем комитете.

Важничавший вначале Каюм-хан, начал трусить: выхо-

дит, тогда Жоранов сообщил верную весть. Они хотят тайно от меня создать новое правительство Туркестана. Меня же намереваются уничтожить. Нет, я не позволю вам создать другое правительство и людей не дам...

Ольцша угадал мысли Каюм-хана и вконец разозлился. Разговаривая с работниками комитета, ставшими членами его комиссии, он слышал много скверного о Каюм-хане. Хорошо знавшие президента люди говорили о его беспринципности, мелочности, эгоизме, хвастовстве, мстительности. И личное впечатление Ольцши вполне подтверждало эти характеристики: мелкий человечек, интриган и карьерист, органически неспособный проникнуться интересами третьего рейха. Пока он стоит во главе Туркестанского комитета, комитет для разведки Германии абсолютно бесполезен.

И Ольцша резко оборвал разговор, зло сказав:

— Вы еще ответите за то, что Турамысов перешел на сторону Советов.

— Как? — вновь испугался Каюм-хан. — Турамысов — советский агент?..

— Не был он советским агентом. Этот человек бился с большевиками за Туркестан и проявил мужество и героизм. А ваша узколобая политика сделала его перебежчиком.

— Может быть, я и помог ему бежать?

— Приберегите ваше остроумие для более подходящего случая. Если бы вы не посадили Турамысова в тюрьму без всякого повода, то это позорное дело не имело бы места.

Струсивший Каюм-хан быстро откланялся.

3. Ночь. В тесном бараке, прижавшись друг к другу, лежит около сорока человек. Тонкий слой соломы пропускает пронизывающий холод от промерзшей земли. Люди лежат, завернувшись в грязные рваные шинели, дрожат, стонут, ворочаются.

В одном углу барака сгруппировались пленные из Андижана. Среди них — молодой Газизжан Азимов. Он сегодня совсем не может заснуть. Разные мысли не дают ему закрыть глаза. Он вспоминает родной цветущий город, мать и отца, свое детство. Перед ним встают картины учебы в семилетке и политпросветтехникуме. После окончания техникума он, восемнадцатилетний, был назначен директором

школы. Впереди его ожидало большое светлое будущее. Однако вероломное нападение фашистов на родину не дало возможности Газизжану продолжить любимую работу. Вместе со своими сверстниками он пошел в Советскую Армию. В короткий срок прошел курсы младших командиров и получил звание старшего сержанта. Вскоре он попал на фронт и в девятнадцать лет стал командиром взвода. Но в июле 1942 года Азимов был ранен и около Морозовки попал в руки врага. Немцы согнали пленных в лагерь, расположенный на голой земле. Азимову еще повезло — он лежал в конюшне вместе с другими ранеными. Лечения, конечно, не было никакого, но молодой организм победил...

Приблизительно через два месяца однажды днем немцы начали с шумом сгонять пленных в строй, разделив их по национальностям: отдельно русских, отдельно украинцев; отделили уроженцев Средней Азии и их тоже расставили по национальной принадлежности. Среди пленных разнесся слух, что их хотят отправить на работу. Этому радовались — будет работа, значит, будет хоть какая-нибудь еда, в лагере же пленные просто умирали с голоду. Среди ночи пятьсот пленных отправили на станцию под усиленной охраной и посадили на поезд. Так Азимов попал в лагерь Хороль.

Вскоре в Хороль приехали двенадцать легионеров в немецкой форме. Они начали заниматься с пленными военной подготовкой. Еда немного улучшилась. Пленным сказали, что создается Туркестанский легион и что их самих готовят для этого легиона. «Москва взята», «германская армия стремительно наступает», «советское правительство скоро падет»,— это повторялось каждый день. Некоторые верили фашистской агитации, другие колебались. Ежедневно немцы хватали из различных бараков по нескольку пленных и уводили — навсегда. Шепотом передавали, что ищут и хватают коммунистов, командиров и политруков.

Думая обо всем этом, Азимов среди ночи лежал без сна, когда увидел, что в барак вошел немецкий офицер с фонариком в руке. Газизжан сразу же закрыл глаза, притворившись спящим. Офицер был не один, вместе с ним шел еще кто-то. Офицер освещал фонариком лица спящих. Он явно кого-то искал.

— Вот он! — произнес спутник немца, указав на Азимова.

— Встать! — приказал гитлеровец, толкнув ногой Азимова.

Азимов открыл глаза, стараясь придать себе вид человека, который только-только проснулся, поднял голову и при слабом свете фонаря увидел офицера и сопровождавшего его муллу.

— Идем! — приказал офицер Азимову.

Они привели Азимова в лагерную канцелярию. За столом сидел громадный рыжеволосый верзила лет пятидесяти в офицерском мундире, увешанном множеством наград. Появившиеся в канцелярии другие офицеры называли его Биллингом. Он так посмотрел на вошедшего Азимова, будто хотел наскозь просверлить его взглядом.

— Коммунист? — спросил Биллинг.

Азимов, не зная что ответить, пожал плечами. Отпираться не было смысла — видно кто-то донес. По знаку Биллинга унтер-офицер подтолкнул Газизжана ближе к столу.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

Биллинг покачал головой ,как бы говоря, что допрашиваемый слишком молод.

— Где твой партийный билет?

— Нету.

— Ты член партии? Признавайся.

— Пока еще не член, кандидат.

— Сколько немцев убил?

— Не знаю. И вы стреляли, и мы стреляли.

Биллинг вскочил с места и начал кричать. Унтер-офицер подбежал и завернул Азимову руки за спину, и вместе с солдатами вывел его наружу. Пленного повели за пределы лагеря. В двухстах метрах от колючей проволоки начинался лес, к его опушке Газизжана и подвели. В лесу их ожидало двое солдат. Они сунули в руки Азимова лопату, измерили рост и жестами объяснили, какой длины надо рыть могилу. Газизжан рыл. Когда он уставал, конвоиры взбадривали его ударами прикладов и при этом весело гоготали. Когда глубина ямы достигла половины человеческого роста, один из немцев так пнул Азимова в спину, что тот упал на дно. Тогда солдаты стали засыпать его землей. «Боже мой, неужели они хотят закопать меня живьем?» — промчалась в голове мысль. Азимов пытался подняться, барахтался в жирной черной земле, а немцы все сыпали и сыпали ее, и смеялись, смеялись... Вдруг со стороны лагеря раздался

крик и свист. Немцы прекратили свою веселую работу. Подбежал запыхавшись еще один старый солдат.

— Он еще жив? Гауптштурмфюрер сказал, чтобы пока не убивали. Он хочет еще поговорить с ним.

Немцы вытащили Азимова из могилы и повели его обратно в лагерь. Вместе с Биллингом сидел тот самый мулла.

— Ну, так что лучше: жизнь или смерть? — спросил Биллинг, в упор посмотрев в лицо Газизжану своим сверлящим взглядом.

Азимов молчал, опустив голову. Биллинг встал и подошел к нему.

— Твои предки, туркестанцы,— хорошие люди. Ты должен быть с нами, тебе надо помогать освобождать Туркестан от большевиков. Мы тебя обучим. Сделаем большим человеком. Наденем на тебя хорошую форму немецкого офицера. Назначим тебя командиром роты. Ну как, идет?

Мулла тоже приблизился к Азимову, запнувшись за что-то по дороге.

— Не упрямься, дорогой, смирись. Сам бог начертал тебе твою судьбу. Тебе ее не изменить. Делай то, что они тебе скажут. Ты ведь еще молод, тебе надо пожить,— начал он уговаривать Азимова.

Последний час, с тех пор, как его вытащили из барака, Газизжан чувствовал себя ходячим мертвецом. Теперь жизнь снова манила его, она была близкой, возможной. Биллинг ждал ответа.

— Хорошо. Я согласен,— обратился к нему Азимов.

— О! Молодец! — воскликнул Биллинг и похлопал пленного по спине.

— Верно, дорогой! Правильно выбрал! — произнес мулла и встал с места.

Унтер-офицер быстро выскочил из кабинета и моментально возвратился назад, принеся целую охапку одежды, которую положил на стол.

— Одевайся! — произнес Биллинг.

Азимов надел на себя гимнастерку, галифе, кожаные сапоги, пилотку.

— А ему идет немецкая форма! — рассмеялся гауптштурмфюрер.— Ну, ладно, желаю успеха. Иди поешь.

Так началась новая жизнь бывшего старшего сержанта Советской Армии Газизжана Азимова.

После того, как он надел форму немецкого офицера, Биллинг направил его заместителем командира роты 4-го батальона 162-й пехотной дивизии немецкой армии. В январе 1943 года во время наступления Советской Армии на Донбасс немцы, вооружив 4-й батальон, отправили его в город Славянск. Немецкие воинские части стояли в обороне между Славянском и Горловкой, и слева, и справа, и с тыла соприкасаясь с батальоном. Если отступать, то находящиеся сзади немцы расстреляют, если двигаться вперед, то советские танки задавят, куда ни пойди — везде смерть. Горько умирать предателем...

Азимов не погиб. А через некоторое время судьба столкнула его с Мадером, ехавшим создавать Восточно-мусульманскую дивизию СС.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. После возвращения из первого туркестанского батальона Мадер ушел в отставку. Но привыкший к военной службе, он не смог сидеть дома сложа руки. Он строил различные планы, слал начальству сотни предложений и в конце концов с согласия абвера организовал «спецкоманду». В команду вошли пятнадцать отборных легионеров. Среди них были верный помощник Мадера Али Сулейманов, командиры взводов Жуман Асанжолов, Асанбек Абдуллаев, бывший летчик татарин Юрий Актаев, радист Зубайдолла Жоранов.

Со своей спецкомандой Мадер задумал попасть в Туркмению, подобрать там человека, занимающего достаточно крупный пост, и, договорившись с ним, привезти его в Берлин, чтобы сделать президентом «Туркестанского государства» вместо Каюм-хана. И абвер, и РСХА разочаровались в Каюм-хане. Он не смог начать решительную борьбу с большевизмом, наоборот, стал разваливать Туркестанский легион, разжигая между солдатами родовые распри.

Вторая цель планировавшегося Мадером десанта заключалась в организации в Туркестане басмачества и развязывании «малой войны». Однако хотя Мадер готовился больше месяца, ничего не вышло из-за аварии в Симферополе десантного самолета. Мадер вместе со спецкомандой вернулся обратно. В это время на фронте произошли большие перемены, немецкая армия стала отступать. Абвер требовал от Мадера решительных действий. Но теперь ста-

рый волк не торопился: когда по всему фронту идет отступление, маленькая спецкоманда ничего не сможет сделать в Средней Азии; ясно, что никто не станет поддерживать терпящих поражение. О полете нечего думать, сейчас надо спешно создавать большую туркестанскую армию. Создав ее, в Среднюю Азию можно будет перебросить крупный десант.

Мадер теперь думал над организацией такой армии. Что если объединить все национальные легионы и создать особую восточно-мусульманскую часть? Объединенные легионы попадут под командование СС... Это будет значительная сила. Не нужны и мелкие комитеты, потерявшие свои легионы. Каюм-хан волей-неволей останется в стороне. Туркестанцы будут слушаться только Мадера. Командиром дивизии будет он. Но он останется и разведчиком, будет время от времени доставлять Шелленбергу людей, пригодных для ведения разведки в мусульманских странах.

С такой мыслью Мадер пошел в шестое управление. Его приняли Грефе и Ольцша. Недовольные, особенно последний, президентом, они ухватились за предложение Мадера. Пришлась им по душе и мысль о вербовке кадров для шпионажа из среды самих мусульман. Она совпала с планами института «Арбайтсгемайншаф Туркестан». Совпадало и другое. Для колонии «Большой Туркестан» требовалась и большая армия, именно такая, создание которой проектировал Мадер. План «Большого Туркестана» был утвержден Гиммлером, надо полагать, он утвердит и план создания восточно-мусульманской дивизии СС.

— Вам насчет этого дела никуда обращаться не нужно. Мы сами доложим обо всем рейхсфюреру СС, попросим, чтобы вам оказали помощь,— сказал Грефе, взвесив все.

И действительно, Гиммлер дал согласие на создание Восточно-мусульманской дивизии СС. Однако требовал, чтобы легионы были сохранены и в дивизию не входили. Главное управление СС назначило командиром дивизии Мадера. К Мадеру от Туркестанского легиона перешел его бывший 450-й батальон, по одному батальону из легионов «Волга-Урал» и «Азербайджан». Остальной состав Мадеру пришлось набирать самому

Восточно-мусульманская дивизия СС должна была формироваться на территории Белоруссии. Пока Мадер уехал в Николаевскую область, где размещался 450-й Туркестанский батальон. По дороге он заезжал в лагеря и тюрьмы, где находились мусульмане-военнопленные.

— Как фамилия? — обратился он в одесской тюрьме к молодому арестанту в немецкой форме.

— Азимов.

— Национальность?

— Узбек.

— За что посадили тебя?

— За дезертирство.

Мадер долго смотрел на красивого смуглого молодого джигита с решительным, волевым лицом. «Ладно. Мало ли что у него было в прошлом, а мне он пригодится»,— пришел наконец Мадер к выводу и освободил Азимова из тюрьмы.

2. Мадер, многое повидавший в жизни и многому научившийся у нее, приложил весь свой опыт и хитрость для того, чтобы завоевать доверие Азимова,— помощники ему требовались по-настоящему преданные. Назначив Газизжана командиром роты, он все время глаз с него не спускал, оказывая различные знаки внимания. Пока дивизия формировалась в Понятове, Мадер направился в Берлин и взял с собой Азимова.

Шел январь. Газизжан, не бывавший еще в Центральной Европе, удивлялся непривычному теплу, тому, как легко одеты прохожие на улицах. Мадер устроил его в гостиницу «Фдридрихгоф», а на следующий день повел в главное управление СС.

Здание главного управления было похоже на большую длинную казарму. Его окружали многочисленные караульные с автоматами на шее, никого не подпускавшие близко к нему. Мадер выписал пропуск и провел Азимова внутрь.

— Сейчас мы увидим большого начальника,— сообщил он, когда они шли по коридору, выделив слово «большой».

Так же, как в Восточном министерстве, как и в главном имперском управлении безопасности, и в главном управлении СС был специальный отдел, который занимался делами будущего «Большого Туркестана». Тут он именовался мусульманским отделом или же «IM». Мадер вел Азимова к начальнику этого отдела штурмбанфюреру СС Херману. Херман и Бергер — начальник главного управления СС — были друзьями. Мадер знал это хорошо, знал, каким весом пользуется в этом доме-казарме Херман, поэтому и предупредил своего спутника.

— Вот тот самый Азимов! — произнес Мадер, войдя в большой кабинет «большого начальника».

— Херман! — представился хозяин кабинета.

Был он невысок и еще молод — сорока во всяком случае ему не исполнилось. Он усадил рядом с собой Азимова и Мадера и начал беседу. Штурмбанфюрер говорил о том, что мусульманские народы должны освободиться от власти большевиков, о помощи, которую оказывает Германия делу создания независимого мусульманского государства, о значении вновь создаваемой Восточно-мусульманской дивизии СС. После этого он встал, взял со стола две медали и сам прицепил их на грудь Азимова. Одна медаль была бронзовая, другая — серебряная.

— Когда на вашей родине будет свергнута советская власть, вы сможете стать крупным деятелем в мусульманском государстве,— произнес в заключение Херман.

После этого Херман снял с плеч Азимова погоны зондерфюрера и на их место стал пристегивать другие.

— Я поздравляю вас с награждением медалями и присвоением вам звания оберштурмфюрера СС. Желаю, чтобы ваша грудь была вся заполнена орденами и медалями и чтобы вы достигли самых высоких званий.

Мадер тоже в пышных выражениях поздравил Азимова.

— После возвращения в дивизию воспитывайте людей, которые будут находиться под вашим командованием, в духе преданности третьему рейху — верному другу всех мусульман,— сказал Херман.— Ну а теперь счастливого вам пути!

Азимов понимал, что неспроста и не за заслуги, которых у него не было, ему оказывают такой почет, что это делается с какой-то определенной целью, что он лишь пешка в сложной игре. Но выбирать не из чего — приходится делать вид, что эта игра тебе очень нравится.

— Как, доволен? — спросил Мадер Азимова, когда они шли назад по коридору.

— Еще бы!

Они вышли на улицу.

— Сейчас пойдем в РСХА! — сказал Мадер на улице,— РСХА — это имперское главное управление безопасности.

— А что там нам делать?

— Там есть такой человек, доктор Ольцша. Он мне помог создать Восточно-мусульманскую дивизию СС. Я представлю тебя ему, это нужно.

Они сели в метро и вышли на Подстдаммерштрассе. Вот и дом № 29 — РСХА. Опять выписали пропуск. Оставив

Азимова в приемной, Мадер вошел в кабинет Ольцши. Азимов не мог отвести глаз от красивой секретарши.

— А я вас узнала,— кокетливо произнесла секретарша.— Вы, наверное, Азимов.

— Он самый! — с удивлением сказал Азимов.— Откуда вы меня знаете?

Секретарь взяла со стола номер журнала «Милли Туркестан», раскрыла и показала Азимову его большой фотопортрет.

— Ого! А я еще не видел,— проговорил Азимов.— Хм, вернее всего снимок был сделан год назад, когда я воевал в Донбассе. Итак, вы меня знаете, а я вас нет.

— Зухра! — произнесла секретарша и протянула руку.

— Ваша национальность?

— Крымская татарка.

— Когда вы заканчиваете работу?

— В пять часов.

— Тогда в пять часов я буду ждать вас около гостиницы «Фридрихгоф».

В это время дверь открылась, и Мадер позвал Азимова.

— Ну как, договорились? — торопил с ответом Азимов.

— Договорились,— ответила секретарша и засмеялась.

Азимов вошел в кабинет. Высокий длиннолицый немец в больших роговых очках встал и поздоровался с ним.

— Доктор Ольцша! — представил его Мадер.

После того, как Газизжан получил в управлении СС две медали и высокое воинское звание, он уже не робел перед берлинскими военными немцами и даже держался развязно.

— У вас красивая секретарша, будьте сватом,— пошутил он.

Однако Ольцша не поддержал шутку. Серьезно и сухо он начал расспрашивать Азимова о возрасте, образовании, стаже службы в немецкой армии.

— Хорошо. Нам нужны мужественные люди. Постарайтесь оправдать доверие германского командования! —быстро закончил разговор Ольцша и стал прощаться.

Выходя от Ольцши, Азимов подмигнул Зухре и проследовал за Мадером.

— Теперь ты свободен. Сегодня и завтра гуляй, знакомься с городом. Послезавтра мы уедем,— сказал Мадер.

— У вас не найдется свободного времени?— спросил Азимов.

— Нет, у меня много работы. А что ты хотел?

— Я получил сразу две медали, мне присвоили высокое воинское звание. Полагалось бы отметить это.

Мадер засмеялся и похлопал Азимова по спине.

— Обмоем твои медали и погоны, да еще как! Однако не сейчас, а когда возвратимся в дивизию,— сказал он и протянул руку Азимову.

До пяти часов оставалось еще много времени. Куда пойти? Зачем мне одному гулять по городу? Нет, найду Туркестанский комитет, посмотрю, что там за люди...

По адресу, записанному в блокноте, Азимов нашел маленький двухэтажный дом из красного кирпича, где размещался Туркестанский комитет.

— Вы случайно не Вали Каюм-хан? — спросил Азимов, открыв одну из дверей и увидев там одиноко сидящего толстого человека с продолговатым лицом, широким носом и косыми глазами.

— Нет, я Хаитов. Заместитель президента.

Хаитов с удивлением смотрел на незнакомого посетителя: не больше двадцати лет, а погоны оберштурмфюрера СС, на груди сверкают две медали.

— Вам нужен президент? Идемте! — произнес Хаитов и открыл дверь в соседний кабинет.

Азимов смело вошел в кабинет. За столом он увидел стройного человека в черном костюме.

— А-а, наш герой-фронтовик, приехавший в отпуск! Прекрасно!— произнес он и встал.— Садитесь! Как ваша фамилия?

— Азимов.

— А-а, помню. Ваш портрет в прошлом году мы поместили в журнале,— произнес он, приподняв тонкие брови.— Скажите, где вы родились?

— Я родился в городе Андижане Узбекской ССР.

— Какой Узбекской ССР?! Это большевистский жаргон! Андижан это город Туркестана. Ай-ай-ай, до чего идеологически неподготовлены наши офицеры,— и президент долго сокрушенно качал головой, глядя на Хаитова.

Но тут же смягчился — как-никак перед ним был герой-фронтовик. Усевшись рядом с Газизжаном, он долго расспрашивал его о делах в легионе. В заключение сказал:

— Хорошо, что зашли. О вашем приезде я сообщу господину фон Менде. Теперь вы познакомились к комитетом. Прошу вас — впредь пишите нам письма о положении в ар-

мии. Скоро Туркестан станет свободным от врагов. Тогда ваши заслуги будут полностью оценены. Наш комитет молод, дел много, денежных средств не хватает. Было бы хорошо, если бы вы помогали нам и время от времени высылали в комитет некоторые необременительные для вас суммы.

— Хорошо! — произнес Азимов, встал и стал прощаться.

А вслед за ним вышел и Хаитов, решивший «растрясти» молодого офицера, прибывшего с фронта и, видимо, располагавшего средствами.

Он быстро нагнал Газизжана и предложил:

— Идемте вместе, я познакомлю вас с городом!

Азимов первый раз был в Берлине, поэтому не стал противиться.

— Каков паек у наших солдат? — спросил Хаитов по дороге, поворачивая разговор в нужное ему русло.

— Нормальный.

— Как они получают?

— Наравне с немецкими солдатами.

— Наверно, карманы у них забиты марками. Ведь на фронте и тратить некуда,— заметил Хаитов.

— Не знаю, карманы я у них не проверял, но все же марки у них есть.

— По дороге не получали «фюрер-пакет»?

— Нет, а что это такое?

— Вот это да, вы, оказывается, не знали. Каждый солдат, идущий в отпуск, перед тем как ехать в Германию, предъявив документы в Варшаве, получает «фюрер-пакет». В пакете кило колбасы, булка хлеба, бутылка рому, десять пачек сигарет, носки и всякая мелочь, а вы прозевали...

— Да ну его. Что я, нищий,— и Азимов сделал недовольный жест.

— О-о, выходит ты богат! Идем тогда, покажи мне свое богатство! — шутливо заметил Хаитов.

Азимов слыхал от тех, кто побывал в Берлине, что работники комитета живут плохо, многие ходят впроголодь, водка и вино для них величайшая редкость. Поэтому перед отъездом он набил свой чемодан различными напитками и и едой, пригодится. Теперь, понимая, на что Хаитов надеется, Газизжан повел его в гостиницу «Фридрихгоф».

У себя в номере он открыл чемодан и поставил на стол бутылку коньяка, выложил полукилограммовый кусок свиного сала и большую польскую булку хлеба. Когда заме-

ститель увидел такое угощение, у него глаза полезли на лоб, а нижняя челюсть непроизвольно задергалась. Схватив кусок хлеба и отрезав сала, он начал не есть — жрать. «Да, давно, видать, не ел он досыта»,— подумал Азимов.

— Заверни все это, пошли ко мне! — обратился к нему Хаитов после того, как проглотил хлеб с салом.

Выходя из гостиницы, Азимов увидел группу остриженных наголо женщин, которых гнали куда-то полицейские.

— За что их? — удивился Азимов.

— Это немки, которые гуляли с людьми другой национальности. По здешнему закону немка не должна сходиться с чужими — нарушает чистоту крови арийской расы. Немку, нарушившую этот закон, сажают в тюрьму на десять лет, а ее хахаля ждет смертная казнь,— объяснил Хаитов.

— Строго! — хмуро произнес Азимов.

— Э, выше голову! Не бойся. Мы с тобой как-нибудь выкрутимся,— засмеялся Хаитов.

Они сели на электричку и доехали до угла улицы Вайсензее.

— Вот мой дом,— Хаитов показал на большое здание метрах так в двухстах пятидесяти от них.

Двери открыла молодая рыжеволосая немка. Хаитов представил ее. Азимов отдал сверток женщине и прошел в гостиную. Хаитов с гордостью стал показывать квартиру. Она была огромной — восемь комнат.

— Хозяйка этого дома — фрау, с которой я тебя познакомил. Муж ее на фронте. Детей нет. Живем вдвоем,— и Хаитов подмигнул Азимову.

— Да, ты нашел себе уютное гнездышко,— засмеялся Азимов.— А что будешь делать, если с фронта вернется ее муж?

— Пока война не кончится — не вернется. А к тому времени я успею уехать.

— Куда?

— Как куда? В Туркестан, конечно. Ведь он тогда будет освобожден,— с удивлением посмотрел Хаитов на Азимова.

Хозяйка принесла в гостиную тарелки с аккуратно нарезанным свиным салом и хлебом. Достала из буфета рюмки и плеснула на донышко каждой граммов по двадцать коньяку.

— За нас, за нашу жизнь! — патетически воскликнул Хаитов, поднимая рюмку.

Немного посидев, Азимов попросил прощения у хозяйки и стал собираться. Вот-вот Зухра должна была кончить работу. Надо спешить в гостиницу.

— Куда торопишься так? — спросил Хаитов, явно намереваясь не расставаться с гостем.

— Командир приказал явиться к пяти. Встретимся завтра,— отрезал Азимов, которому Хаитов порядком надоел.

Хаитов все-таки проводил Газизжана до вокзала, откуда отправлялась электричка.

— Завтра зайду после работы. Жди! — крикнул он Азимову на прощанье.

Азимов торопился не зря — около гостиницы он увидел дожидавшуюся его Зухру. «Какая красавица», — восхищенно подумал молодой человек.

Ночь он провел с ней и весь следующий день по прихода Хаитова не вставал с постели.

— Идем, сегодня я познакомлю тебя с хорошенькой немочкой,— сказал Хаитов, как только вошел.

При слове «немочка» Азимов вспомнил стриженных женщин, которых гнали полицейские.

— К черту немок, лучше подальше от греха!— воскликнул он.

Хаитов захохотал.

— Ты хоть не немец по национальности, но ты же немецкий офицер. Так что не трусь! — уверенно произнес он.

В трусы Газизжану попадать не хотелось. Он оделся, достал из чемодана бутылку водки и кулек конфет, и они вместе с Хаитовым отправились к «хорошенькой немочке». Та жила одна. Она быстро позвала подругу. Пили водку, танцевали и скоро потушили свет... Утром Хаитов ушел на службу, а Азимов зашагал в гостиницу. И увидел, что Зухра ожидает его.

— Где ты ходишь? Я всю ночь прождала тебя,— сказала Зухра не рассерженно, не обиженно — просто очень печально.

Азимову стало очень жаль ее. Он повел было девушку к себе, но ее догнал какой-то унтер-офицер.

— Немедленно идем, тебя ищет доктор,— со злостью в голосе сказал он.

Зухра, беспомощно оглянувшись на Газизжана, покорно пошла за унтером. Расстроенный Азимов добрел до своего номера и начал собираться в дорогу.

3. Формирование Восточно-мусульманской дивизии СС затянулось надолго. Для того, чтобы узнать причины непредвиденной задержки, из Берлина в Понятово прибыл уполномоченный СС Биллинг. Делая обход вместе с Мадером, Биллинг увидел около одного дома солдата, который с винтовкой стоял в карауле.

— Что ты охраняешь? — спросил Биллинг стоявшего навытяжку солдата.

— Охраняю заключенного,— ответил солдат.

— Кто это? За что сидит?

Биллинг заставил открыть дверь гауптвахты.

— Ты почему здесь сидишь?— испуганно спросил Мадер, увидев Жоранова.— Я думал, что ты находишься в Варшаве и собираешь людей для дивизии.

— Не знаю, господин штурмбанфюрер. Абдуллаев сказал, что у него приказ Сулейманова, привез меня из Варшавы и посадил сюда,— ответил Жоранов.

Биллинг грозно взглянул на Мадера. Мадер ничего не мог сказать.

— Хорошо, я выясню у Сулейманова, потом поговорим,— произнес Мадер.

Когда вышли с гауптвахты, Биллинг принялся ругать Мадера.

— Как это понимать? Вы даже не знаете, где находятся ваши ближайшие помощники. Куда вы смотрите? Мы считаем вас хозяином дивизии, а здесь каждый делает то, что ему захочется.

Возвратившись в штаб, Биллинг вызвал Сулейманова.

— Это вы посадили Жоранова под арест?

— Я.

— За что?

— За то, что он не выполнил приказа командира дивизии.

— Какого приказа?

— Командир отправил Жоранова в Варшаву, чтобы он набирал солдат для нашей дивизии. Посадили его за то, что он, находясь пять месяцев в Варшаве, ничего не сделал. Это человек, который мешает формированию дивизии,— гневно произнес Сулейманов.

Биллинг нашел, что Сулейманов прав.

— Почему я об этом не знаю?! Почему ты не сообщил мне? — с негодованием спросил Мадер своего заместителя.

— Извините, я не успел,— пришел в замешательство Сулейманов.

— В дивизии нет дисциплины, самая настоящая анархия. Никто не знает, кто чем занимается. Никто никому ничего не докладывает! — закричал Биллинг.

Биллинг отпустил Мадера и Сулейманова и вызвал Жоранова. Как только вышел сопровождавший его конвоир, Жоранов, не дожидаясь вопросов, начал говорить.

— Господин гауптштурмфюрер! На гауптвахте рядом с вами был Мадер, поэтому я нарочно ничего не объяснил. Я хочу сообщить вам важную весть,— громко прошептал он.

— Говори,— приказал Биллинг.

— Руководители нашей дивизии Мадер, Сулейманов, Абдуллаев, Асанжолов распространяют среди солдат дивизии недовольство правительством рейха.

— Каким образом?

— Вам известно, что большинство солдат дивизии переведены сюда из Туркестанского легиона. Они хорошо знают, что есть Туркестанский национальный комитет, которым руководит Каюм-хан, и что германское правительство доверяет Каюм-хану. Когда они находились в легионе, они знали, что под руководством комитета и его президента ведут совместно с великой Германией борьбу с большевиками, знали, кому верить, во что верить. А теперь их агитируют против Каюм-хана. Мадер, Сулейманов и Абдуллаев открыто говорят о том, что они станут во главе Туркестанского правительства, а Каюм-хана прогонят. Солдаты, которые слушают их, совершенно растерялись, не знают, кому верить. Недавно Абдуллаев приехал ко мне в Варшаву и передал поручение Мадера и Сулейманова поехать в Берлин. Мне дали гнусный приказ убить Каюм-хана. Я не подчинился, и тогда меня привезли из Варшавы сюда и арестовали. Вот видите, что они здесь делают.

Биллинг внимательно слушал Жоранова. Он хорошо знал о преданности Каюм-хана фашистскому правительству и рассказ о планах его ликвидации заинтересовал и взволновал его.

— Я не сомневаюсь,— продолжал Жоранов, подливая масла в огонь,— что никто из высокопоставленных лиц не давал этим интриганам никаких обещаний. Кто же поставит эти ничтожества во главе Туркестана! Значит они намерен-

по разжигают распри, разлагая солдат. Уверен, что они хотят перевести дивизии к партизанам.

У Биллинга глаза налились кровью. Он поверил Жоранову.

— А почему ты сам не выполнил приказа Мадера?

— Как это не выполнил! Кто, как не я, послал из Варшавы сто человек? Вы им не верьте, они клевещут на меня.

Биллинг тут же связался с ОКВ по телеграфу. В ОКВ подтвердили, что Мадер — ненадежный человек: он работу «спецкоманды» до конца не довел, разложил солдат, деньги и документы, принадлежащие команде, полностью не возвратил. Слова Жоранова и сообщение ОКВ согласовывались друг с другом. Биллинг пришел к мнению, что дивизия так долго не может сформироваться из-за того, что у Мадера и его ближайших помощников тайные антигосударственные замыслы. Если не убрать этих авантюристов, то дивизия не будет преданно служить германскому правительству. Надо быстрее навести порядок... Остановившись на этом, уполномоченный освободил Жоранова и арестовал Абдуллаева. Не трогая пока остальных руководителей, дивизии, он начал допрашивать Абдуллаева.

— Ты против Вали Каюм-хана? — спросил Биллинг.

— Против,— ответил Абдуллаев.

— А Мадер с Сулеймановым?

— И они против.

И Абдуллаев сразу же рассказал то, что слышал от Мадера. Он полагал, что слова Мадера выражают мнение верхов империи и не предполагал, что они не понравятся Биллингу.

— Это правда, что вы хотели убить Вали Каюм-хана?— спросил Биллинг.

— Сохрани бог, у нас и в мыслях не было никого убивать,— удивился Абдуллаев.

— Врешь! Зачем же ты поручил Жоранову поехать в Берлин и убить Вали Каюм-хана?

Видя, что допрос ведется круто, Абдуллаев струсил, но показаний Жоранова не подтвердил.

— Вы, оказывается, даже против того, чтобы в дивизии были немецкие офицеры?! — орал Биллинг.

— Немцы не знают психологию народов Туркестана, а потому не могут правильно руководить мусульманской дивизией,— отвечал Абдуллаев.

— Кто это тебе сказал?

— Мадер сказал.

Биллинг разозлился и прекратил допрос. Все было ясно. Абдуллаев и Сулейманов — агенты Москвы и хотели увести дивизию к партизанам.

На следующее утро уполномоченный, человек действия, не откладывая дела в долгий ящик, расстрелял Абдуллаева и Сулейманова. Жалел, что не может так же поступить с Мадером. Впрочем, он добился того, что командование войск СС немедленно отозвало Мадера. В связи с тем, что число солдат оказывалось недостаточным для дивизии, эсесовские руководители приказали сформировать полк, перевести его в Западную Белоруссию, в город Юратишек и готовить к борьбе с партизанами. Командиром полка был назначен гауптштурмфюрер СС Биллинг...

Бердыев, Саркулов и Тураев радовались решительным действиям нового командира полка. Особенно радовал их уход хитрого, как лиса, Мадера. Старый лис умел входить в доверие к солдатам, умел морочить им головы. Среди солдат, обманутых его сладкими речами, вести работу было трудно и опасно. Солдаты, не забывавшие родину, ненавидели предателей, типа Сулейманова и Абдуллаева, которые преданно служили фашистам. То, что Биллинг, не разобравшись, расстрелял предателей, соответствовало их желаниям. Узнав об их гибели, солдаты почувствовали себя так, как чувствуют кони, когда их освобождают от пут.

Бердыев, Саркулов и Тураев пришли к выводу, что теперь можно готовить весь полк к переходу на сторону партизан. Они посоветовались и решили, что дело будет вернее, если они привлекут на свою сторону некоторых командиров рот и взводов. В связи с этим Саркулов начал беседовать с Асанжоловым, которого Биллинг снял с поста командира батальона.

— У командира полка плохие намерения. Он прогнал Мадера, уничтожает людей, которые были близки ему. Скоро наступит твоя очередь,— предупредил его Саркулов.

— Откуда ты знаешь?

— Это само собой ясно. Ты дружил с Мадером? Дружил. Тратил деньги спецкоманды? Тратил. Руководил вместе с Мадером и Сулеймановым дивизией? Руководил. Этого достаточно, чтобы Биллинг посадил тебя.

Асанжолов и сам так думал.

— Ну, и что теперь прикажешь делать?

— Нужно бежать к партизанам. Иного выхода нет!

— Ты думаешь, что партизаны погладят меня по го-

ловке? А если они расстреляют как предателя, тогда что?

— Погладить не погладят, но и не расстреляют. А если ты будешь делать то, что я скажу, то, наверное, и воообще не накажут.

— Говори, посмотрим.

— Ты сначала дай слово, что уйдешь к партизанам.

— Даю! — воскликнул Асанжолов и протянул руку.

... Настало назначенное время ухода. В ночь на 23 марта 1944 года группа солдат — их было сорок шесть — во главе с Бердыевым, Тураевым, Асанжоловым, Саркуловым вышла из расположения полка и стала поджидать остальных своих товарищей в лесу. Но немцы обнаружили отсутствие группы солдат и подняли тревогу. Возвращаться к полку было поздно и пришлось уйти к партизанам только этой передовой группе.

Командир партизанской бригады «Неуловимых» Морозов сразу узнал Ага Бердыева, когда тот во главе сорока шести человек явился на партизанскую базу. И Бердыев узнал Морозова. Но ни тот, ни другой в присутствии группы не подали вида, что давно знакомы.

Ага Бердыев, туркмен из Ашхабада, готовился стать разведчиком еще в 1942 году, находясь в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения под Москвой. А Морозов являлся начальником штаба этой бригады. Более года Ага готовился к этой ответственной, рискованной работе в тылу врага. В присутствии Морозова он и получил специальное задание, для выполнения которого в 1943 году был заброшен через линию фронта к противнику. Нелегко ему пришлось в тылу врага, много испытал молодой разведчик. И вот через девять месяцев он вернулся живой, невредимый и опять попал в бригаду Морозова — только не в мотострелковую под Москвой, а в партизанскую в Белоруссии...

4. По дороге, ведущей к лесу из Юратишска, шла девушка. Хотя ей было всего восемнадцать лет, страшная усталость от долгого мучительного пути делала ее значительно старше на вид.

Прошло около месяца, как девушка покинула партизанскую бригаду «Неуловимых». Она успешно добралась до Вильнюса, выполнила все поручения и теперь возвращалась к своим. Она торопилась в бригаду, чтобы сообщить ее командиру Морозову данные, собранные ею. Она соску-

чилась по своей единственной оставшейся в живых старшей сестре, которая находилась в бригаде. Ей хотелось бежать, однако сил на это уже не было.

— Стой!

Солдаты, сидевшие в засаде, окружили девушку.

— Партизанка?

— Нет, я не партизанка, я иду к больной сестре,— не выдавая волнения, ответила девушка.

Один из солдат начал ее обыскивать. В кармане телогрейки он обнаружил остатки соли, а в другой — табачные крошки.

— Это что? — строго спросил солдат.

Девушка молчала. Солдаты повели ее в ту сторону, откуда она шла. Накануне из Берлина прилетел Херман, получив сообщение о побеге к партизанам Асанжолова с группой в сорок шесть человек. Это он организовал в лесу засады, поставив перед ними задачу поймать Асанжолова. Сидеть в засаде было скучно, сдав девушку Херману, солдаты надеялись освободиться от дальнейшего сидения в лесу.

— Господин штурмбанфюрер! Мы поймали партизанку,— отрапортовал старший солдат.

— Хорошо! Веди сюда! Я сам буду допрашивать,— обрадовался Херман.

Девушку ввели в комнату. Один из солдат положил перед Херманом два пакетика из бумаги. Развернув их и увидев крошки соли и табака, Херман испытующе посмотрел на девушку.

— Партизанка? — спросил он очень вежливо.

Девушка покачала головой.

— Тогда откуда к тебе в карман попали соль и табак?— грозно произнес Херман, моментально меняя тон.

Девушка быстро подумала: «Если скажу, что взяла из дома, спросят где дом, если скажу, что взяла у кого-то, то спросят кто он и его адрес...»

— Я работаю проводницей на железной дороге. Эти крошки собрала в вагоне. Жалко было выбросить, вот и положила в карман.

— Врешь! — вскочил Херман.— Хорошо, возможно тебе жалко было выбросить соль, в это еще поверить можно. Соли сейчас мало. Но зачем ты спрятала табак? Ты что, куришь?

Девушка поняла, что если она скажет, что не курит, то

нацисты начнут дознаваться, кому она хотела отдать табак.

— Иногда понемногу курю,— сказала девушка.

— Ну-ка, дыхни! — произнес Херман и приблизил свое лицо к лицу девушки.

— Я не курю постоянно. Только лишь изредка.

— Перестань врать. Сознайся, что ты партизанка. Я отпущу тебя домой...

Девушка молчала.

— Будешь говорить? — закричал Херман.

Молчание.

— Последний раз спрашиваю, сознаешься или нет? Иначе отдам тебя какому-нибудь взводу — солдаты соскучились по бабам, пусть развлекаются.

Девушка не сомневалась, что фашистский офицер выполнит свою угрозу.

— Ну чего ты хочешь? Да, я партизанка. Но больше ты от меня ничего не услышишь, чтобы вы со мной ни делали.

— Ага! Раз созналась, что партизанка, то и остальное выложишь! — потер руки Херман.— Где ваш отряд? Кто его командир? Где Асанжолов?

Девушка отвернулась.

— Скажи, где размещается партизанский отряд?

— Не скажу, ни за что не скажу.

Херман посмотрел в глаза юной партизанки. Да, похоже, она ничего не скажет. Фанатичка. Впрочем, попробуем. Может быть, не выдержит.

Утром рота ушла дальше. На земле остался истерзанный труп молчавшей до конца девушки.

...Вскоре в бригаде «Неуловимых» стало известно о зверском убийстве.

Партизанский отряд «Неуловимых», действовавший в Полоцко-Невельском крае, создал Михаил Сидорович Прудников, посланный в тыл врага в феврале 1942 года. Более года Прудников находился во главе отряда и совершил много славных дел, а в мае 1943 года он возвратился в Москву. Вместо него советское командование прислало самолетом четырех офицеров. Среди них были майор Анатолий Григорьевич Морозов и капитан государственной безопасности Николай Варсонофьевич Волков, ставший в бригаде начальником разведки.

— Этим убийством полк СС подписал себе смертный приговор! — сказал Морозов.— Мы уничтожим его.

— Да, нужно уничтожить. Однако это не легкая задача! — ответил Волков.

— А когда мы брались за легкие дела?

— Такая уж у нас партизанская судьба. Но тут надо хорошенько поразмыслить. У полка прочная оборона.

— Это верно. Давай все имеющиеся у нас данные об этом полке. Подумаем.

Волков разложил перед командиром кучу бумаг. Они долго вместе разбирали эту кучу.

— У меня зародился один план,— сказал наконец Морозов и позвал своего заместителя к карте.— Ночью пройдем двадцать два километра, тихо проберемся между этими немецкими гарнизонами,— он ткнул карандашом в карту,— и нападем на опорный пункт с запада. Мы находимся к востоку от Юратишска. Враг же будет ждать нас с востока. Ну а мы, обойдя город, ударим с противоположной стороны. Когда мы войдем на западную сторону Юратишска, мы встретим гарнизон полицаев из семидесяти человек. Мы их, чтобы не выдавать себя, не тронем. Обойдем. Там лес подходит совсем близко к городу, это нам на руку.

— Мне нравится этот план,— произнес внимательно слушавший комбрига Волков.— Только хватит ли у нас сил? Ведь у нас всего четыреста десять человек, а в полку СС шестьсот солдат, да и кругом множество немецких гарнизонов.

— Ты говоришь, четырехсот человек мало, а я хочу напасть на полк всего с двумя сотнями человек,— засмеялся Морозов.

— Почему?

— Ты сам говоришь, кругом множество немецких гарнизонов. Когда начнется бой, они безусловно поспешат на помощь полку. По дороге к Юратишску мы устроим большие засады. В засады пойдет половина бригады, а вторая совершит налет на город.

— Это верно,— согласился Волков.

По этому плану в ночь на второе апреля 1944 года бригада «Неуловимых» напала на опорный пункт Восточно-мусульманского полка СС. Беспечно спавший полк СС охватила паника. Только одна рота сразу же оказала сильное сопротивления партизанам. Это была комендантская рота, которой командовал Азимов. С остальными ротами расправились быстро, большинство солдат бежали и скрылись в лесу. Командир полка Биллинг был ранен и вышел из строя.

«Неуловимые» окружили роту Азимова, закрепившуюся в нескольких дзотах.

— Азимов! Сдавайся! Иначе разнесем в клочки,— крикнул Асанжолов и начал ругать его по-киргизски.

Узнав голос старого знакомого, Азимов разозлился. «Если сдамся — верная смерть. Асанжолов, конечно, представил меня партизанам как предателя, как верного слугу фашистов. Кто меня после этого пожалеет. Нет, придется продолжать бой».

С начала схватки прошло полтора часа. Долго задерживаться партизанам было нельзя. Немецкие гарнизоны, прорвавшие засады, спешили к городу. Рота Азимова не собиралась сдаваться, а наоборот, оказывала большое сопротивление. Надо было отходить. Восточно-мусульманский полк СС надолго перестал существовать как боевая единица, а цель операции в этом и состояла.

Бригада «Неуловимых» впервые вступила в открытый бой с крупным подразделением противника и победила. Партизаны, которые до сих пор занимались только диверсиями и мелкими вылазками, почувствовали свою силу, поняли, что теперь они могут вступать в открытую схватку и с крупными вражескими частями.

Таким образом «Неуловимые» не дали возможности Восточно-мусульманскому полку СС вести борьбу з партизанами. Ряды полка резко поредели. Его командиры и солдаты стали группами переходить на сторону партизан. В конце концов полк отозвали из Юратишска, а командира полка Биллинга сняли как не справившегося со своими обязанностями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Под руководством Ольцши институт «Арбайтсгемайншафт Туркестан» в короткий срок проделал значительную работу. Например, отделение географии уже представило проект карты будущей колонии «Большой Туркестан». По этому проекту в «Большой Туркестан» входили Казахстан, Средняя Азия, Татария, Башкирия, Азербайджан, Кавказ, Крым, Синьцзян, Афганистан и Иран. Какая это будет большая колония! Ольцша не был уверен, одобрит ли рейхсфюрер включение в колонию Крыма и Кавказа, но против остальных стран он возражать не будет.

Комиссии, которыми руководили Салимов и Кайгин, в лагерях военнопленных собирали сведения об экономике,

населении, религии и культуре Туркестана. Институт закупил много книг и создал свою библиотеку. Приступили к созданию библиографии по Туркестану, начали составлять немецко-узбекский и немецко-казахский словари...

Ольцша большую часть своего времени отдавал институту. Он уделял много внимания отделению ислама, так как считал, что верующие будут более преданно служить немцам. Их легко сделать противниками советской власти. «Советское правительство — это правительство безбожников. Эти безбожники отобрали у вас мечети и веру. Германская империя с божьей помощью побеждает безбожников. Таким образом, возвратить вам то, что отняли у вас безбожники, можем только мы». Если сказать так, то верующие прислушаются и с оружием в руках выступят против Советов. Или — еще лучше — поднимут тайную войну в советском тылу. Конечно, это лучше, особенно для людей в годах. Ну, что может сделать на фронте немолодой мулла? А в советском тылу он сможет направить против большевиков сотни и тысячи верующих. Вот где резерв для германской разведки!

И Ольцша решил, что следует готовить из числа мулл мастеров идеологической диверсии, способных разложить советский тыл. Для этого надо открыть при отделении ислама специальную «мулла-шуле». Фантазия доктора-разведчика разгоралась. Дом, где разместится «мулла-шуле», надо перестроить в мусульманском стиле, чтобы даже архитектура способствовала обработке учащихся. Он должен стоять отдельно, вдалеке от других зданий. В нем слушатели школы будут и учиться и жить. Выпускать их на улицу не следует — странные люди, голова которых обмотана чалмой, могут вызвать неуместное любопытство обывателей, и тайна «мулла-шуле» будет раскрыта преждевременно. Ну, а программу и срок обучения уточним позднее в зависимости от состава первого набора...

Идея Ольцши пришлась по вкусу и Грефе и Шелленбергу, и доктор приступил к ее осуществлению. Он нашел в Дрездене красивый дом с садом — на Блазевитц Лотрингербер, 2.

Проконсультировавшись в азиатском отделении Берлинского музея об оформлении дома как снаружи, так и внутри в мусульманском стиле, Ольцша заключил договор с двумя архитекторами. Чтобы составить учебную программу, связался с Берлинским университетом. Начал искать под-

ходящих преподавателей для курсов и таким образом встретился с профессором Галимжаном Идриси.

Ольцшу привлекало в биографии Галимжана то, что тот был проповедником среди пленных мусульман в Германии еще в первую мировую войну, и то, что он вместе с Чокаевым в 1941 году совершил агитационную поездку по лагерям. Есть, конечно, в его биографии и одно большое пятно. Если бы не это, старик был бы вообще незаменимым человеком. А так он побывал в руках у чекистов и кто знает... Но все-таки, приняв во внимание безупречную последующую жизнь Галимжана, Ольцша пригласил его на курсы в качестве старшего преподавателя. Галимжан не хотел бросать службу в министерстве иностранных дел и на радиостанции, занимавшейся передачами для Турции. Он согласился работать в «мулла-шуле» только по совместительству. Ольцша был вынужден согласиться с условиями Идриси. Так как Галимжану теперь нужно было работать и в Берлине и в Дрездене, а он не в состоянии был ездить ежедневно в Дрезден, Идриси попросил разрешения использовать своего сына Ильдара как помощника. Ольцша не возражал, Довольный этим, Идриси обещал принести из собственной библиотеки пособия, нужные для обучения муллы.

Когда отделка дома была закончена, Ольцша решил выбрать из состава Туркестанского легиона и полка СС священников и людей, которые разбираются в делах веры, и вызвать их для учебы.

Теперь не только Ольцша, но и руководители шестого управления стремились побыстрее пустить в ход «мулла-шуле». Обо всех делах, связанных с курсами, Ольцша должен был докладывать начальству. Однажды, когда он прибыл к штандартенфюреру Грефе для очередного такого доклада, между ними произошла весьма интересная беседа. Вернувшись от шефа, Ольцша немедленно вызвал Феннера.

— Есть ли вести от Кокпаева? — спросил Ольцша, сразу же приступая к делу.

— Есть,— кивнул Феннер.— Неважные. Недавно получили радиограмму: батареи радиопередатчика садятся, слышат плохо. Не знаю, что будет дальше.

— Да, это скверно,— задумавшись произнес Ольцша.— Ну, а как вообще у них положение?

— Положение у них хорошее,— медленно, тщательно обдумывая ответ проговорил Феннер.— Кокпаев ежемесячно передает пять-шесть радиограмм. По сообщениям, все они устроились неплохо. Кокпаев и Рамазанов живут в Гурь-

еве, Залин — в Актюбинске. Основное направление деятельности у них верное. Недавно Кокпаев привлек к нашей работе одного человека из Гурьева, некоего Нурланова. Кокпаев считает, что это надежный человек. С его помощью они тайно распространяют среди населения листовки и экземпляры отпечатанного у нас корана. Кокпаев сообщил в одной из последних радиограмм, что их запас кончается. Мне кажется, что почти каждый казах жаждет получить коран, это очень набожный народ...

— Вот, вот. Это для нас очень ценное сообщение,— зацепился за эти слова Ольцша.

Он с жадностью хватался за любое сообщение о религиозности туркестанцев. Как это бывает с людьми, оказавшимися в плену придуманной ими предвзятой схемы, опытный разведчик Ольцша уже не мог объективно подходить к информации и подсознательно выбирал из нее только то, что лило воду на его мельницу.

— Люди Кокпаева, посещая аулы, встретили двух дезертиров из Советской Армии,— продолжал Феннер.— По словам дезертиров таких, как они, много. Все они бродят недалеко от Аральского моря. Кокпаев дал этим двум дезертирам деньги и нужные документы и послал их связаться с их друзьями у Аральского моря. Сейчас их ждут назад. Если Кокпаев сможет использовать шайки дезертиров для выполнения наших заданий, то он сумеет совершить множество неприятных для большевиков дел.

— Нам никак нельзя терять связь с Кокпаевым. Пошлите в Гурьев двух-трех человек, чтобы они передали ему новую радиоаппаратуру.

— Это я сам думал. Я два раза посылал радиограммы Кокпаеву, что собираюсь направить ему помощь. Он отвечал: пока подождите, устроимся получше, тогда и примем. Тем не менее на всякий случай я запросил у него адрес этого Нурланова. Вот его адрес,— Феннер достал из кармана блокнот и открыл его. — Гурьев, улица Саркандская, дом № 48.

— Очень хорошо!— удовлетворенно произнес Ольцша.— Подбирайте группу из трех людей. Скоро я приеду в ваш лагерь. Мы вместе побеседуем с ними. Только запомните: хотя бы один из этих троих должен быть из числа друзей Кокпаева.

— Хорошо.

— Ну а теперь передайте Кокпаеву такое задание...

Феннер достал из кармана ручку и приготовился записывать в блокнот, что лежал перед ним, указания шефа.

— Пусть сообщит следующее: каким образом решаются в Казахстане и Средней Азии проблемы вероисповедания. Правда ли, что большевики разрешили открывать церкви и мечети. Если правда, то ведется ли сейчас антирелигиозная агитация. Есть ли в Казахстане управление, которое руководит делами мусульманской веры, и кто его возглавляет. Какое влияние оказывает на верующих Казахстана ташкентский муфтий? Народные комиссары Казахской республики — фамилия, имя, национальность.

Феннер записывал вопросы в свой блокнот.

— Ответы на эти вопросы будут полезны для института «Арбайтсгемайншафт Туркестан»,— Ольцша встал, давая понять, что разговор окончен.

2. Штандартенфюрер Грефе одобрил решение Ольцши поехать в лагерь в Зандберге и посоветовал ему быстрее отправляться. Ольцша оставил остальные дела и следом за Феннером прибыл в Зандберг. В этот лагерь Феннер перевел разведшколу из Бердянска, когда немецкая армия стала оставлять Украину.

— Я нашел подходящих трех человек, — похвастался Феннер в канцелярии, куда он повел своего шефа сейчас же, как только тот приехал.

— Каких? — нетерпеливо воскликнул Ольцша.

Феннер предложил ему листок бумаги.

— «Капалаков Адам,— начал читать Ольцша.— Родился в 1914 году, место рождения — Алма-Атинская область, казах, образование среднее, окончил механический техникум. 22 июня 1941 попал в плен, в марте 1942 вступил в Туркестанский легион, в августе дал согласие работать в германской разведке, окончил в Освице курсы радистов в разведшколе. В апреле 1943 года был послан в резерв Туркестанской роты СД. Три месяца он работал шофером и возил командира роты, принимал участие в бою против советских войск около Таганрога. За хорошую службу получил звание унтер-офицера немецкой армии. В августе 1943 года вместе с ротой СД прибыл с фронта в Зандберглагерь...»

— В Освице он дружил с Кокпаевым,— пояснил Феннер, когда тот прочитал бумагу.— В апреле 1943 года я перевел школу в Бердянск, а Капалакова отправили на фронт. С тех пор он не встречался с Кокпаевым.

— Хорошо, посмотрим,— произнес Ольцша, не выказывая пока своего мнения.— Ну, а другие двое, что это за люди?

— Эти двое моложе Капалакова. Один из них вместе с Капалаковым закончил школу в Освице, а второй был командиром роты в Туркестанском легионе, получил звание лейтенанта германской армии. С августа 1943 года находился в Зандберглагере.

— Вызовите кого-нибудь из них, поговорим!—приказал Ольцша.

Феннер вызвал Капалакова. В канцелярию вошел человек среднего роста с почерневшим от загара лицом и плоским носом. Феннер познакомил шефа с вошедшим.

— Садитесь!— произнес Ольцша, указывая на ближний к его креслу стул.

Капалаков сел и с улыбкой спросил, вытаскивая из кармана сигарету: «Разрешите?»

— Курите,— сказал Ольцша, ничем не выдавая, что это показалось ему неумной наглостью.— Вы не забыли Кокпаева? — спросил он и через силу улыбнулся собеседнику.

Капалаков прикурил и ответил:

— Нет, не забыл. Зачем мне его забывать, ведь это мой хороший товарищ! А что, с ним что-нибудь случилось? Он здоров?

— Совершенно здоров. Он выполняет ответственное поручение германской разведки в тылу Советов и проявляет при этом мужество и героизм. Его ожидает большая награда, деньги.

— Хорошо!— причмокнул губами Капалаков.

— Если мы вас пошлем к Кокпаеву, вы пойдете? — спросил Ольцша, считая, что для вопроса наступил подходящий момент.

— Конечно, пойду! Что я хуже Кокпаева!— ответил Капалаков, выпятив довольно узкую грудь.

— Разумеется, не хуже, поэтому мы к вам и обращаемся.

— Пойду. Отправляйте!— прямо сказал Капалаков.

— О! О! Да вы, оказывается, герой!— произнес Ольцша, оглядываясь на Феннера.

— Я же вам говорил!— воскликнул тот.

— Если так, то отправим,— объявил Ольцша свое решение.— Но вам надо найти себе двоих товарищей, которые пойдут в советский тыл вместе с вами.

— Я сам должен их найти?

— Да, вы должны сами найти. У нас много подходящих людей, и мы можем любого из них вам дать. Однако, если вы сами их выберете, то, мне кажется, вы будете себя увереннее чувствовать.

Капалаков притушил сигарету и задумался.

— Если так, то выбирать мне особенно нечего. Дайте мне тех двоих, которых знает господин Феннер. Я доверяю им, они мне. Втроем мы выполним любое задание,— смело ответил он.

Феннер выразительно посмотрел на Ольцшу. Он чувствовал, что блестяще выполнил задание и старался, чтобы шеф не забыл от этом.

— Откуда вы знаете, пойдут они или нет? Может быть, не пойдут? — продолжал расспрашивать Ольцша, желая выяснить все досконально.

— Пойдут. Они никогда не откажутся сделать то, что я им скажу.

Ольцша поговорил и с товарищами Капалакова, и они показались ему вполне надежными.

— Я всех вас заберу в Дрезден,— сказал им Ольцша.— Лагерная жизнь, наверное, утомила их. Пусть, пока готовятся документы и снаряжение, погуляют по Дрездену, отдохнут и повеселятся на свободе. Это полезно. А после этого отправим их в Гурьев.

3. После возвращения из Берлина Агаев приступил к созданию отряда «Алаш». Когда его численность достигла сорока человек, он получил звание обер-лейтенанта и по приказу ОКВ был отправлен в Италию в город Тольмеццо.

Тольмеццо находится в северо-восточной Италии. Местность гористая. Недалеко от югославской границы в Карнийских Альпах берет свое начало река Тольмеццо, впадающая в Адриатическое море. На берегу этой реки и стоит одноименный город.

Прошло уже более трех месяцев, как отряд Агаева прибыл в Тольмеццо. Отряд охранял мосты и склады, время от времени участвовал в операциях против партизан.

Отряд постепенно рос, теперь его численность достигала восьмидесяти солдат. Это радовало Агаева. «Я создам батальон, а там и дивизию»,— думал он. С разрешения ОКВ он заказал шелковый желтый флаг и особые знаки различия для своего отряда. В середине флага зелеными нитками был вышит ромб, внутри него были изображены белыми нитками полумесяц и звезда, лук и стрела и арабской вязью — слово «Алаш».

— Джигиты! Мы снова держим в руках обновленное знамя «Алаш», как держали его наши отцы и деды, у которых Советская власть выбила его из рук и растоптала. Клянемся, что вдалеке от родины мы будем, не щадя себя, бороться под этим знаменем против большевиков за освобождение казахского нароад. Не успокоимся, пока не установим развевающееся знамя «Алаш» в Алма-Ате, освободив Казахстан от большевиков. Алаш, джигиты!— кричал Агаев, выстроив своих людей в тот день, когда они получили знамя.

— Алаш!— откликнулся отряд.

И находясь в Италии, Агаев не порвал связи со своими товарищами в Берлине, постоянно переписывался с ними. Из переписки он узнал, что Канатбаев вышел из тюрьмы, но тем не менее Каюм-хан не допускает его к работе в комитете, и это страшно разозлило Агаева. В одном из писем Канатбаев сообщал ему: «Каюм-хан собирается 17 января 1944 года созвать съезд туркестанцев. Хочет объявить на съезде программу и состав комитета. Как я слышал, комитет будет состоять из пяти человек: три узбека, один казах и один киргиз. Вот видите, это будет не туркестанский, а узбекский комитет. Боюсь, что такое решение приведет в уныние наших легионеров. Оно, без сомнения, будет на пользу нашим врагам-большевикам, послужит им незаменимым материалом для ведения агитации против нашего освободительного движения. Было бы хорошо, если бы вы прибыли в Берлин в десятых числах января. Напишите свое мнение. Карыс. 28 декабря 1943 года».

Но Агаев при всей своей ненависти к президенту не придавал особого значения его действиям. Пусть делает что хочет. Фронт далеко от Туркестана. «Все равно раньше меня Каюм-хан не попадет в Туркестан. А после того, как я возьму Казахстан в свои руки, Каюм-хан будет подхалимничать передо мной и попадет в зависимость от окружающих его теперь казахских джигитов, таких, как Канатбаев»,— думал он.

Следующее письмо Канатбаева гласило: «Берлин, 17 января 1944 года. Алихан! Обращаюсь к вам с солдатским приветом. С пятнадцатого января я нахожусь в Туркестанском легионе. Завтра, 18-го, я уезжаю во Францию. Кто явился виновником того, что я оказался в легионе, вы знаете. Если бог даст здоровья, я выполню свой национальный долг. Когда я уезжал, Каюм-хана не было, видимо, он «загружен работой» в Париже. Съезд перенесен на более поз-

ний срок. Будьте бдительны. Когда приеду к месту назначения, я сообщу вам адрес легиона. Карыс».

«Ну что ж, — решил Агаев,— чем Канатбаеву сидеть без дела в Берлине, лучше уж ему служить в легионе. Ну, а Туркестанский съезд, будет на то воля аллаха, я и сам открою в Казахстане. Съезд, который Каюм-хан собирается провести за границей, и все его решения незаконны для народа. Только съезд, созванный самим народом, законен. Казахский народ должен поддержать меня...»

Во второй половине марта по приказу абвера Агаев покинул отряд «Алаш» и прибыл со своей основной группой диверсантов в лагерь Люккенвальд. «Скоро будем на родине»,—думал Агаев, но доктор Грайф сообщил, что группа еще долго будет заниматься подготовкой.

— Ну, а как же!.. Ведь вы более четырех месяцев находились в Италии и не занимались тренировкой, а наше дело перерывов в тренинге не терпит. Я уверен, ваши люди уже забыли, как прыгать с парашютом, как пользоваться радиоаппаратурой и взрывчаткой. Если кто-нибудь из вас нечаянно подорвется в тылу врага, как подорвался когда-то ваш этот... Керимбердиев, это может кончиться очень скверно. Нет, мы вас просто так не отправим в тыл врага. Ваши жизни для нас дороги,— объяснил доктор Грайф, увидев расстроенное лицо Агаева.

Таким образом группа Агаева приступила к последним приготовлениям. Ее занятия были похожи на основательную и решительную подготовку армии к наступлению. Двадцать дней гоняли группу немецкие инструктора под руководством доктора Грайфа. Но прошел и этот срок. Собрав нужные документы и снаряжение, диверсанты ждали сигнала отправляться в путь. Неожиданно из Берлина на машине приехали четверо военных.

— О, да это люди из ОКВ! — вполголоса сказал Агаев своим подчиненным, узнав прибывших.

Увидев, что приехали хозяева, лагерное начальство засуетилось. Вечером вызвали руководителей лагеря для доверительной беседы. Вызван был с ними и Агаев со своими людьми.

Лагерный день кончился, люди легли спать. Представители ОКВ, лагерное начальство, группа Агаева — всего человек тридцать — собрались в столовой. На длинном дощатом столе стояли бутылки с водкой, графины с пивом, тарелки с капустой и черным хлебом. Все было очень просто и скромно. Когда все уселись за стол, представитель ОКВ

начальник отдела VI-Ц РСХА Гайнц Грефе встал и поднял стакан с водкой.

— Господа! — начал он, обводя взглядом всех людей, сидевших за столом.— Мы сегодня специально прибыли из Берлина, чтобы попрощаться и сказать слова дружбы уважаемому господину Агаеву, который вместе со своими мужественными джигитами отправляется на родину. Почти за два года вы достаточно подготовились к вашей великой миссии — освобождению казахского народа от большевиков. Ваши немецкие друзья оказали вам всю необходимую помощь. Вы обеспечены всем, что вам понадобится. Готов самолет, который доставит вас в Казахстан.

Ваша основная задача — готовить казахский народ к выступлению против советской власти. Господин Агаев хорошо знает, каким образом следует выполнять эту задачу. Если вы будете точно исполнять все приказы вашего начальника, то этого будет вполне достаточно. Сейчас германская армия готовится к большому наступлению. В тот день, когда в Казахстане начнется народное восстание, германская армия выступит и окончательно разгромит большевиков. Преследуя и уничтожая врага с двух сторон, мы соединимся на западе Казахстана.

Последнее, что я вам хотел бы напомнить, это то, что вам следует быть осмотрительными и не рисковать, когда вы попадете в Казахстан. С первого же дня делайте свои дела скрытно. Те, с кем вы встретитесь, должны принимать вас за демобилизованных солдат Советской Армии. Приказы и поручения господина Агаева вы должны выполнять исключительно точно. Господина Агаева мы знаем хорошо. Это уважаемый нами и мужественный человек. Германское правительство ему полностью доверяет. Поэтому я предлагаю первый тост поднять за здоровье господина Агаева и за то, чтобы его труды увенчались успехом.

Никто не отстал от Грефе, все выпили водку из стаканов. Встал Агаев.

— Я из рода адай,— произнес Агаев, внимательно посмотрев на берлинских гостей.—Это род непримиримых воинов. Я не сомневаюсь, что весь он вместе со мной поднимется с оружием в руках против советской власти. Мы будем взрывать заводы, железнодорожные мосты, склады и другие промышленные предприятия. Этим мы, с одной стороны, помешаем отправлять на фронт оружие и питание, с другой стороны — будем сеять среди народа недовольство, готовить выступление всех казахов. И не только род адай,

но и весь казахский народ, вооружившись, выступит против большевиков. От имени группы я обещаю нашим немецким друзьям, что мы с честью выполним задание германского командования...

Представители ОКВ, слушавшие через переводчика слова Агаева, зааплодировали. К ним присоединились и все остальные.

— Даю слово, что если кто-нибудь из моих спутников захочет нас продать, я пристрелю его на месте. Пусть об этом знают и немецкие друзья,— Агаев посмотрел на свою группу через очки.— Теперь, когда я уже собрался отправиться на родину, я хочу высказать представителям ОКВ одну свою большую просьбу. В городе Тольмеццо остается мой отряд «Алаш». Я прошу ОКВ не оставлять этот отряд без внимания в мое отсутствие и растить его ряды. Когда мы подготовим казахский народ к восстанию, я прошу, чтобы по моему сигналу этот отряд совершил десант на землю моих предков...

Как бы говоря: «Мы это сделаем», Грефе кивнул головой.

— Я хочу этот бокал выпить за наших немецких друзей,— закончил Агаев.

Диверсанты, следившие не только за словами, но и за малейшими движениями лица своего командира, вскочили со стаканами в руках. Немцы тоже встали. Видно было, что они довольны тостом Агаева. Выпив водку и закусив капустой, все сели на места.

— Водки осталось мало, теперь вы пейте пиво,— тихо сказал Агаев сидевшему рядом с ним Бом Бахи, когда немцы, выпив, стали перешептываться друг с другом.

Приказ Агаева быстро обошел всех диверсантов. Джигиты оставили водку и переключились на пиво.

— Можно мне сказать пару слов? — попросил Закиров, когда гомон за столом стал утихать.

— Говори! — приказал Грефе.

Закиров встал с места.

— Я как помощник Агаева хочу выразить немецким друзьям свою благодарность. Я около двух лет обучался радиосвязи. Когда я попаду в Казахстан, то — ручаюсь — налажу хорошую связь и буду своевременно сообщать о результатах нашего труда.

Грефе довольно кивнул. Он оглядел всех сидевших за столом — не скажет ли еще кто? — однако никто больше не поднимался.

— Доктор Грайф! Вы что-нибудь скажете? — спросил Грефе.

— Скажу,— произнес Грайф, поднялся, опираясь на трость, и немного задумался.— Около двух лет мы знакомы с господином Агаевым. За это время я много раз беседовал с ним, понял его политические взгляды, увидел своими глазами плоды его трудов. Я убедился, что самое ценное качество господина Агаева,— это его взгляды на мир. Он глубоко ненавидит советскую власть, преданно, на совесть служит национал-социализму. Мне кажется, это достоинство — порука тому, что группа господина Агаева, попав во вражеский тыл, добьется успехов. Господину Агаеву я абсолютно доверяю. Верю я и всем бойцам его группы. Это тоже люди, которые ненавидят советскую власть. Только национал-социализм дал им свободу и открыл путь к борьбе за свободу их народа. Кроме этого я заметил еще одну вещь — то, что все бойцы группы глубоко уважают господина Агаева. Я верю, что в какое бы трудное положение они ни попали, они точно выполнят поставленную перед ними задачу. Я в этом не сомневаюсь. Я надеюсь, что мой двухлетний труд не пропал даром, и рад, что я тоже внес свою лепту в дело построения будущей счастливой жизни казахского народа.

Люди Агаева зааплодировали. К ним присоединились представители ОКВ и лагерное начальство. Довольный Грайф сел на место.

— Наверное, больше никто не хочет говорить. Ведь солдаты не любят болтовни. Все пожелания высказаны, давайте выпьем,— сказал Грефе и поднял стакан.

Хоть выпивки было не так уж много, но от того, что еды имелось еще меньше, и немцы и диверсанты быстро раскраснелись и забыли условности. Официальная часть вечера закончилась, и столовая наполнилась гомоном.

4. Группа доктора Грайфа и Агаева, погрузив снаряжение в тракторные прицепы, вышла из Люккенвальда чуть свет, а прибыла в аэропорт уже вечером. Заночевали там. На следующий день вылетели в Бухарест. Аэродром находился в пяти-шести километрах к востоку от румынской столицы. Двое военных встретили диверсантов, посадили в машину и повезли на юг — к маленькому поселку, немного южнее Бухареста. Машина остановилась около двухэтажного белого дома, окруженного высоким деревянным забо-

ром. Вокруг дома росли ели и сливовые деревья. Надпись над воротами гласила: «Вилла Габбель».

Один из военных вместе с диверсантами поднялся на второй этаж. Разместив всех, он вместе с Грайфом и Агаевым спустился вниз и провел их в небольшую комнату.

— Когда же мы летим? — задал Агаев вопрос, все время мучивший его.

— Полетите в ночь на третье мая,— сказал Грайф, чуть приподняв брови.

— Значит, мы будем здесь еще четыре-пять дней! —с досадой проговорил Агаев.— Неужели нельзя раньше?

— Да, нельзя. Ты хорошо знаешь, что у большевиков первое и второе мая — праздничные дни. Во время праздника чекисты особенно на чеку и могут вас засечь. А на третью ночь мая никто уже гулять не будет и чекисты станут думать об отдыхе. Как раз в это время вы окажетесь за Гурьевом и выпрыгните в степь.

Это показалось Агаеву правильным.

— Замечательно обдумано! По-немецки! — обрадованно сказал он Грайфу.

На следующий день Агаев, получив разрешение от Грайфа, вместе со своей группой отправился в Бухарест. Вчера с воздуха красивый город, разделенный надвое рекой, очень понравился казахам. Поэтому они обрадовались прогулке. Знакомство с городом начали с левой его половины. Высокие здания банков, магазинов, церквей, красивые театры, гостиницы, памятники притягивали взор. Но скоро они устали ходить и вошли в первый попавшийся ресторан. Чтобы поднять настроение подчиненных, Агаев, прихвативший у Грайфа румынских денег, заказал много напитков и еды.

— Ну, джигиты, гуляйте. Если поможет аллах, вылетим в ближайшие дни. Пока не устроимся поуютнее в Казахстане, свободы у вас не будет никакой,— сказал Агаев, когда официант уставил столы заказанным.

Джигиты выпили и разговорились:

— Ты, парень, если вот так, как сейчас, все время будешь со мной, не пропадешь,— сказал шепотом Куттыбаев сидевшему рядом Мукатаеву.

Мукатаев не понял этих слов и засмеялся, думая, что Куттыбаев шутит. Но Бом Бахи, услышавший шепот Куттыбаева, насторожился.

— Не переживай, пей! Я найду тебе дорогу к твоей матери. Только бы добраться,— продолжал шептать Куттыбаев.

На этот раз Бом Бахи прислушивался уже специально. Слова Куттыбаева показались ему крайне подозрительными. А Куттыбаев не знал о том, что его шепот услыхал Бом Бахи. Расслабленные вином, усталые, джигиты с трудом добрались до виллы Габбель и сразу же начали раздеваться, ложиться спать. Только один Бом Бахи продолжал сидеть и насвистывать мелодию какой-то песенки. Сначала никто не обращал на это внимания, но Бом Бахи и не думал прекращать своего свиста, а всем хотелось спать.

— Хватит тебе, спать хотим,— сказал ему Куттыбаев.

Бом Бахи перестал свистеть. Зато стал напевать и довольно громко:

Эй, девушки-и,
Вы все мне ровесницы.
Больше ничего не скажу,
Догадайтесь сами...

— Ну и человек!— возмутился Куттыбаев и перевернулся на другой бок.

— Что ты сказал? А ну заткнись! — злобно взглянул Бом Бахи на Куттыбаева и запел снова.

— Сам заткнись! — крикнул Куттыбаев, подняв голову от подушки.

— Лежи спокойно, не то морду набью! — зарычал в свою очередь Бом Бахи.

— Ты — мне? — и Куттыбаев вскочил с постели.

Но «певец» не решился ввязываться в драку. Пробормотав что-то вроде «Постой, ты еще меня узнаешь», он вышел. Джигиты, поняв, что Бом Бахи струсил, захохотали, но вскоре угомонились и уснули. Никто не знал, куда ушел свистун и когда он вернулся.

— Джигиты, подъем! Становись! — скомандовал Бом Бахи чуть свет.

Со сна никто не мог понять в чем дело и почему командует Бом Бахи, но тут появился Агаев.

— Скорей в строй! — резким голосом приказал он.

Диверсанты быстро оделись и выстроились в комнате.

— Куттыбаев, выйди из строя! — Агаев в упор посмотрел на джигита.

Куттыбаев сделал шаг вперед и, повернувшись кругом, стал лицом к товарищам.

— Ты что говорил вчера во время выпивки? — спросил Агаев. Спросил тихо, но Куттыбаев увидел, что глаза начальника налились кровью.

Куттыбаев вспомнил свой вчерашний разговор с Мукатаевым, но промолчал. Кто мог донести? Мукатаев? Нет, невероятно. Тогда кто? За Мукатаевым сидел Бом Бахи, он, возможно, расслышал... Да-а, видно так и есть. Жалко. Обидно. Оставался шаг до родины...

— Что ты говорил, спрашиваю? — страшно закричал Агаев.— Отвечай немедленно!

Куттыбаев молчал. «Два года ничем не выдавал себя и вот — в последний день...»

— Будешь отвечать? — вдруг тихо спросил Агаев, вытаскивая пистолет.

«Что сказать? Отрицать нельзя, свидетелем выступит Бом Бахи. Он назовет Мукатаева. Тот может струсить и сказать правду. Начнется расследование. Это может плохо кончиться для всех. Нет уж, пусть лучше я один».

Губы Агаева дернулись от ярости. Он выстрелил. И еще раз. Куттыбаев упал как подкошенный. На звук выстрела в комнату вбежали Грайф и еще один немецкий офицер.

— Обнаружили коммуниста! — сказал Агаев, пряча пистолет в кобуру.— Он задумал выдать нашу группу чекистам.

Грайф и немецкий офицер, ничего не сказав, вышли.

— Вынесите труп! — приказал Агаев джигитам.— Помните, если кто-нибудь захочет предать нас, того ждет такая же участь.

Не глядя, как испуганные диверсанты будут выполнять его приказание, Агаев спустился вниз и подошел к Грайфу.

— Как это получилось, господин Агаев, что в течение двух лет мы не знали о коммунисте в группе? — произнес с упреком Грайф.

Агаев ответил не сразу.

— Я уже говорил вам,— сказал он наконец,— если среди нас обнаружится предатель, я расстреляю его собственной рукой. Он не сможет нам повредить. Не беспокойтесь, господин доктор. Мы не сойдем с нашего пути. Мы поднимем казахский народ и победим большевиков.

— Я в это верю. Но сегодняшний случай требует быть еще более осторожным. Не забывайте об этом.

— Хорошо, господин доктор. Сегодняшний случай станет для меня важным уроком,— произнес Агаев, собираясь уйти.

В это время зазвонил телефон.

— Алло!.. Да, да... Что?! Не может быть!.. Когда?.. При

каких обстоятельствах? Жаль!..— обернулся Грайф к Агаеву.— Штандартенфюрер Грефе погиб в автомобильной катастрофе.

— Грефе! — воскликнул Агаев. — Хороший был человек!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Первое мая тысяча девятьсот сорок четвертого.

Советский народ третий год встречает Первомай в условиях войны...

В 1942 году к 1 мая прошло всего лишь десять месяцев с небольшим со времени начала Отечественной войны. Советский народ встретил этот праздник после замечательной победы под Москвой. Доблестная Красная Армия отбросила врага от столицы Советского Союза, нанесла ему значительные удары под Ленинградом, Ростовом, Калинином, в Керчи.

В 1943 году 1 мая Советская Армия отпраздновала свою замечательную победу в великой Сталинградской битве. Значительная часть территории Советской родины, оккупированная ранее гитлеровцами, к этому дню была очищена от немецко-фашистских захватчиков.

Ну, а в 1944 году армия и народ встречают весенний праздник новыми победами. Советские войска, развивая стремительное наступление, освободили 1350 тысяч квадратных километров советской земли из 1700 тысяч захваченных врагом. Из них 900 тысяч квадратных километров были освобождены за один год — с мая 1943 года по май 1944 года. Таким образом, более трех четвертей советской земли, временно захваченной неприятелем, было освобождено от гитлеровского ига. Передовые части Красной Армии успешно ведут бои в Румынии, на северном берегу реки Серет, в Западной Украине, в восточных районах Эстонии и развивают наступление на запад.

Одной из главных причин решающих побед советского народа и его армии над фашистскими захватчиками является неколебимая братская дружба всех народов советской страны. Торжество мудрой ленинской национальной политики хорошо видно на примере казахского народа, в суровые годы военных испытаний с честью доказавшего свою преданность Коммунистической партии, советской власти.

Созванная накануне праздника VII сессия Верховного Совета Казахской Советской Социалистической республики

первого созыва с гордостью отметила достижения казахского народа и его вклад в Отечественную войну.

С помощью великого русского народа, под руководством великой ленинской партии и советского правительства, говорилось в решениях сессии, всего лишь за двадцать пять лет казахский народ добился расцвета своей экономики и культуры, вместе с другими народами Советского Союза построил могучее социалистическое государство, в союзе с народами-братьями помог увеличить силу нашей доблестной армии.

Пять стрелковых дивизий, созданных в Казахстане, в борьбе с врагом проявили большое мужество и героизм, за что были удостоены звания гвардейских. При обороне Москвы, Сталинграда и Ленинграда, на Украине и в Белоруссии, почти на всех фронтах Отечественной войны постоянно показывали отвагу и воинское мастерство воины-казахстанцы. Около ста мужественных сынов и дочерей Казахстана получили высокое звание Героев Советского Союза.

Сессия Верховного Совета постановила создать в Казахской Советской Социалистической республике союзно-республиканский Народный комиссариат обороны и Народный комиссариат иностранных дел. Такие же решения были приняты и в других братских республиках.

Создание национальных армейских подразделений, являющихся составной частью Советской Армии, установление прямой дипломатической связи с иностранными государствами, расширение прав союзных республик, и в том числе Казахской Советской Социалистической республики, показывали в первую очередь монолитность нашего многонационального госудаства.

«... Царское правительство избегало брать людей в свою армию из таких народов, как казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы. Это правительство не доверяло народам своих колоний. Да и эти народы не желали отдавать своих сыновей в солдаты, так как они знали, что в то время Россия держала эти народы под гнетом. По этой причине в 1916 году, когда призвали казахов на тыловые работы, они выступили против власти царя.

Сегодня положение совершенно иное. Сегодняшняя армия — это армия народа. Она защищает социалистическую Родину, ее независимость. Советские народы, совместно построившие социалистическое государство, борются за свое счастье и несут освобождение порабощенным народам Европы». VII сессия Верховного Совета Казахской республики

еще раз показала торжество национальной политики советской власти.

Гитлеровские политиканы рассчитывали, что дружба народов Советского государства не выдержит сурового экзамена войны, что их союз распадется, и братья подымутся друг против друга. Тщетными оказались эти коварные надежды, битыми — крапленые карты фашистских демагогов. Советские люди, независимо от того, к какой национальности они принадлежат, в едином строю встали на защиту Родины, считая это своим святым долгом. Отечественная война не разрушила их единства, наоборот, ее пламя закалило это единство, из кузницы войны дружба наших народов вышла крепкой как сталь.

2. Жители Гурьева крепко спали после двух дней майского праздника. Свет в домах потушен. На улицах тишина. Пожалуй, кроме чекистов, работников милиции и дежурных на некоторых предприятиях, которые, не сомкнув глаз, охраняли государственную безопасность, народное достояние и покой населения, никто не бодрствовал в эту ночь...

В Гурьевском областном управлении Народного комиссариата государственной безопасности дежурила группа офицеров. Очередной оперативный наряд возглавлял заместитель начальника отдела старший лейтенант Константин Константинович Шармай. Несмотря на ночь, чекисты были готовы ко всему. Время от времени они выезжали на наиболее крупные промышленные предприятия или звонили туда дежурным, проверяя состояние охраны. Если бы появился вражеский агент с намерением совершить какую-нибудь подлость, нарушить праздничное настроение народа и его ночной покой, ему трудно было б проникнуть на завод, фабрику, в мастерскую. Если возникнет опасность, то оперативный наряд тотчас же примет срочные меры.

Когда завершился обход предприятий, Шармай стал играть со своим помощником Шариповым в шахматы.

— Не думай так долго, ты не Ботвинник,— смеясь торопил Шармай помощника, когда тот надолго задумывался.

Шарипов наконец передвинул фигуру. Шармай тут же двинул свою.

— Ой, что это?!— испуганно воскликнул Шарипов.

— Это мат!— засмеялся Шармай.

Из репродуктора полились звуки девятой симфонии

Бетховена. Шармай неслышно подошел к приемнику и сел около него. Несколько минут он наслаждался музыкой. Произведение великого композитора, посвященное потомкам, воспринималось сейчас как победный гимн свободного народа. Множество голосов, присоединившихся к оркестру и певших «Оду к радости» Фридриха Шиллера, как будто окружали слушателя. Музыка зачаровывала и поднимала.

Мелодию прервал телефонный звонок.

— Алло! Гурьев? Кто это?

— Гурьев, ответственный дежурный управления НКГБ Шармай.

— Привет, сосед!

— Привет!

— С праздником!

— Спасибо! И вас также!

— Говорит дежурный Астраханского управления НКГБ,— продолжал голос.— Сейчас пролетел над Астраханью неизвестный самолет. Он направляется к Гурьеву. Следите, самолет может оказаться вражеским.

— Спасибо за сообщение!

— Будьте здоровы!

— До свиданья!

Положив телефонную трубку, Шармай задумался. Он решил было сразу же сообщить о звонке из Астрахани начальнику управления, но, поразмыслив, позвонил сначала в аэропорт.

— Кто это?

— Дежурный по аэропорту Степанов.

— Это звонит ответственный дежурный управления госбезопасности Шармай. Ждете ли вы сегодня самолет со стороны Астрахани?

— Нет. Сегодня ниоткуда самолетов больше не ждем. Все, какие мы ожидали, давно уже прибыли.

— Интересно! Мы получили сообщение, что со стороны Астрахани в сторону Гурьева летит неизвестный самолет. Вы наблюдайте за прибытием этого самолета. Если прибудет, сообщите нам.

— Хорошо,— ответил дежурный по аэропорту.

Действительно интересно, что среди ночи в сторону Гурьева летит неизвестный самолет, а аэропорт его не ждет. Теперь, хоть и жалко будить начальство среди ночи, а звонить необходимо.

— Товарищ подполковник! Извините, что нарушил ваш покой, это Шармай. По сообщению Астраханского управ-

ления НКГБ, в сторону Гурьева летит неизвестный самолет. В Гурьевском аэропорту нет никаких сведений об этом самолете. С дежурным по аэропорту мы договорились о наблюдении за приближающимся самолетом. Теперь я хочу предупредить районные отделения.

— Хорошо, звоните в районы. Я сейчас приду,— сказал начальник управления.

Шармай и его помощники быстро связались с районами. Разбудив начальников районных отделений, они поручили им наблюдать за приближением неизвестного самолета. Они успели уже переговорить с большей частью районов, когда пришел начальник управления Иван Михайлович Гончар.

Украинец по национальности, Гончар родился и вырос в Казахстане, в семье железнодорожного рабочего. Возраст его приближался к сорока годам. И начальству и подчиненным были известны его серьезность, вдумчивость, выдержка. Иван Михайлович пользовался заслуженным авторитетом. В 1942 году он был членом Государственного комитета обороны, организованного тогда в Гурьеве в связи с приближением к границам республики и области линии фронта.

Шармай вошел вместе с Гончаром в кабинет начальника. В эту минуту, словно увидев их приход, зазвонил телефон.

— Алло! Это управление НКГБ? — торопливо произнес кто-то.

— Да,— ответил Гончар.

— Я дежурный по аэропорту Степанов. Только что, в два тридцать, я видел неизвестный самолет, который облетел Гурьев и направился в сторону Форта Шевченко.

— Спасибо, товарищ Степанов. Если возможно, постарайтесь определить, что это за самолет.

— Хорошо!

Гончар сразу же по прямому проводу вызвал Москву и переговорил с ответственным дежурным союзного наркомата. Он попросил узнать через главное управление воздушного флота есть ли самолет, который в ночь со второго на третье мая летит через Астрахань на Гурьев, и если есть, то узнать номер его рейса и командиров. Через час после этого снова позвонили из аэропорта.

— Управление НКГБ? Это Степанов. Я снова видел этот самолет в четыре пятнадцать. Самолет облетел Гурьев с южной стороны и полетел в сторону Астрахани. Он летит на высоте 1500 метров.

— Возможно, это другой самолет? — спросил Гончар.

— Нет, это тот самый. Самолеты, которые летят в сторону Астрахани через Гурьев, останавливаются у нас. Ну, а этот пролетел без остановки.

Поблагодарив дежурного по аэропорту и положив на место телефонную трубку, Гончар расстелил на длинном столе карту Гурьевской области.

— Степанов заметил самолет в два тридцать. Так? В четыре пятнадцать он увидел, что самолет возвращается. Если так, то на полет самолета на восток от Гурьева и на возвращение его ушло час сорок пять минут. Половина этого времени, надо думать, затрачена на полет туда, а половина — на возвращение. Следовательно, путь самолета на восток от нас занял всего пятьдесят-пятьдесят пять минут. За пятьдесят пять минут самолет не смог бы вылететь за пределы Гурьевской области. Он возвратился с территории нашей области,— рассуждал Гончар.

— Да, да. Похоже, что это вражеский самолет,— сказал Шармай, соглашаясь с мыслями начальника.

Пока они смотрели на карту и думали, опять зазвонил телефон. Звонил ответственный дежурный из Москвы. Он сообщил, что в ночь со второго на третье мая через Астрахань и Гурьев в Казахстан или в Среднюю Азию не было послано ни одного самолета.

— Теперь можно с уверенностью сказать, что это вражеский самолет,— произнес Гончар, переговорив с Москвой.— Теперь нельзя терять ни минуты. Соберите людей по этому списку. Приготовьте в Алма-Ату короткую шифрованную телеграмму.

Когда Шармай выходил из кабинета, начальник управления заметил, что уже наступило утро. Он подошел к окну, отдернул занавеску и увидел первых прохожих. Они торопятся на работу, спешат стать на рабочие места, чтобы своим трудом помочь фронту приблизить победу. Они не подозревают, что приближается опасность. И пусть не подозревают. «Счастливого пути, работайте и ни о чем не беспокойтесь, мы преградим путь врагу!» — мысленно говорил Гончар, провожая взглядом рабочих, шедших по улице.

— Иван Михайлович!— произнес Шармай, возвращаясь в кабинет.— Пришли вести из районов. Самолет прошел через районы Тенизский, Новобогатинский, Макатский и Жилокасинский. Есть люди, которые видели и слышали его. Колхозники из Жилокасинского района, находившиеся

на берегу Эмбы, заметили самолет, когда он возвращался по направлению от местечка Акмечеть.

— Правильно,— произнес Гончар, отмечая красным карандашом на карте места, где пролетал самолет.— Теперь сужается область, в которой надо искать парашютистов. Скорей всего они опустились в Жилокосинском районе. В этот район нужно послать группу. Работники собрались?

— Собрались.

— Пусть войдут!

Узнав от дежурных о том, для чего их вызвали в такую рань, оперативные работники, ожидая приказа о выступлении, сидели наготове.

— Товарищи!— начал Гончар, когда прибывшие расселись вокруг стола.— Вы наверное, уже слышали, что ночью, в два тридцать, неизвестный самолет пролетел через Гурьев на восток. Через пятьдесят минут он возвратился со стороны Жилокосинского района. По сообщениям из Москвы в прошлую ночь в сторону Гурьева не было послано ни одного советского самолета. Если так, то, значит, прилетал в нашу область вражеский самолет. Понятно, что просто так враг не пошлет самолет. По нашему мнению, враг где-то в Жилокосинском районе в три тридцать выбросил парашютный десант. Сейчас пять часов. После высадки десанта прошло что-то около полутора часов. Враг не смог далеко уйти, даже если он двинулся с места высадки, то пока еще находится где-то в Жилокасинском районе. Наша задача в ближайшее время обезвредить и задержать вражеский десант в районе высадки. В гараже ждет машина, выезжайте сейчас же.

— Товарищ подполковник!— встал Шармай.— Разрешите мне отправиться с этой группой.

— Разрешаю. Поручаю вам возглавлять группу! По прибытии в райцентр свяжитесь с партийными и советскими органами, ищите врага вместе с районным активом! Не попадайте в ловушку, будьте бдительны!— давал Гончар последние наставления.— Товарищ Шармай! Постоянно сообщайте нам обо всем!

3. Тридцать семь парашютов раскрылось там, где немецкий самолет повернул на запад. Если бы кто-нибудь увидел их, когда они опускались на землю, то мог бы подумать, что высадился целый взвод десантников. В действительности же

выпрыгнуло всего семь человек — остальные остались в Бухаресте и прибудут позднее. На остальных тридцати парашютах — груз: мешки, ящики, бочки...

Десантники легко приземлились на песок. Кто знает, может, это от того, что здесь песок, но в Германии, сколько ни прыгали, никогда не удавалось так легко приземлиться. Освободившись от парашюта, Агаев осмотрелся. Во время падения и полета его глаза уже привыкли к темноте. Вокруг кучками лежал груз. Джигиты собирали свои парашюты.

— Эй вы, приземлились, так идите сюда! — приказал Агаев.

Все приземлились удачно и оказались рядом друг с другом. Услышав голос главаря, они быстро собрались.

— Все? — спросил Агаев, внимательно всматриваясь в джигитов.— Ну как, руки-ноги целы?

— Вроде бы целы,— ответил за всех Закиров.

Агаев присел.

— Ну, джигиты, отдыхайте до утра! Когда рассветет, соберем груз.

Долгий и опасный перелет из Бухареста до Гурьева утомил людей, и поэтому они сразу же уснули на мягком песке.

Когда наступило утро, семеро приступили к розыску сброшенного груза. Вскоре найденные мешки и ящики составили изрядную гору.

— Не собирайте все в одну кучу. Размещайте в различных местах,— приказал Агаев.

Люди разбрелись в разные стороны. Радист Мукатаев догнал Оспанова и пошел рядом с ним. Помолчав, негромко проговорил:

— Кем-то сказано: «Пока в сознании, найди Родину». Эх, наступят ли дни, когда мы дойдем до родного порога!

— Если хочешь дойти, то дойдешь! Ведь твоя Западно-Казахстанская область рядом с Гурьевской. Ты приблизился к порогу своего дома. Мне надо горевать — мне далеко.

— Э, разве Акмолинск — это далеко. Мы добрались до Гурьева через Италию и Германию. Теперь дойти до Акмолинска — это не проблема. Вопрос, как мы туда дойдем, какими дойдем, чем вообще кончится наше дело.

— Да, да. Впереди туман. Неизвестно, о какой утес разобьется наш корабль,— согласился Оспанов.

Как заметил Мукатаев, Оспанов был в группе одним из

тех, кто искренне тосковал по родине. Видимо, он согласится, бросив Агаева, бежать. Однако радист не стал сразу же раскрывать своих тайных планов. Сейчас приходилось быть особенно осмотрительным. Если Агаев догадается о его мыслях, то недолго отправиться следом за Куттыбаевым. Кому будет польза, если умрешь, уж попав на родную землю.

— У меня из головы не выходит покойный Куттыбаев!— произнес Мукатаев.— Бедняга попал в могилу перед дорогой на родину. Что бы он стал делать, останься он жив?

— Он был умный человек. Если бы он остался жив, то нашел бы выход из положения. Он бы действовал энергично, не так как мы, он посоветовал бы нам, как избавиться от Агаева.

— Это ты верно говоришь! Давай прекратим играть в прятки. Скажи откровенно, о чем ты думаешь, что намерен предпринять? А меня не бойся, я никому не скажу.

— Если откровенно — то собираюсь бежать. Настало время разойтись с Агаевым в разные стороны. Ну, а ты?

— Я тоже так думаю,— признался Мукатаев.— Но нам нужно быть осторожными. Смотри, держи язык за зубами.

Подумав о том, что их могут заметить вдвоем и это вызовет подозрение, Мукатаев и Оспанов разошлись. Солнце уже поднялось достаточно высоко. Начало припекать. «Эх, если бы было где выкупаться»,— подумал Мукатаев. Он вспомнил реку Урал, где плавал в детстве, ее прохладную волну...

— Кончайте работу, собирайтесь!— крикнул Агаев, пересчитав тюки.

Джигиты поели, закурили, улеглись на песке. Но Агаев тут же приказал Мукатаеву и своему заместителю Закирову готовить радиостанцию. Время уже перевалило за одиннадцать.

Мукатаев вскрыл ящик, в котором находилась радиостанция, и не удержался от восклицания.

— Что случилось? — подбежал Агаев.

— Сломался.

— Что?

— Приемник.

— Что же теперь делать? — оторопело спросил Агаев.— Значит мы не сможем передать сообщение?

— Почему же. Без приемника мы сможем передать сообщение. Однако сами мы ничего не сможем принять,— сказал Закиров.

— Э, тогда ничего, нужно было сразу же так и сказать!—

успокоился Агаев.— Передай доктору Грайфу такое сообщение: «Приземлились успешно, ждем вторую часть группы, приемник вышел из строя. Вышлите с Бом Бахи приемник. С приветом обер-лейтенант Агаев».

4. Одетые в гражданскую одежду, подполковник Гончар и старший лейтенант армейской контрразведки «Смерш» вышли из управления НКГБ, когда на улице уже стемнело. Старший лейтенант нес маленький черный чемодан.

Вечерняя прохлада хорошо освежала, делала путь короче. Гончар, уставший за день от жары и духоты, желая подольше попользоваться прохладой, шел не торопясь. Пройдя порядочное расстояние, они свернули на Саркандскую улицу. Глаза у них уже привыкли к темноте. Никого не видно. Абсолютная тишина. Ускорив шаг, подошли к низенькому дому под номером сорок восемь. Вошли во двор. Старший лейтенант постучал в окно условным стуком.

— Нурланов!— шепнул он Гончару, узнав по шагам хозяина дома.

Дверь открыл лысый, маленький и коренастый человек.

— Жилец дома? — спросил Гончар, поздоровавшись и закрыв за собой дверь.

— Дома. Проходите!— шепотом ответил Нурланов.

Гончар и старший лейтенант прошли во вторую комнату. Их с радостью встретил друг Залина Рамазанов.

Когда в конце августа 1943 года Феннер послал три группы разведчиков со шпионскими заданиями в Тенизский район Гурьевской области, последней вылетела группа Кокпаева. С помощью товарищей Залин все-таки убедил Кокпаева отказаться выполнять задания германской разведки и привел группу из пяти человек к чекистам. Залин же спросил прежде всего, явились ли Сальментаев, Казтанов и Торегенов? «Да, пришли»,— ответили чекисты. «Сами пришли?»—«Да, сами». У Залина свалился камень с сердца. Значит, товарищи не подвели, все они выдержали трудное испытание и остались советскими людьми. Двадцать три человека забросили гитлеровцы в советский тыл с важными заданиями. Сколько вреда могли бы принести двадцать три шпиона! Но немцы просчитались, и ни один из советских военнопленных не стал предателем.

Внимание чекистов привлек друг Залина Рамазанов. «Ну, а теперь что будем делать с разведчиками, которые ос-

тались у Феннера?» — обратились они к нему с вопросом. Рамазанов растерялся, не знал, что ответить. «Вызовем их сюда!» — объяснили чекисты. «Как?!» — удивился Рамазанов. «Вы сообщите по рации Феннеру, что успешно прибыли и приступили к выполнению задания. Посмотрим, как поступит Феннер». Рамазанов понял, что ему оказывают большое доверие. Он с готовностью приступил к делу. Связавшись с Феннером от имени Кокпаева, он обменялся сообщениями. Вскоре Феннер сам запросил о возможности присылки новых людей. Однако немедленное согласие могло насторожить опытного разведчика. Феннеру сообщили, что принять пополнение возможно, но следует несколько подождать, пока люди из прибывших групп лучше устроятся.

Решение оказалось верным. Немецкая разведка поверила сообщениям и стала давать группе Кокпаева новые задания. Рамазанов видел, что его тайный труд приносит пользу...

— Ну, какие у вас новости? — спросил Гончар, здороваясь с Рамазановым.

— Никаких новостей нет. Работаем,— с улыбкой отвечал радист.

— Странно, что у вас их нет. У нас-то новости есть...— Гончар погладил лысину.

Рамазанов затаил дыхание. Гончар сообщил о самолете, который пролетал в ночь со второго на третье мая над Гурьевской областью.

— Было бы хорошо, если бы оказалось, что эта группа, которую выслал нам на помощь Феннер,— произнес Рамазанов, подумав.— Если это так, то они наверняка будут искать нас, ведь они знают адрес.

— Погоди!— произнес Гончар.— Ну-ка берись за рацию и попробуй связаться с Феннером. Посмотрим, что он скажет.

Старший лейтенант откинул крышку своего черного чемодана. Под крышкой оказалась портативная рация немецкой конструкции. Прочитав текст радиограммы, составленной чекистами, Рамазанов начал выстукивать позывные своего адресата.

«Ти-ти-ти, ти-ти-ти»,— пищала рация, когда Рамазанов нажимал на ключ.

Быстро передав короткую радиограмму, он стал ждать ответа Феннера. Но молчание эфира не нарушалось ничем. Все задумались. Как это так? Прошло три дня с тех пор, как ушел самолет. От Феннера нет никаких сообщений. Может

быть, немцы, не сообщив десантникам, специально послалı группу для проверки?

— Не приходил ли кто-нибудь вчера-сегодня, разыски вая вас? — задумчиво спросил Гончар.

— Никто не приходил,— Рамазанов покачал головой

Посоветовав Рамазанову быть осторожным, Гончаן вышел в переднюю.

— Запомните, товарищ Нурланов, если кто-нибудь при дет и спросит вашего жильца, то не спугните этого челове ка...— сказал Гончар хозяину дома.

Нурланов, которого немецкая разведка считала «помощ ником Кокпаева», на самом деле был честным человеком оказывающим помощь советской разведке.

5. Самолет, вылетев из Бухарестского аэропорта, борясı со встречным ветром, достиг квадрата, в котором три дн назад был выброшен Агаев. По договоренности Агаев дол жен был встретить второй самолет, разжечь костер. Однакс внизу не было видно огня, а время шло.

Замигала электрическая лампочка — это экипаж торо пил диверсантов, подавая команду: «Прыгайте!». Бом Бахı сбросил тюки, прикрепленные к парашютам, и сам выпрыг нул в темноту из самолета. Остальные шестеро без задерж ки прыгнули друг за другом.

Когда самолет уже сбросил парашютистов и начал раз ворачиваться, то экипаж увидел огонь. Но в это врем группа Бом Бахи уже приземлилась, поэтому диверсанть не увидели костра, зажженного Агаевым. «Если Агаев слы шал гул самолета, то он сам нас найдет»,— решил Бом Ба хи, когда парашютисты приземлились и собрались вместе

— Если хотите спать, ложитесь!— сказал он уставшим джигитам.

Каждый заснул там, где сидел. Один только Бом Бахи тс засыпал, то просыпался, боясь, что если подойдет Агаев ı застанет его спящим, то будет ругать. «Ну, а если Агаев не знает о нашем прибытии? Что тогда мы будем делать? Най дем ли мы его? А если не найдем, тогда как? Сможем ли мы сами без Агаева выполнить задание немецкой разведки?» — с сомнением думал Бом Бахи. До сегодняшнего дня он, так же, как и Агаев, верой и правдой служил фашистам, но, ока завшись в советском тылу один без своих хозяев, он начал трусить. «А если мы попадем в руки чекистов?» — растерян но думал он. Бом Бахи лихорадочно искал выход и прики дывал, как бы в любом случае остаться живым. Вдруг ему

пришел в голову один план. Он показался Бом Бахи настолько удачным, что он успокоился и заснул. А утром, когда все проснулись, подошел к сидевшим отдельно Жарасу Бастаубаеву и Садыку Калиеву.

— Я хочу побеседовать с вами начистоту,— начал он.— Не бойтесь меня. Думаю я совсем иначе, чем говорил в плену. Моя активность у немцев была лишь военной хитростью. Думаю, что и вы таких же мыслей. Поэтому я предлагаю: пойдем все трое в органы, скажем всю правду. Может, нас и простят.

Как говорят, «если суметь поджечь, то и снег вспыхнет». Бастаубаев и Калиев чуть было не поверили Бом Бахи.

— Хорошо, ведь вы наш вожак, ведите, мы за вами пойдем,— ответили они.

— Втроем уйдем или еще кого-нибудь прихватим? — начал допытываться Бом Бахи. Ему хотелось выяснить, нет ли сговора о побеге между людьми группы.

Заметив, что Бом Бахи кто-то хитрит, Бастаубаев и Калиев замолчали.

— Хорошо, тогда убежим втроем. Когда дойдем до ближайшего аула, то сообщим об остальных. Пусть их ловят и судят,— сказал Бом Бахи. Он рассчитывал, что теперь-то эти двое, пожалев своих товарищей, назовут тех из них, кто готов принять участие в побеге. Но Жарас и Садык не раскрыли рта. Тогда Бом Бахи со злостью сказал им:— Не вздумайте говорить об этом кому-нибудь!

Хотя Бастаубаев и Калиев не поддержали идею побега, но стало ясно, что они не хотят выполнять поручение немецкой разведки. Даже сбегут, если будет возможность. «Как это за два года мы не узнали их мыслей! А теперь я должен вместе с ними идти навстречу опасности»,— думал Бом Бахи.

— Вы собирайте тюки, а мы вместе с Альжаном осмотрим местность,— сказал Бом Бахи после того, как все поели.

Глядя, как удаляются Бом Бахи и Альжан Кадыров, Бастаубаев уже не сомневался, что все разговоры вожака группы были хитростью и ловушкой: ненависть байского сынка ко всему советскому, его преданность фашистам были ясны для всех.

— Нужно остерегаться их,— сказал Бастаубаев Калиеву, когда они начали собирать тюки.

К полудню, когда пятеро оставшихся собрали весь груз, Бом Бахи и Кадыров вернулись.

— Вокруг ничего не видно,— сообщил Бом Бахи.

— Ни единой души не встретили, да и дороги не видели,— добавил Кадыров.

— Что же теперь будем делать — вот так сидеть?— спросил однорукий Керимбердиев.

— Подождем немного. Возможно, подойдет хозяин.

— А если вместо хозяина подойдет кто-нибудь другой, пока мы вот так сидим? Что мы ему скажем? — продолжал Керимбердиев.

— Подойдет, тогда и посмотрим. Может, отпустим, может, задержим. Может, прикончим. Решим по обстоятельствам. Какое дело тебе до всего, лежи и не паникуй! — прикрикнул на него Бом Бахи.

Пока они спорили, Альжан, улучив момент, отозвал Калиева в сторону.

— Бом Бахи мне сегодня сказал, что он вместе с вами решил идти в НКГБ. И мне предложил. Что это? Правда или шутка? — негромко сказал Кадыров.

— Бог ты мой! Да я впервые это слышу!— слелал удивленное лицо Калиев.

— Не скрывай. Вожак бы врать не стал,— не отставал Кадыров.

— Если ты не прекратишь немедленно эту провокацию, обо всем доложу Агаеву, как только он придет,— резко ответил Калиев.

— Да ты не кипятись! — примирительно произнес Кадыров.— Я и Бом Бахи сказал и вам говорю: оставьте мысль пойти в органы. Таких, как мы, там не прощают. А бежать надо, иначе пропадем. Только лучше мы втроем вместе с Бастаубаевым направимся в твой Балхаш. А Бом Бахи ничего не скажем, пусть он ничего не знает.

— Не морочь голову. Я никуда бежать не собираюсь,— зло произнес Калиев и пошел к группе, отделившись от Кадырова.

После того как диверсанты вырыли яму и закопали туда груз, Бом Бахи приказал трогаться в дорогу. Путь держали строго на север, Бом Бахи время от времени смотрел на компас. По словам Агаева на севере должен был находиться аул. Идти было трудно, ноги вязли в песке...

Когда наступила ночь, семеро, так и не найдя дороги, переночевали на открытом месте. На следующий день они продолжали путь.

— Постойте, с той стороны идут два человека! — кри-

кнул вдруг Керимбердиев, заслоняя ладонью глаза от солнца.

Бом Бахи поднес к глазам бинокль.

— О, да это наш господин. Он идет вместе с адъютантом. Радуйтесь, джигиты! — закричал Бом Бахи и побежал навстречу приближавшимся. Он обнял и расцеловал Агаева.

— Где вы до сих пор ходите? Мы уже два дня вас ищем,— набросился Агаев на джигитов, нетерпеливо освободившись от объятий помощника.

— Мы тоже не могли вас найти,— ответил Кадыров.

Агаев привел всех к одинокому колодцу, около которого стояла сшитая из парашютного шелка палатка.

— Итак, почему вы задержались? — спросил Агаев Бом Бахи, когда они вошли и расположились в палатке.

— Так как от вас не было вестей, доктор Грайф задержал нас.

— Как это! Разве вы не получили от нас радиограмму?

— Нет.

— Та-а-а-ак! Почему же тогда Грайф послал вас?

— Только потому, что верит вам, господин. Он передал вам большой привет.

— Пусть он будет здоров! — важно проговорил Агаев.

Повинуясь повелительному взгляду Агаева, большинство находившихся в палатке вышли наружу. Около Агаева остались только Бом Бахи и Кадыров.

— Вместе с Мукатаевым попытайся послать еще одну радиограмму в Бухарест,— сказал Агаев Бом Бахи.

Бом Бахи вышел.

— Пока никого нет, я сообщу вам неприятную весть,— приблизившись к Агаеву, прошептал Кадыров.— Ложка дегтя портит бочку меда. В вашем славном отряде появился человек, который хотел бы явиться в органы с повинной.

Агаев вздрогнул.

— Кто этот подлец?

— Калиев Садык.

Агаев задумался. Почему же Калиев задумал идти в органы? Возможно, это результат столкновения с кем-то в отряде?

— Если не верите мне, спросите у Бом Бахи. Мне это он сказал,— начал оправдываться Кадыров, заметив, что начальник не спешит с расправой.

— Зови его! — приказал Агаев, нахмурившись.

Кадыров выскочил и сразу же вернулся вместе с Бом Бахи.

— Правда ли, что Калиев хочет уйти с повинной? — спросил Агаев, требовательно глядя на Бом Бахи.

Бом Бахи понял, что разговор затеял Кадыров. Он растерялся и не знал что сказать.

— Ты иди! — отослал он Кадырова. Пока тот выходил, Бахи обдумывал свой ответ. Если сказать «да», то хозяин крепко отругает меня и расстреляет Калиева. Если сказать «нет», то я стану лжецом в глазах Кадырова.

— Я не слышал от Калиева, что он хочет идти в органы,— осторожно начал он.— После приземления я захотел испытать Калиева и Бастаубаева и нарочно высказал мысль: «А что, если убежать...». И хотя они не дали согласия, но я заметил, что они думают о побеге. Вот о чем говорил вам Кадыров.

— Эх, дурак! Разве так испытывают? Оказывается, ты сам дал им мысль о побеге,— злорадствовал Агаев.

Бом Бахи, словно провинившийся школьник, опустил голову и ничего не отвечал.

— Если я сейчас буду ругать Калиева, тот скажет, что это не он предлагал сбежать, а Бом Бахи. Что мне тогда делать? Нужно будет при всех расстрелять тебя. Не так ли? Ведь если я не приму никаких мер, то дурная мысль останется в головах у джигитов и, когда наступят трудные времена, они все захотят разбежаться. А трудности ожидают нас наверняка. Так? Или ты думаешь, что у нас все пойдет как по маслу? Как ты полагаешь?

— Действительно, трудности будут! — согласился Бом Бахи, нервно теребя усы.

— Безусловно будут! Из-за твоей глупости джигиты могут начать сбегать поодиночке, и останемся только мы вдвоем. Сбежавшие пойдут в органы и сообщат о нас. Потом и нас поймают и, понятно, расстреляют. Не правда ли, будет лучше, если я тебя сам расстреляю и тем самым в зародыше убью у джигитов мысль о побеге...— не унимался Агаев.

Бом Бахи заплакал.

— Агатай, я допустил ошибку, извини! — произнес он и, вытянув шею, как подкошенный, упал в ноги Агаеву.

— Встань! — прикрикнул Агаев.— Если кто-нибудь увидит, стыдно будет. Ведь говорят же, лучше смерть, чем бесчестье?

Бом Бахи так же быстро вскочил на ноги.

— Спасибо, агатай! — произнес он, отвернулся и вытер слезы.

Когда Агаев вышел из палатки, джигиты курили, окружив колодец.

Агаев направился прямо к Калиеву.

— Ты что это задумал, а? — сердито произнес он и, не дожидаясь ответа, ударил его в грудь.

— Ничего не задумал, агатай! — растерянно сказал Калиев, глядя на начальника испуганными глазами. Около него сразу же образовалась пустота — джигиты мгновенно отступили от колодца.

— Идите ближе! — грозно приказал Агаев.— Вы, наверно, догадались, что этот человек хочет сбежать от нас. Видно, он хочет явиться в органы. Наверное, забыл, что перед тем, как попал ко мне, был немецким полицаем и сделал достаточно, чтобы большевики без промедления вздернули его на виселице. Думаешь, они не знают о твоих подвигах? Можешь проверить. Иди, я тебя не держу.

— Агатай, это клевета, я никогда не говорил, что хочу бежать,— начал умолять Калиев, вспоминая смерть Куттыбаева.

— Кто еще хочет бежать? Пусть сейчас же отправляется с Калиевым! — произнес Агаев, ощупывая глазами всю группу. Джигиты молчали. — Запомните, если узнаю, что кто-то заикнулся о побеге, то собственными руками пристрелю подлеца.

Агаев построил группу в два ряда, выравнял и приказал сесть друг против друга. Сам вышел на середину.

— Сейчас вы мне дадите клятву! — произнес Агаев и вынул из кармана маленький, размером со спичечный коробок, коран.

Держа его в руках, Агаев начал говорить. Он призвал своих людей преданно выполнять задания германской разведки, беречь единство и во всем повиноваться ему самому.

— Целуйте эту святую книгу! — произнес он, протягивая каждому коран.— Вот это ваша клятва, данная перед кораном. Теперь никто из вас не сбежит. Какие бы трудности нас ни ждали, не забывайте клятву. Следите друг за другом! Если заметите за кем-нибудь что-нибудь, то немедленно сообщайте мне! Если кто-нибудь нарушит эту клятву и сбежит, поймаю и на месте пристрелю. А если ему удастся скрыться, то отыщу его семью и всю уничтожу Хорошенько запомните это! И еще помните: попасть в руки органов для любого из вас — верная и мучительная смерть!

Если попадете к чекистам, то проглотите эти таблетки.— Агаев поднял руку, показывая маленькую беленькую таблетку.— Без мучений застынешь через четыре секунды. Человек, который это сделает, не только освободит себя от истязаний в НКГБ, но и сохранит свою тайну и тем самым спасет остальных...

И Агаев раздал каждому из джигитов яд в таблетках.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Соединив обе свои группы и дав им немного отдохнуть, десятого мая Агаев наконец приступил к делу.

— Мы до сих пор не знаем, вблизи какого аула находимся. В первую очередь надо разведать местность,— сказал он утром своим джигитам.— Сейчас я намерен послать на разведку двоих-троих человек. Например, Закирова, Днишева, Бастаубаева. Не будем ходить группой — можем попасться кому-нибудь на глаза.

Подробно объяснив цель разведки, Агаев направил тройку в путь. Сам же, немного подождав, взял с собой двух вооруженных джигитов и двинулся следом за тремя путниками, не упуская их из виду.

Когда тройка, одетая в военную форму, прошла около полутора километров на восток, им неожиданно встретились пять человек: маленький мальчик, который ехал на верблюде, и четверо всадников — два старика и двое юношей. Самым старшим был слепой старик лет семидесяти. Несмотря на жару, он не снимал с головы тымак, а с плеч чапан. Следующим по возрасту был чернобородый человек, которому, видимо, перевалило за пятьдесят. Очевидно, он служил в армии — на нем была солдатская гимнастерка и бриджи.

— Ассалаумагалейкум, аксакалы! — произнес Закиров и загородил дорогу.

— Уалейкумассалам! — ответил чернобородый, придерживая свою лошадь.

— Откуда вы едете? —издалека начал разговор Закиров.

— С Аманбаевского луга,— ответил человек с черной бородой.

— Это какой Аманбаевский луг?

— Да это же земля полеводческой бригады колхоза Кирова.

— А вы что, живете в той бригаде?
— Да.
— А далеко бригада?
— Отсюда около десяти километров.
— А кто вы сами? — спросил молчавший до сих пор слепой.
— Мы едем из Актюбинской области, аксакал, решили ночью набрать воды в колодце и свернули с дороги. Машина застряла в песке, и мы переночевали под открытым небом. Теперь вышли на дорогу, чтобы дождаться какой-нибудь машины и с ее помощью вытащить нашу.
— Жаль, но здесь очень редко проезжают машины,— проговорил в ответ слепой старик.
Закиров заговорил с малышом, сидевшим на верблюде.
— Как тебя зовут, мальчик?
— Наурызбай,— несмело ответил тот, надув губы. Ему было года четыре.
— Кто твой отец?
Ничего не говоря, малыш глазами указал на чернобородого.
— Ваш сын? — повернулся к тому Закиров.
— Да. Не хочет расставаться с отцом, вот и путешествует.
— А далеко вы едете?
— В Оялы.
— А что там находится?
— Там центральная усадьба нашего колхоза.
— Далеко ли Оялы отсюда?
— Отсюда километров тридцать пять еще.
— Джигит, оказывается, этот малыш — далеко едет и не боится пути.— Закиров, играя, поймал ножку мальчика.— Любишь сладкое? — Малыш засмеялся.— На тогда подарок от дяди,— и Закиров достал из кармана шоколадку.— Малыш схватил ее и засмеялся.
— Ну, а ты кто? — обратился Закиров к молодому парню, чей конь стоял рядом с конем слепого старика.— Почему не в армии?
— Я болен и освобожден от воинской обязанности,—ответил парень. Было ему около двадцати лет.
— Где документы? — строго спросил Закиров, хотя вид у юноши яснее всяких документов говорил о его болезни.
Парень достал белый билет, протянул его Закирову. Тот не спеша просмотрел документ.
— Хорошо. Счастливого пути! — произнес Закиров, воз-

вратив юноше белый билет.— Только запомните: никому ни слова, что видели нас. Не будем от вас скрывать, мы ищем дезертиров. Одному скажете, другой повторит, так дойдет и до тех, кто от нас скрывается, сами понимаете...

— Ладно, дорогой. Хорошо, что предупредили,— сказал слепой и тронул свою лошадь.

Когда пятеро скрылись из глаз, Закиров вернулся к начальнику и сообщил обо всем, что узнал. Агаев развернул карту и начал искать Оялы.

— Ага, значит мы находимся вот здесь,— пробормотал он и сделал отметку на карте красным карандашом.— Где-то недалеко должна быть Эмба. Идемте искать реку,— приказал он.

Взяв с собой пять человек, Агаев направился на север и быстро вышел к берегу Эмбы. На берегу диверсанты наткнулись на полуразрушенную землянку.

— Удача! — обрадовался Агаев, войдя в землянку.— Хочешь купаться — вода рядом, ночевать — дом готов.

Отправив двоих из сопровождавших его привести остальных, поручил троим прибрать в землянке, а сам вышел на берег и сел у воды. «Если мне удастся, не показываясь на глаза людям, перетащить груз в горы и связаться с адаями, то можно считать, что весь Казахстан в моих руках. Если адаи остались такими же, как я их помню, тогда все их мужчины, взяв в руки оружие, немедленно последуют за мной. А если ко всему этому я смогу вызвать свой отряд, оставшийся в Италии, то...»

Мечты кружили голову Агаеву. Он и не заметил, как подошли Закиров, Бастаубаев и Днишев, закончившие свою работу.

— Вам надо сходить в ту бригаду, о которой говорил старик. Купите там барана, айран, иримшик,— Агаев уже испытывал чувства победителя. Не хотелось в чем-либо отказывать себе. Давно соскучившиеся по любимой пище джигиты обрадовались приказу Агаева.

— Эх, напиться бы сурпы — сразу бы сил набрался!— причмокнул губами Днишев.

— Что и говорить, было бы здорово! — подхватил Закиров.

— Ну, если здорово, то сходите втроем. Только будьте осторожны, не вызовите подозрений,— заключил Агаев.

Когда вся группа собралась у землянки, Закиров, Днишев и Бастаубаев отправились на поиски аула. Он оказал-

ся совсем недалеко от их нового лагеря — километрах в трех. Аульчане, увидев людей в военной форме, тут же окружили их. Безбородый мужчина лет тридцати пяти с хитроватым взглядом растолкал толпу и повел гостей в дом.

Тревожась о том, как бы чего не напутать, отвечая на вопросы аульчан, Закиров с товарищами сразу же двинулся за безбородым в его дом — однокомнатный, низенький, с сенями. В комнате стояли деревянная кровать, большой сундук, к которому был придвинут высокий стол.

— Проходите, пожалуйста! — хозяин дома сделал приглашающий жест рукой.— Как говорится, чем сто человек в лицо знать, лучше одного имя услыхать. Давайте знакомиться,— начал он, когда три джигита удобно устроились.

Закиров имен не назвал. Он сказал, что они служат в армии и ищут дезертиров, что их машина по дороге застряла.

— Э, хорошо, хорошо. Счастливого пути! — произнес безбородый.— А как вас зовут?

— Меня зовут Хасен,— соврал Закиров.— А вас?

— Ботакара, — ответил безбородый.— Я тоже, как и вы, служил в армии. Воевал. Получил осколок в правую ногу... Прошло уже девять месяцев, как я дома. Когда я отдохнул, председатель назначил меня бригадиром. Но вскоре вернулся прежний бригадир.С тех пор я занимаюсь просом...— повествовал Ботакара.

«О аллах, зачем этот болтун рассказывает нам всю историю своей жизни! Когда кончит говорить о себе, вероятно, начнет дотошно допытываться, кто мы такие»,— беспокойно думал Закиров.

— Ботеке! Видать, вы свой человек. У нас есть к вам просьба,— сказал Закиров, решив прервать болтовню безбородого хитреца.

— Э, говорите! — и Ботакара приготовился слушать.

— У нас кончилась еда. Если можно, то мы хотели бы купить у вас барана. Мы не будем торговаться, сколько запросите, столько и дадим.

— Что ты, у нас нет скотины на продажу. Попробую спросить у бригадира, если он ничего не придумает...—пожал плечами Ботакара и, подойдя к двери, открыл ее и крикнул.— Эй, Байжан! Иди сюда!

— А кто у вас бригадир? — спросил Закиров, когда безбородый возвратился к столу.

— Атагожиев Байжан.

В дом вошел черноусый гигант лет сорока пяти. Заметно было, что он служил в армии.

— Недавно мы подписались на военный заем и продали все излишки скота,— сказал Атагожиев, узнав, зачем его позвали.— Думаю, что ни у кого нет скотины на продажу.

— Я знаю ваше положение. Но и вы поймите нас. А за ценой мы не постоим,— не унимался Закиров.

— Если вы не продадите своего барана, то вы сами знаете,— ни у кого они не купят,— обратился Атагожиев к хозяину дома.

Немного поупрямившись, Ботакары согласился продать одного барана. Он запросил три тысячи рублей. Закиров, не споря, выложил деньги. Когда в руки Ботакара попало три тысячи рублей новенькими красными бумажками, он от удивления разинул рот. Он вышел из дома, чтобы послать одного из детей за бараном.

— Курите! — произнес Закиров, предлагая сигарету бригадиру.

Атагожиев заметил, что на сигарете надпись на иностранном языке, однако, виду не подал.

Так как бригадир молчал, Закиров стал смотреть одну из газет, лежавших на столе.

— «Социалистическое строительство». Орган Гурьевского областного и городского комитета партии, а также областного и городского Советов депутатов трудящихся... О, да это местная газета,— пробормотал он.

Джигиты, которые вот уже три года не держали в руках советских газет, начали прислушиваться. Бастаубаев заинтересовался настолько, что, не выдержав того, как невнятно читает Закиров, схватил со стола другую газету.

То, что вооруженные люди с жадностью набросились на не очень свежие газеты, еще более увеличило подозрения Атагожиева.

— Баран вас ждет,— провозгласил вернувшийся Ботакара.

Гости вышли. День клонился к вечеру. Аульные мальчишки пригнали телят и ягнят и привязывали их. Наступило время возвращения скота. Купив у женщин, которые занимались своими привычными хозяйственными делами, немного курта, иримшика и айрана, джигиты удалились, ведя барана на поводу.

Атагожиев вспомнил вчерашние предостережения председателя Оялинского аульного совета. «В наш район залетел немецкий самолет, выбросил парашютный десант, будь

начеку, если в твой аул придут незнакомые люди, сообщи мне».— Это председатель сказал Байжану вчера, когда Атагожиев был на центральной усадьбе.

2. Под руководством Шармая Жилокосинское райотделение НКГБ связалось с широкими массами населения района. Чекисты рассказали партийному активу и аульным активистам о том, что немецкий самолет выбросил над территорией района парашютистов, просили их обращать самое пристальное внимание на незнакомых людей. Для того, чтобы информация дошла до всех надежных людей, Шармай и Кочетков, посоветовавшись в райкоме, создали из активистов несколько групп и разослали их в разные концы района. Эти усилия работников НКГБ не пропали даром. Двенадцатого мая от председателя Оялинского аульного совета пришло такое сообщение:

«Товарищу Кочеткову.

Ночью десятого мая ко мне пришел заведующий конефермой колхоза имени Кирова Бектурлиев Байшуган. По словам Бектурлиева, к нему приехало пять человек из полеводческой бригады. Один из них — четырехлетний Наурызбай, когда стали пить чай, стал есть шоколад. «Дорогой, где ты взял эту сладость?»— спросил Бектурлиев. «Солдат дал»,— ответил ребенок. Слепой старик по имени Берденбай рассказал, что по дороге они встретили трех вооруженных людей, которые ждали автомашину.

После этого в колхозный центр приехал бригадир Атагожиев. Он сообщил, что в полеводческой бригаде побывали трое незнакомых казахов, одетых в военную форму и с автоматами. Они купили барана, иримшик, айран и ушли, у них много денег, а в карманах иностранные сигареты.

Не этих ли людей вы разыскиваете?

Кудайбергенов.

11 мая 1944 год».

Сообщение из Оялов Шармай нашел исключительно важным. Вместе с группой оперативных работников НКГБ и НКВД он тут же отправился в колхоз имени Кирова. В числе группы были начальник Жилокосинского райотделения НКГБ Петр Лукич Кочетков и начальник райотдела НКВД Хамза Шуканов.

Поднимая клубы пыли, машина быстро мчит по доро-

ге. Путь далекий. До Оялов сто двадцать километров, а оттуда до полеводческой бригады — еще сорок пять. Бескрайняя, пустая и высохшая степь не привлекала взора, не поднимала настроения.

— Товарищи, а если нам спеть? — громко проговорил Шуканов.

— Запевайте, а мы поддержим! — ответил Кочетков, зная, что его товарищ хороший певец.

Стоит гора висока́я,
Под під горою гай,

затянул Шуканов по-украински. Сидевшие рядом с ним присоединились к нему, и песня набрала силу.

Зеленый гай густесенький,
Не начі справді рай...

Упиваясь мелодией украинской песни, Шармай вспоминал детство. Его отец Константин Никитович, выходец из Черниговской губернии, был батраком. Вся жизнь его прошла в нужде. Желая счастливой доли своим детям, он пошел воевать за власть Советов и погиб. Мать Шармая осталась с тремя детишками, батрачила у кулаков, много перенесла, прежде чем вывела их в люди. Для Шармая, почти не помнившего отца, память о нем была священна, а Советская власть была властью, за которую погиб отец. Выросши, он выбрал свой путь, решив посвятить свою жизнь защите завоеваний этой власти.

— Хамза! Спой-ка казахскую песню! — попросил Кочетков, когда украинская была спета.

— А вы поддержите? — засмеялся Шуканов.

— Поддержим. Если слов не знаем, то зато мотив помним,— ответил Кочетков.

Шуканов, которому никогда не надоедало петь, завел одну из народных песен, которую очень любил.

Салмасам Айнам көзге ән болмайды,
Кимесем екі бешпет сән болмайды...

Вместе с Шукановым песню «Айнамкөз» затянул и Шарипов. Кочетков присоединялся в некоторых местах, подтягивая мотив.

Шармай, который жил в Казахстане с двадцать пятого года, жалел о том, что не знает слов казахской песни. Давно он сроднился с казахским народом, и теперь напев песни глубоко волновал его,— так же, как мелодия украинской.

Но языка он не знал. Просто не было времени изучить — техникум, институт, армия. Шармай думал, что теперь он просто обязан освоить казахский язык, язык, на котором слагаются такие чудесные песни...

Группа Шармая, не останавливаясь на центральной усадьбе колхоза Кирова, сразу же направилась в полеводческую бригаду. Шармай подробно записал показания бригадира Атагожиева и его соседа Ботакары об облике вооруженных людей, их поступках и словах. Посадив в машину Ботакару, Шармай двинулся в ту сторону, куда ушли «гости». По их следам подъехали к старой полуразрушенной землянке на берегу Эмбы. Вокруг землянки валялись обглоданные кости, окурки сигарет, нашелся карандаш с немецкой надписью.

Теперь Шармай совершенно убедился в том, что вражеский самолет выбросил парашютный десант именно в Жилокосинском районе. Парашютисты не могли уйти далеко, решил Шармай, осмотрев место, где они ночевали вчера или позавчера. Не теряя времени, группа Шармая отправилась по фермам, что находились поблизости от бригады. Когда приблизились к первой, Шармай увидел в степи пастуха, пасшего овец. Остановив машину, он отправил старшего лейтенанта Шарипова поговорить с пастухом. Невысокий старик с маленькой черной бородой, увидев человека, выпрыгнувшего из машины, погнал навстречу ему свою рыжую лошадь.

— Аксакал! Вы не видели здесь вчера или сегодня посторонних людей с оружием? — спросил Шарипов после приветствий.

Старик ответил не сразу.

— Откуда мне знать, дорогой? Все незнакомые для меня посторонние,— произнес он наконец, явно что-то недоговаривая. Шарипов понял, что старик что-то знает.

— Аксакал! Я работник Гурьевского управления НКГБ. Вот мой документ,— и с этими словами Шарипов показал старику удостоверение.— Если кого-нибудь видели, то не скрывайте от меня.

Старик был грамотный. Взяв в руки удостоверение, он внимательно прочитал его. «Не хватало еще, чтобы аульные старики требовали удостоверение и так внимательно его рассматривали! Что это с ним? Может, он не верит, что я работник органов?» Старик взглянул на фотографию в удостоверении, потом на Шарипова и, помолчав, сказал:

— Вчера я видел около десяти вооруженных казахов.

— Где?
— По дороге, по которой вы ехали, есть одна бригада..
— Бригада Атагожиева?
— Да, она. От этой бригады ближе сюда, километрах в трех-четырех есть землянка, там они и находятся. Я испугался, когда увидел их там. Однако, когда они мне сказали, что разыскивают дезертиров, я успокоился.
— Когда это было? Вы говорите, вчера?
— Да, вчера в полдень.
Если Атагожиев видел парашютистов два дня тому назад, то этот пастух еще вчера. Это открытие было еще одним шагом вперед на пути преследования. «Значит, между нами и парашютистами не два дня пути, а всего один. Если нападем на их след, то сможем догнать». Шарипов помахал рукой Шармаю, стоявшему около машины. Кочетков и Шуканов спрыгнули с машины и прибежали вместе с Шармаем.
— Здравствуйте; аксакал!— поздоровался Шармай, пожав старику руку.
— Этот человек прибыл вместе со мной из Гурьева, он один из руководителей областного управления НКГБ, а эти люди начальники НКГБ и НКВД вашего района,— представил Шарипов подошедших пастуху.— Аксакал видел вчера парашютистов,— сообщил он Шармаю.
— Молодец, аксакал! — обрадовался Шармай.— Где он их встретил? Когда встретил?
— Я этого еще не спрашивал,— Шарипов посмотрел на старика.— Ну, аксакал, расскажите нам все, как вы увидели вчерашних казахов, что заметили?
— Они что, сами дезертиры? — вместо ответа спросил старик.
— Что вы, аксакал! Они враги, которых в нашу область забросил немецкий самолет. А мы их разыскиваем,— ответил Шарипов.
— Вот как? — удивился старик. — То-то они просили меня никому не говорить, что я их видел...
— Вот, вот, расскажите об этом, аксакал!— подхватил с нетерпением Шарипов.
— В бригаде Атагожиева есть человек по имени Ботакара,— начал свой рассказ пастух.— На днях он сказал, что поедет в Косшагуль, и я дал ему тысячу двести пятьдесят рублей, чтобы он купил мне кое-какие вещи на базаре. Позавчера услыхал, что он вернулся, и вчера утром, выгнав скот на выпас, поехал в бригаду. Но Ботакара, оказывает-

ся, ничего мне не привез. Я выпил несколько кисе чаю и уехал обратно. Проехал три-четыре километра, поравнялся со старой землянкой около реки, и тут дорогу мне преградили пять или шесть вооруженных джигитов. Поздоровались, как надо, попросили, чтобы я завез какие-то их бумаги в аульный Совет. Я вошел в землянку. У входа в нее стоял боец и смотрел куда-то в бинокль. Внутри сидели еще пять или шесть человек. Главный у них — плотный мужчина в очках, с черными усами. На плечах погоны. У остальных погон не было, но все одеты по-военному. Очкастый пригласил меня на почетное место, постелил бумагу передо мной и преподнес баранью голову. «Вчера мы зарезали барана, видите, голова досталась вам, вы среди нас самый старший, ешьте, аксакал!»— сказал он, подавая нож. Остальные не ели, и мне как-то стало неудобно. «Ничего, ничего, мы только что покушали, ешьте»,— сказал мне этот в очках. Мне ничего не оставалось делать, я поел немного и дал свое благословение. «Где вы живете, аксакал?»— спросил очкастый. Я сказал. «Вот вам пять тысяч рублей, аксакал, берите»,— говорит он и подает мне целую кипу денег.— «Зачем мне это?»— удивился я. «На три тысячи вы нам купите барана, а две тысячи возьмите себе за труд»,— объяснил он. «Дорогой мой, я живу далеко от фермы, кроме того я занят, если надо, у меня есть коза, приведу ее вам»,— ответил я, не зная, что сказать. «Мы не спешим, аксакал, мы ищем бандитов из Актюбинской области, сами из Алма-Аты. По дороге сломалась машина, и мы вынуждены задержаться на некоторое время. Нехорошо, если вы откажетесь, аксакал». Потом добавил: «Вот бумага, распишитесь на ней, что получили пять тысяч». Я отказался. «Жаль, как же теперь мы рассчитаемся с бухгалтерией»,— задумался очкастый и положил бумагу в карман. Я начал собираться. «Никому не говорите, что видели нас,— сказал он мне.— Сами вы откуда сейчас едете?» — «Из бригады»,— ответил я. «Кого там видели, не было ли посторонних людей?».— «Нет, не было».— «Где бригадир, дома?» — «Дома. Вчера он съездил в Оялы, а сейчас отдыхает». — «Вчера?» — почему-то удивился он. «Да, вчера». Они некоторое время помолчали, я сел на коня и поехал. Вот и все, что я видел.

3. Агаева очень обеспокоила эта внезапная поездка Атагожиева на центральную усадьбу сразу же после посещения бригады тройкой Закирова. Что ему было нужно в Оялах? Может, он ездил сообщить о нас?

Покинув землянку, Агаев вместе с джигитами направился к колодцу. К вечеру они дошли до него, расстелили в палатке камыш, переночевали, а на следующий день стали копать траншею. Кто знает, что их ожидает впереди. Если их будут преследовать, то все равно в голой степи не спасешься бегством. Лучше будет, думал Агаев, из-за укрытия уничтожить преследователей огнем пулеметов и гранатами.

— Слышен гул мотора, хорошо, если это не самолет.

— Он самый, вон летит...

— Этот самолет разыскивает нас. Быстрее в окоп и прикройтесь камышом,— приказал Агаев.

Самолет покружил над колодцем и улетел. «Наверное, все-таки узнали о нас. Зря я посылал Закирова в аул. Что-то они там натворили»,— со злостью думал Агаев, время от времени бросая гневные взгляды на Закирова и Днишева. «Расстрелять бы вас!»— думал он. «Не спеши! Когда опасность рядом, нельзя вызывать недовольство среди группы, не то будет еще хуже, потерпи, потерпи...» — словно кто-то со стороны советовал Агаеву.

Наступили сумерки. Парашютисты только что кончили пить чай.

— Господин! Приближается группа всадников,— вдруг испуганно произнес Закиров.

Агаев не успел оглянуться, как раздался выстрел.

— В окоп! Не сдаваться! Бейтесь, пока есть силы!— крикнул Агаев и выстрелил в сторону всадников.

Закиров первым спрыгнул в траншею и стал строчить из пулемета. Всадники скрылись за холмом. Стрельба прекратилась. Через некоторое время показался один из всадников, оглядываясь по сторонам, приблизился к колодцу.

— Эй, сдавайтесь, бросайте винтовки и выходите!—крикнул всадник.

Никто ему не ответил. Никого не было видно. Удивленный всадник приблизился к камышу. Когда он проезжал мимо окопа, Бом Бахи ухватил повод коня.

— Кто ты? — спросил Агаев, не различая в темноте лица подъехавшего.

— Я парламентер.

Агаев сбросил всадника с коня, повалил и осветил его лицо фонариком. На земле лежал старик с маленькой черной бородкой.

— Какой это парламентер? — набросился Агаев на старика.

— Меня послали работники НКГБ, говорят, чтобы не

было кровопролития, сдавайтесь, а если не сдадитесь, то вас уничтожат.

— Говори правду, пока жив! Сколько у них людей?

— В том месте около двадцати всадников, а всего их, по-моему, семьдесят-восемьдесят человек. Все вооружены. У них есть машина,— ответил старик. Решив напугать врага, он преувеличивал.

— Где остальные?

— Остались на ферме.

— А люди, с которыми ты был, они ждут тебя или уехали?

— Ждут.

— Кто им сообщил о нас? — снова набросился на старика Агаев.

— Не знаю.

— Если не знаешь, то останешься с нами, будешь показывать нам дорогу!— сказал Агаев.— И берегись! Если ты нас обманешь, задумаешь выдать, я тебя пристрелю на месте. Как фамилия?

— Бектурлиев,— ответил старик.

Отозвав в сторону двоих своих помощников, Агаев стал советоваться с ними.

— Что будем делать? — спросил он, глядя поочередно на Закирова и Бом Бахи.— По-моему, нам надо спрятаться в горах.

Помощники одобрили Агаева.

— По дороге зайдем ночью в бригаду и накажем их за предательство. Сожжем их дома, уничтожим детей и женщин, а бригадира свяжем и уведем. Пусть получает по заслугам! — зло продолжал Агаев.

— Правильно,— согласился Закиров, хотя понимал, что расправляться с аульчанами бессмысленно, да и просто не будет времени — чекисты ведь рядом.

— Ну, Бектурлиев, давай!— вернулся Агаев к старику.— Веди нас в полеводческую бригаду, да так, чтобы мы не столкнулись с тем отрядом.

Четырнадцать человек с автоматами пошли следом за Бектурлиевым. Темная ночь. Тишина. Все молчат. «Что им надо в бригаде? — тревожно думал старик.— И где сейчас отряд? Как бы эти не напали на них с тыла».

Среди ночи тихо, словно мыши, диверсанты пробрались в аул.

— Бригадир дома,— сообщил Закиров, заглянув в окно.

Взяв с собой троих человек, Агаев вошел в дом. Брига-

дир вместе с женой сидел за низеньким круглым столом и пил чай. Жена бригадира, увидев суровых вооруженных людей, вошедших без стука, испуганно вскочила.

— Ты бригадир? — спросил Агаев высокого человека, сидевшего в глубине комнаты, и грозно посмотрел на него.

— Я,— ответил Атагожиев.

— Где чекисты?

— Не знаю, в этот аул никто не приходил.

— Вяжите его и пошли! — приказал Агаев своим джигитам и вышел из дома. Ожидавшим его на улице крикнул:

— Чего ждете! Выводите лошадей, грузите на них баранов. Собирайте аульчан в один дом!

Аульчане сразу же поняли, что это за ночные гости, когда их стали выгонять из домов,— побывавший здесь за день до этого отряд сообщил им о парашютистах.

— Нашли двух лошадей и одного верблюда. Больше нет. На верблюда погрузили одного барана,— шепотом сообщил Бом Бахи Агаеву.

Агаев зашел в дом Ботакары, куда собрали всех жителей аула. Маленькая комната была набита битком.

— Не смотрите на меня осуждающе,— сказал Агаев.— Мы не враги, мы освободители и пришли освободить казахов от когтей большевиков, чтобы они жили вольной жизнью. Рабочий скот мы вынуждены временно забрать у вас. Потом возвратим...

— Если берешь скотину, то бери, а зачем забираешь моего мужа? — запричитала Жамиля.

— Не плачь, твой муж завтра вернется,—ответил Агаев и вышел из дома.

Бектурлиев, который остался в доме после его ухода, скороговоркой прошептал:

— Меня тоже ведут насильно. Побыстрее сообщите, что будем идти к горам по берегу Эмбы.

— Эй, старик, что ты остался? — спросил Агаев, приоткрывая дверь.

Бектурлиев быстро выскочил из дома.

— Ты им что-нибудь говорил? — спросил Агаев.

— Нет.

— Тогда зачем ты там остался?

— Так вы же вышли молча, ничего не сказав...— начал оправдываться Бектурлиев.

— Смотри, старик! Если не будешь вести себя смирно, головы лишишься. Ну, веди к горам.

Вооруженная группа вышла на дорогу. Связанный бригадир шел окруженный диверсантами. Одну лошадь и верблюда вели двое людей. Агаев, сидевший на второй — гнедой лошади — ехал то рысью, то шагом и все время торопил джигитов.

Рассветало. Взошло солнце. Группа продолжала идти. Сам сидит на лошади и не хочет замечать, как мы устали, думали джигиты, исподтишка бросая сердитые взгляды на командира, но ничего не говорили. Наконец Агаев слез с лошади около реки. Джигиты, словно подкошенные, упали на песок.

— Здесь мы немного отдохнем. Сходите и искупайтесь — это ободряет. Потом зарежем барана. Поедим мяса, выпьем сурпы и двинемся дальше,— проговорил Агаев, желая подбодрить джигитов.

Диверсанты сбросили одежду и кинулись в воду.

— Развяжи ему руки! — приказал Агаев помощнику, указывая на бригадира.

Взмахивая затекшими руками, Атагожиев подошел к воде и напился. Потом лег на песок.

— Эй, хватит лежать, иди сюда! — крикнул ему Агаев, когда джигиты искупались и приступили к разделке барана.

Отведя бригадира в сторону, Агаев усадил его перед собой.

— Куда это ты ночью десятого мая ездил?

— Я ездил на ферму,— ответил Атагожиев.

— Врешь! Разве не в Оялы ты тогда ездил?

— Нет, я не ездил в Оялы, я ездил на ферму,— продолжал упираться Атагожиев.

— Ну, а на ферму зачем ездил? — допрашивал Агаев, внимательно глядя на бригадира.

— По делам.

— По дела-ам? Говори прямо, кому ты сообщил о нас?

Атагожиев молчал.

— Молчишь! Думаешь, я тебя не знаю?

— Конечно, не знаешь. Откуда ты меня можешь знать?

— Довольно, хватит! Нам известно, что ты большевистский прихвостень. Нам известно, что это ты сообщил о нас,— прокричал Агаев, гневно взмахнув рукой. Но бригадир молчал.

Поняв, что Атагожиев не расскажет, кому он сообщил о них, Агаев задумался. Конечно, этого человека нельзя отпускать, надо убить. Но вдруг ему в голову пришла одна мысль..

— Как тебя зовут? — неожиданно мягким тоном спросил он.

— Байжан.

— Ладно, не будем ссориться,— с улыбкой произнес Агаев.

Атагожиев удивился тому, как быстро, словно лиса, переменился Агаев. Наверняка хочет обмануть меня, решил он.

— Слушай, вы живете в степи и ничего не знаете. Я расскажу тебе удивительные вещи,— проговорил Агаев, вплотную подсев к своему пленнику.

И Агаев рассказал о Туркестанском национальном комитете, о Туркестанском легионе, об отряде «Алаш», о помощи, которую им оказали немцы. Ругал, как мог, советскую власть. Объяснил, что хочет победить большевиков и взять власть в Казахстане в свои руки.

— Если ты думаешь о будущем казахского народа, то вступай в наши ряды! — произнес в заключение своей речи Агаев.

Атагожиев слушал эту странную речь с изумлением. Сначала она показалась ему бредом. Преследуемый по пятам чекистами главарь крошечной шайки бандитов назвал себя вождем Казахстана! Но по мере того как увлекшийся Агаев все больше раскрывал перед ним картину предательства, по мере того как все яснее становились Байжану гнусные цели отщепенцев, изумление его переходило в страшный гнев. И когда Агаев закончил, бригадир в исступлении, забыв о всякой осторожности, схватил его за горло. Задыхаясь, теряя сознание, Агаев успел все-таки выхватить пистолет и выстрелить. Пальцы гиганта разжались, тело его рухнуло на песок, дернулось и замерло. Агаев зло пнул его сапогом, спрятал пистолет и, потирая шею, пошел к опешившим джигитам.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Отряд Шармая обнаружил вражескую группу около колодца Саркаска, но был встречен пулеметным огнем и отступил, чтобы не вызвать напрасных жертв. Шармай понял, что у него недостаточно сил, чтобы заставить сдаться хорошо вооруженного противника, находившегося в укрытии. Цель ведь состояла не в том, чтобы уничтожить диверсантов, а в том, чтобы взять их живьем. Шармай, посовето-

вавшись с Кочетковым и Шукановым, решил послать во вражескую группу парламентера — Бектурлиева. Он должен был сообщить парашютистам, что отряд НКГБ — очень сильный и что нет другого пути, кроме сдачи. Если удастся убедить диверсантов, то Бектурлиев приведет их к отряду. Если не удастся, он принесет в отряд ответ врага. Если его не отпустят, то он будет осторожно разлагать группу изнутри. Ведь уже одно то, что старик скажет парашютистам «вы выслежены и окружены», нарушит покой в стане противника, вызовет раскол, поможет быстрее и безболезненнее ликвидировать группу. Вот такую цель преследовал Шармай, посылая Бектурлиева к врагам.

Бектурлиев сразу же согласился с этим предложением. Объяснив задачу, Шармай отправил старика к врагу, лежавшему в укрытии.

— Вот он дошел,— проговорил Шармай, внимательно прислушивавшийся к ночной тишине, когда услышал шорох в камышах.

В степи — абсолютная тишь. Шармай время от времени смотрит на часы. Время словно остановилось. Наверное, совещаются между собой, ведь нелегко сразу же сдаться, нашел объяснение задержке Бектурлиева Шармай. Но вот прошел уже час, а вестей все нет. Шармай стал беспокоиться.

— Подойдем к колодцу и подадим голос!— произнес он, не выдержав наконец.

Отряд бесшумно приблизился к колодцу. «Скажи что-нибудь по-казахски!» — шепотом приказал Шармай Шарипову.

— Эй! Долго вы будете думать?!— крикнул Шарипов.

Никто не ответил. «Почему молчат? Бектурлиев-то уж должен был ответить»,— недоуменно подумал Шарипов. Ничего не слышно. Шармай уже не мог скрыть волнения.

— Наверное, они убежали, а старика убили. Идемте!— и Шармай через камыши двинулся в ту сторону, откуда полтора часа назад раздавались выстрелы.

Лошадь Шармая вдруг увидела что-то черневшее и шарахнулась. Спрыгнув с лошади, Шармай подошел к черневшему. Это была куча недавно вырытой земли. «Смотри-ка, они даже выкопали окопы»,— подумал Шармай. Отряд обошел местность вокруг колодца, но ни живых, ни мертвых чекисты не обнаружили. Видимо, враги увели вместе с собой

Бектурлиева. Что ж, думали ведь и о такой возможности.

До полуночи люди отряда Шармая не покидали седел. В окрестные аулы были высланы гонцы.

Когда отряд добрался до полеводческой бригады колхоза Кирова, то заметили, что аульчане, несмотря на поздний час, не спали — огонь горит во всех домах. Что это с ними? Почему не спят?

Шармай знал дорогу к дому бригадира — был там в прошлый раз. Однако на стук никто не открыл дверь. Может, в доме просто забыли погасить свет и заснули... Шармай обошел вокруг и заглянул в окно.

На кровати лежала одетая женщина. Больше никого в доме не было. Шармай постучал в окно, женщина подняла голову. Растрепанные волосы, заплаканные глаза, испуганный вид. При свете лампы все это было хорошо видно. Шармай постучал в окно.

— Извините, а где бригадир?

— Вы кто? — вместо ответа спросила женщина.

— Я работник НКГБ, мне нужен бригадир,— ответил Шармай.

Женщина приблизилась к окну и посмотрела на Шармая. Форма, которая была на нем, убедила ее, что он говорит правду. Женщина выбежала на улицу.

— Моего мужа увели бандиты!— с плачем произнесла она?

— Когда?

— Когда стемнело. Уж много времени прошло.

— За что его увели?

— Не знаю. Не сказали. Только сказали: «Твой муж вернется завтра». Но не верю я их словам, болит сердце. Спасите мужа!— и жена бригадира разрыдалась.

— Куда они ушли?

— Они сказали, в сторону гор.

— Кто это сказал?

— Вместе с ними был старик по имени Байшуган. Когда все вышли из дома, этот старик сказал: «Меня тоже насильно ведут. Быстрее сообщите на ферму, что мы будем двигаться по берегу Эмбы по направлению к горам».

«Молодец старик! Даже направление группы сумел сообщить»,— подумал Шармай, страшно довольный, что его «парламентер» не только жив, но и не теряет присутствия духа,— чекист очень тревожился за судьбу старика.

— Почему же вы на ферму не сообщили? — спросил он.

— Не на чем ехать. Двух лошадей и верблюда, что были

у нас, увели бандиты, а пешком идти мы побоялись — вдруг ночью где-нибудь встретимся с ними.

Жители аула, услышав голос Жамили, стали поодиночке собираться около Шармая.

— Ну что, испугались? — спросил Шармай, увидев взволнованные лица женщин.

— Как же не испугаешься,— ответила одна из женщин.— Они нас силой, угрожая винтовками, всех выгнали из домов. Один, атаман их, что ли, толстый такой, усатый, в очках, даже двинул меня кулаком. Проклятый, что за крепкий кулак у него, до сих пор грудь болит...

— А потом заявил: «Освободим казахов из когтей большевиков, чтобы строить вольную жизнь»,— вот так!— добавила другая, передразнивая Агаева, и засмеялась.

Подробно расспросив аульчан о том, как вели себя парашютисты, сколько их и как они выглядят и успокоив народ, Шармай во главе отряда поспешил на ферму.

2. Большая часть людей Агаева, находившаяся в группе отнюдь не по доброй воле, встретившись с отрядом чекистов и услышав сообщение Бектурлиева, подумывала о возможности сбежать от своего сурового начальника. Но каждый из них размышлял об этом в одиночку, зная, что если Агаеву станет что-нибудь известно, он немедленно схватится за оружие. Джигиты были настолько запуганы, что не верили товарищу, с которым шли рядом, и смотрели на него с подозрением. «Следите друг за другом!» — сказал тогда Агаев. И кто знает, не последовал ли твой товарищ этому приказу. А как не хотелось умирать от агаевской пули, испытав в плену множество трудностей и лишений и попав на советскую землю, в двух шагах от дома.

Яркое солнце медленно ползло по блеклому, словно выгоревшему небу. Сидевший в карауле Бастаубаев глядел на спавших вповалку товарищей и хотел разгадать, о чем они думают. «С этими делиться нечего своими мыслями,— думал он, глядя на лежавших с краю Закирова, Бом Бахи и Днишева. Они преданы Агаеву и будут сопротивляться. Вон тот, Альжан Кадыров, хвастается, что он сын бая, и подхалимничает перед Агаевым. Из-за него чуть не погиб Калиев. Он тоже из тех, кого следует остерегаться. Ну, а остальные? По-моему, остальные не хотят вместе с Агаевым выполнять задание фашистов. Если представится возможность, то, кажется, все они разбегутся в разные стороны. Вот, например, Керимбердиев. Он лишился руки и превра-

тился в инвалида. И землю не может копать, и ружье не может держать в руках. Ходит вечно хмурый и понурый, будто давят его какие-то тяжелые мысли. Он понял, что надо держаться подальше от Агаева. Похоже, что Мукатаев с Оспановым, лежащие сейчас спиной друг к другу, что-то замышляют. Иногда они о чем-то перешептываются. О чем же? Хвалить Агаева шепотом незачем. Видимо, шепчутся о планах побега... Ну, а Калиева я хорошо знаю, он от меня не отстанет...»

Передумав девяносто мыслей и перебрав всех джигитов, Бастаубаев увидел, что пришло время смены. Он пошел будить Калиева. Все, кроме Бектурлиева, спали крепким сном. Агаев забрал в полеводческой бригаде большую кошму из дома Ботакары и перед сном завернул в нее Бектурлиева. Чтобы он не сбежал, концы кошмы помощники Агаева подстелили под себя. Бедный старик, смертельно уставший за ночь, лежал теперь словно спеленатый младенец и не мог даже пошевелиться. Он тихонько стонал и истекал потом — солнце немилосердно жгло его. Но попробуй помочь ему — Агаев его сразу же застрелит.

— Садык! Эй, Садык! Вставай, твоя очередь!— шепотом разбудил Бастаубаев Калиева и возвратился на место. Следом за ним пришел Калиев.

— Тьфу, совсем мы уже устали,— проговорил он, с трудом приходя в себя после сна.

— Еще бы не устать, если шли всю ночь. Я еле сижу. Пойду немного посплю, наверное, снова будем идти всю ночь,— Бастаубаев пошел было, но вдруг, словно вспомнив что-то, вернулся.— Вот что, сегодня ночью обязательно надо бежать. Только будь осторожен!— шепотом сказал он. Через минуту он уже спал.

...Снова пришла ночь. Снова Агаев вывел группу на дорогу. Темно, хоть глаз выколи. Над головами висела большая черная туча, сверкали молнии, давая понять, что недалеко до дождя. Агаев ехал верхом и торопил пеших, которые, конечно, не могли угнаться за лошадью. Дождь, начавший тихо капать, вдруг хлынул как из ведра.

Где-то вдали мелькнул сквозь потоки дождя огонек.

— Это что за аул? — спросил Агаев проводника.

— Это животноводческая ферма колхоза «Теректы» Актюбинской области,— ответил Бектурлиев.

— Значит, мы уже пересекли границы Гурьевской области?

— Давно уже. Вчера мы проходили около фермы колхо-

за Кирова. Она хоть и относится к Жилокосинскому району, но по существу находится на земле Актюбинской области.

Агаев видел — необходимо, чтобы люди обсушились и согрелись. Поэтому он увел группу с дороги и, захватив с собой Бом Бахи и Днишева, пошел к ними к аулу.

Они подошли уже близко к ферме, когда раздался крик:

— Кто идет? Стой! Стрелять буду!

Агаев понял, что они наткнулись на отряд. Жестом приказав спутникам следовать за ним, он бросился в сторону от аула. Оглянувшись на бегу, он разглядел сквозь тьму фигуры людей.

Подбежав ближе к группе, Агаев подозвал своих людей и сел на гнедого, которого вел Закиров.

— Оказывается, в этом ауле отряд. Идемте быстрее. Ну, старик, становись впереди!— приказал он.

Агаев то опережал, то отставал от джигитов, которые двигались, сгорбившись под дождем.

— Все тут? Вроде бы кого-то не хватает!— воскликнул он, всматриваясь в группу.

Закиров остановился и стал всех пересчитывать.

— Нет двоих.

— Кого?

— Бастаубаева и Калиева!

— Догнать! Поймать этих собак!— вскричал Агаев, спрыгнул с коня и отдал повод Бом Бахи.

— Как мы будем искать их в темноте? Так и сами можем попасться,— пожал плечами Бом Бахи, не торопясь сесть на лошадь.

«Трусливая собака!»— подумал Агаев. Ему хотелось ударить Бом Бахи, но, подумав секунду, он выхватил из его рук повод. По блеску его глаз в темноте Бом Бахи понял, что начальник страшно разгневан.

— Ладно, идемте! Никуда не денутся, сами придут,— произнес Агаев и снова вскочил на коня.— Зулкаир! Иди со стариком впереди! Я буду замыкающим.

Лишившись двоих человек из группы, Агаев с остальными направился на север.

А в это время Бастаубаев и Калиев переплыли Эмбу и вышли на противоположный берег. Выжали одежду, осмотрелись. Аульных огней не видать. Не слышно ни звука.

— Нет, здесь мы не остановимся, идем. Он верхом, может догнать,— сказал Калиев, одевшись.

— Куда пойдем?

— Пойдем в тот аул, встретимся с отрядом.

Идя по берегу реки, Бастаубаев и Калиев скоро подошли к аулу. Когда они вошли в аул, их облаяла какая-то собака.

— Эй, кто там?!— услышали Калиев и Бастаубаев протяжный голос пастуха.

— Мы, мы...— ответили беглецы, не зная куда деваться от лаявшей собаки, и направились в сторону голоса.

Поздоровавшись со старым пастухом, парашютисты сказали, что они бежали из банды и ищут отряд чекистов.

— А-а!.. Тогда идите сюда!— и с этими словами пастух повел их в глубь аула. Вскоре старик остановился у одной юрты. Не решаясь покинуть парашютистов даже на минуту, он подал голос снаружи.

— Сынок! Выйди сюда!

Шарипов вышел немедленно, как будто ждал приглашения.

— Кто вы такие? — воскликнул он, вскидывая пистолет, когда увидел около старика двух незнакомых людей.

— Мы парашютисты, посланные немецкой разведкой. Бежали от группы и ищем вас,— ответил Бастаубаев, подняв руки вверх.

— Если не врете, то сдайте оружие старику!

Бастаубаев и Калиев сняли автоматы, вынули из карманов пистолеты и отдали пастуху.

— Входите! — приказал Шарипов, открывая вход в юрту.

В юрте сидел Кочетков в форме. Увидевшие его Бастаубаев и Калиев вытянулись у порога. Шарипов стал обыскивать их.

— По-русски знаете? — задал вопрос Кочетков, собираясь приступить к допросу.

— Знаем,— ответил Бастаубаев, кивнув головой.

Предложив пленникам сесть, Кочетков стал их допрашивать.

— Где Атагожиев? — прежде всего спросил он.

— Вчера его застрелил наш начальник,— ответил Бастаубаев, опустив глаза.

Кочетков горестно взмахнул рукой и скривился, словно от боли. Потом резко спросил:

— Кто ваш начальник?

— Агаев.

Шарипов, не спускавший глаз с парашютистов, услышав фамилию Агаева, вспомнил сообщение, которое поступило год назад из Наркомата госбезопасности Туркмен-

ской ССР. В этом сообщении говорилось, что в Туркмении была поймана группа диверсантов из пяти человек, обучавшихся в Люккенвальдской разведшколе и что, по показаниям задержанных, в Люккенвальде готовится группа казахов под руководством некоего Агаева, которую планируется заслать в Казахстан.

— Какой это Агаев? Не Алихан ли? — вспомнив это сообщение, включился в допрос Шарипов.

— Он самый!— глянул на него Бастаубаев.— Оказывается, вы его знаете?

— Где старик, которого мы послали к вам для переговоров

— В группе. Агаев его не отпустил, сказав, что он будет у нас проводником.

— Сколько вас?

— Четырнадцать. Считая с нами. Теперь вместе с Агаевым осталось двенадцать.

— Вы все вместе прибыли в Гурьевскую область или же раздельно?

— Прибыли две группы по семь человек. Первая группа во главе с Агаевым прибыла в ночь со второго на третье мая. Вторая группа прибыла под руководством заместителя Агаева Бом Бахи в ночь с пятого на шестое мая. Мы прибыли со второй группой. Седьмого мая присоединились к группе Агаева.

— С какой целью вы прибыли?

— По приказу немецкой разведки мы должны совершать диверсии и готовить восстание в советском тылу. Однако большинство из группы Агаева не желает выполнять задания немецкой разведки. Вот увидите, скоро все убегут от него.

— Почему же вы вместо того, чтобы бегать поодиночке, не схватили Агаева и не привели его к нам?

— Агаев не одинок. В группе есть преданные ему люди— его помощники — Закиров и Бом Бахи, его адъютант Днишев, настоящий головорез, и один врач. Все четверо не отстают от Агаева. Кроме этого есть еще один байский сынок по имени Альжан Кадыров, который угодничает перед Агаевым. Эти люди по-настоящему стремятся выполнить поручения немецкой разведки.

— Ну, а где сейчас Агаев? — спросил Кочетков, думая о том, как бы побыстрее обезвредить этого опасного человека.

— Движется в сторону гор. Ночью Агаев хотел про-

браться на ферму колхоза «Теректы» и чуть было не вступил в схватку с вашими людьми. Я думаю, что ваши люди преследуют их.

«Наверное, в «Теректы» направился Шармай»,— подумал Кочетков, вспомнив, что уже два дня от него нет вестей...

— Все равно группа никуда не денется,— сказал Бастаубаев задумавшемуся Кочеткову.— Наши гранаты, взрывчатка, деньги, вещи закопаны здесь. За этим имуществом Агаев должен вернуться сюда.

— Вы можете показать, где оно зарыто? — спросил Кочетков, испытующе глядя на пленных.

— Конечно. Если нужно, хоть сейчас поведем! — тотчас же ответил Бастаубаев.

Прекратив на этом допрос, Кочетков вышел на улицу. Оставив парашютистов с милиционером, он вызвал к себе Шарипова.

— Таким образом, некоторые загадки разгаданы,— проговорил Кочетков, подводя итоги краткого допроса.— Во-первых, нам уже известно, что перед нами группа Агаева. Во-вторых, известно, что третьего и шестого прилетали немецкие самолеты и оба раза выбрасывали людей из группы Агаева, разделенной пополам. В третьих, стала известна численность группы Агаева, цель и направление ее маршрута. В-четвертых, можно сказать, что снаряжение группы, особенно взрывчатка, в наших руках, а без взрывчатки Агаев не сможет совершать диверсий.

— Действительно, выяснено многое,— согласился Шарипов.— Однако мы не знаем еще, где спрятано снаряжение первой группы.

3. Люди Агаева шли всю ночь и только утром остановились в густых камышах недалеко от какого-то аула.

— Эй, старик, далеко ли до гор? — спросил Агаев, слезая с лошади.

— Еще около пятидесяти километров,— ответил уставший Бектурлиев.

— Оказывается, далеко! Глядишь на них и кажется, что идти до них не больше часа,—вздохнул Агаев, не отрывая взгляда от синевших вершин гор.

Агаев решил еще раз поговорить с людьми, прежде чем они лягут спать, и тут же услышал чей-то храп.

— Кто это? — спросил он, посмотрев по сторонам.

— Маменькин сыночек! — рассмеялся Днишев, указы-

вая на спящего Мукатаева, но, заметив злой взгляд начальника, подавил смех.

— Разбуди его! — прикрикнул Агаев на своего адъютанта.

Днишев приподнял Мукатаева за воротник, однако тот уснул так крепко, что и не пошевелился. Только когда Днишев приподнял его и бросил с силой на землю, Мукатаев, ударившись о землю, проснулся и испуганно завертел головой. Вид у него был настолько нелеп, что и рассерженный Агаев невольно засмеялся. Закиров, Бом Бахи и Днишев, присоединившись к своему начальнику, насмеялись вдоволь. «Кошке игра, а мышке слезы»,— со злостью подумал Оспанов, жалея товарища.

— Снимите с плеч погоны, снимите ордена и медали! — недовольно произнес Агаев, когда смех прекратился.

Джигиты, ни о чем не спрашивая, стали выполнять приказ Агаева.

— Ну, сняли,— сообщил Оспанов.

— Собери все и отдай мне,— поручил Агаев своему адъютанту.

Днишев сложил перед Агаевым снятые погоны, ордена и медали.

— Теперь вытаскивайте из карманов документы! — и жестом Агаев показал Днишеву, что и это надо собрать. Адъютант выполнил распоряжение.

— Так будет вернее. Теперь вы не убежите. Куда вы денетесь без документов?! — произнес Агаев, сердито поглядывая на джигитов.

Только теперь они поняли его игру. «Нет! Отсутствие документов не будет для нас препятствием к побегу. Такими средствами ты нас не удержишь. Сегодня же убежим!»— разозлился Оспанов.

— Ну, а теперь ложитесь! Пять-шесть часов поспим. Заверните этого старика! Оспанов, Керимбердиев, Мукатаев! Вы трое будете стоять в карауле — каждый по два часа. Если увидите, что приближаются люди, сразу же разбудите меня. Смотрите, чтобы лошади и верблюд не выходили из камыша! — приказал Агаев и стал укладываться спать.

Закиров вместе с Бом Бахи завернули старика в кошму и придавили оба ее конца, улегшись на них. Первым стал в караул Оспанов. Когда все заснули, Оспанов искупался... Выйдя из воды и посидев около берега, немного отдохнув, он решил: пусть все пропадает, но он сегодня бежит. Оспанов начал осматривать местность. Присмотревшись, он

обнаружил в низине аул. В ауле никого не было видно, кроме женщин. Выше аула паслись два-три стреноженных коня. «Эх, если бы у меня был тот рыжий конь...— помечтал он, еще раз бросив взгляд на пасшихся лошадей.— Не нужно говорить Агаеву, что рядом находится аул. Если сбегу ночью, то можно будет там найти приют. Однако, чем бежать поодиночке, лучше собрать группу в пять-шесть человек. В горах побег устроить будет труднее. Нет, во что бы то ни стало нужно бежать сегодня ночью, когда выйдем на дорогу. Не сомневаюсь, что Мукатаев пойдет вместе со мной. Если хорошенько поговорить, то и Керимбердиев, по-видимому, согласится. Кого же еще прихватить с собой?»

Когда Оспанов, отдежурив два часа, направился будить очередного караульного, то увидел, что Керимбердиев уже проснулся. Оспанов отвел его в сторонку и с ударением спросил:

— Ну что ж, Кенесбай, так и будем ходить, словно неприкаянные?

— А что же делать? — ответил вопросом на вопрос Керимбердиев, потирая заспанные глаза и не показывая вида, что он понял товарища.

— А если бежать?

— Сейчас, что ли?

— Нет, попозже.

Хотя Керимбердиев и не ответил прямо, Оспанову стало ясно, что он не против побега.

— Как ты думаешь, а Мукатаев присоединится к нам?— спросил он.

— Присоединится,— не задумываясь, ответил Керимбердиев.

— Тогда ладно! — заключил разговор Оспанов и отправился отдыхать. «Зря мы боялись друг друга, оказывается большинство из нас думает одинаково»,— раскаивался он, засыпая.

Наступил вечер. Агаев выступил в последний переход на северо-запад в сторону гор. Будет воля аллаха, сегодня же ночью устроимся в каком-нибудь ущелье, надеялся он.

По обе стороны дороги тянулся густой камыш. Если человек войдет в него, то сразу же исчезнет. Где найдешь лучше место, чтобы спрятаться? Оспанов подтолкнул Керимбердиева, шедшего рядом. Тот, в свою очередь, подтолкнул шедшего рядом с ним. Агаев ехал впереди. Его помощники шли за ним, поместив между собой Бектурлиева. Одно плохо — Мукатаев идет с ними. Если его подтолкнуть и он от-

станет, то Бом Бахи или Закиров заметят это. Рисковать нельзя. Ладно, выбора нет, Мукатаев сам найдет выход из положения, решил Оспанов и нырнул в камыши, следом за ним решившиеся на побег стали поочередно отставать от группы и исчезать в зарослях.

— Подождите немного на месте, пусть прекратится шелест камыша,— шепотом сказал Оспанов товарищам, присоединившимся к нему.

Притихший камыш через пару минут снова зашелестел. «Не шевелитесь!» — подал знак Оспанов и вскинул свой автомат. «Если это Агаев, Закиров или Бом Бахи, тут же пристрелю» — стиснув зубы, подумал он.— Но, возможно, это Мукатаев! Подожду!» В этот миг, раздвинув камыши, к Оспанову шагнул Кадыров.

— Ты что, заблудился или гонишься за нами? — спросил Оспанов, приставив автомат к груди Кадырова, а джигиты схватили его за обе руки.

— Ой, не надо! Зачем мне гнаться! Я решил быть с вами и бежал,— умоляюще произнес Кадыров.

Оспанов был поражен.

— А за тобой кто идет? — спросил он, желая узнать, придет ли Мукатаев.

— Никого нет. Когда я отстал, остальные продолжали идти.

По знаку Оспанова джигиты освободили Кадырову руки и хотели двинуться, но вдруг услышали громкий голос Агаева, который возвращался по дороге, ища их.

— В какую щель забились эти собаки! Нужно было не документы, а автоматы забрать у них! — неистовствовал Агаев.

«А это верно. Если бы у нас не было автоматов, то мы, может, и не бежали бы. Он боится наших автоматов и не входит в камыши» — с радостью подумал Оспанов. Через некоторое время беглецы услышали топот копыт лошади, удалявшейся на север.

— Уехал! — произнес кто-то.

Просидев в камышах около часа, пятеро беглецов вышли на дорогу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Рано утром в урочище Шилисай оперативный отряд Байганинского района Актюбинской области встретил пятерых вооруженных казахов.

— Бросьте оружие! — приказал начальник отряда Анатолий Васильевич Корнилов, понявший, с кем встретился.

Парашютисты побросали автоматы и пистолеты на землю и подняли руки.

— А ты откуда взялся такой? — удивленно произнес Корнилов, увидев Керимбердиева, поднявшего свою единственную руку.

— Из Германии,— не скрывая, ответил Керимбердиев.

— А как ты потерял руку?

— Когда мы занимались учебой, взрывчатка взорвалась и оторвала мне руку.

— И несмотря на это тебя послали сюда?

Керимбердиев кивнул и опустил глаза вниз. Корнилов думал о коварстве вражеской разведки. Наверняка она предполагала, что сколько бы ни были бдительны советские люди, они никогда не подумают, что однорукого инвалида послали враги...

— Куда вы направлялись? — спросил Корнилов, не спуская глаз с Керимбердиева.

— Хотели сдаться и искали вас.

— А где остальные?

— Двое товарищей сбежали за день раньше, и где они сейчас мы не знаем. Ночью мы впятером оставили Агаева. Остальные семь человек направились в сторону гор,— ответил за всех Оспанов.

— Нет, не в сторону гор, Агаев направился в Гурьев. Там он хочет найти какого-то Кокпаева и через него по рации связаться с немцами. Видимо, хочет сообщить им какой-то план,— ввязался в разговор стоявший сзади Кадыров.

Глядя то на Оспанова, то на Кадырова, Корнилов не знал, кому из них верить.

— Ты откуда знаешь это? Ведь вчера Агаев говорил, что мы пойдем к горам,— накинулся Оспанов на Кадырова, заметив, что Корнилов смотрит на них с недоверием.

— Ночью Агаев говорил о Гурьеве по дороге. Как только я это услышал, то понял, что он что-то затевает,— объяснил Кадыров, который до этого не открывал своей тайны товарищам.

— Так кто же из вас говорит правду? — нахмурился Корнилов.

— Ей-богу, я говорю правду. Я собственными ушами слышал, как Агаев сказал, что надо идти в Гурьев,— умоляюще произнес Кадыров, видя, что ему не верят.

— Агаев ему доверял. Возможно, поэтому он сообщил ему секрет, который скрывал от нас,— сказал, поразмыслив, Оспанов. Он решил: Кадырову сейчас можно верить.

Корнилов задумался. Прежде чем преследовать Агаева, надо обязательно передать сообщение Кадырова гурьевским товарищам. Возможно, Агаев раньше нас достигнет города...

— Садитесь на коней! Укажете место, где вы отстали от группы! — приказал Корнилов и вскочил в седло.

По дороге Корнилов многое услышал от парашютистов. Как издевается Агаев над их товарищами, как они убежали за Оспановым, где взяли коней.

— Есть ли среди вас те, кто прилетел с первой группой? — спросил Корнилов, вспомнив вчерашнюю беседу с Гончаром.

— Есть,— ответил Оспанов, приблизившись к чекисту.— С первой группой прибыл только я, а они все прилетели со второй.

— Где груз первой группы?

— Там, на месте приземления. Но названия местности я не знаю.

— А найдешь то место?

— Должен найти.

Разговаривая, Корнилов проехал порядочное расстояние. Солнце уже высоко поднялось и теперь нещадно палило. Кони, шедшие всю ночь, видимо, сильно устали. Да и люди утомились. Корнилов хотел уже скомандовать привал, как вдруг в голову ему ударила мысль: парашютисты говорят, что в Гурьеве есть некий Кокпаев, а знает ли его Гончар... Нет, нельзя отдыхать, надо как можно быстрее связаться с гурьевскими чекистами.

— Гоните коней!

Скакавший во весь опор отряд Корнилова встретил отряд Шармая, двигавшийся на север.

— Вы сбились со следа Агаева,— сказал Корнилов Шармаю, когда они познакомились.

Узнав от Корнилова новости, Шармай повернул коней в другую сторону. Вскоре они прибыли к месту, где Оспанов и Кадыров отстали ночью от Агаева. Следопыты приступили к изучению следов. Сообщение Кадырова оказалось верным. След шел не прямо к горам, а сворачивал влево. Ясно, что если Агаев шел всю ночь, то днем он где-то притаился. Если он до утра двигался по этой дороге, то должен был остановиться около третьей или четвертой нефтекачки. Если

так, то надо оставить где-нибудь неподалеку уставших коней и задержанных парашютистов и на машине как можно скорее двинуться по следу Агаева.

Придя к такому решению, Корнилов и Шармай, объединив свои отряды, направились к аулу Кулакши. Аул находился в трех километрах от фермы колхоза «Теректы». Сегодня туда должен был прилететь Гончар. Да и машина была там. Кроме того можно будет под присмотром Шарипова, который отправился в колхоз Кирова, послать на поиски груза Оспанова. С помощью Оспанова Шарипов найдет груз первой группы и выкопает его... Выходит, торопись не торопись, а заехать в Кулакши необходимо.

Когда Шармай и Корнилов приблизились к Кулакши, начальник третьей нефтекачки Вениамин Алексеевич Пахоменко получил из соседнего колхоза такую весть.

— Меня послал к вам заведующий фермой,— рассказал ему прибежавший колхозник.— Вчера к нам на ферму пришли пятеро вооруженных казахов в нашей форме и с ними один старик-пастух. Они заставили меня зарезать яловую корову, половину сварили и съели, а половину забрали с собой. Наши солдаты никогда бы не позволили себе такого. Видимо, это бандиты.

Пахоменко знал от чекистов о вражеском десанте, поэтому решил усилить охрану нефтепровода и нефтекачки. Он сообщил по селектору оперативным группам, охранявшим соседние нефтекачки, о рассказе колхозника и, не дожидаясь помощи, взял с собой семерых вооруженных людей и вышел на дорогу на розыски парашютистов. Группа Пахоменко, обходя ферму, удалилась от нефтекачки на четыре-пять километров, когда из какого-то укрытия ударила автоматная очередь. Залегший враг не подпускал к себе. У людей Пахоменко автоматов не было, они отвечали огнем из винтовок.

Вскоре к месту перестрелки прибыли одна за другой две оперативные группы, принявшие сообщение Пахоменко. Газиз Хусаинов, оперативный уполномоченный Гурьевского областного управления НКВД, метким выстрелом убил одного из врагов, и автомат замолк.

После того как автоматчик погиб, стрельба прекратилась, наступила тишина. Подполковник Сергей Николаевич Лебедев, один из руководителей Актюбинского областного управления милиции, командовавший одной из групп, пришедших к месту перестрелки, поднял голову и огляделся. Кроме убитого автоматчика никого не было видно. «Как бы

они не скрылись!» — подумал Лебедев и стал осторожно приподниматься, но тут же заметил, как к убитому подвигается один из притаившихся парашютистов, и снова пригнулся. Диверсант открыл стрельбу из пулемета. Замершая было перестрелка возобновилась.

— Огонь! — скомандовал Лебедев своим солдатам.

Грохнул залп, и пулемет замолк.

— Сдавайтесь, если не хотите погибнуть! — крикнул Лебедев.

Но враг не желал сдаваться, пулемет снова начал строчить. Чекисты усилили стрельбу.

— Бросай гранату! — приказал Лебедев одному из солдат, отличному гранатометчику.

Граната, брошенная уверенной рукой, разнесла пулеметчика на клочки. Стрельба вновь прекратилась.

— Кажется, остальные сбежали, надо их догнать! —сказал Лебедев.

С несколькими солдатами Лебедев подошел к месту взрыва. Там они нашли два трупа, ручной пулемет, автомат, сумку для патронов и несколько консервных банок. Виден был след, который шел по оврагу. Сев на машину, Лебедев и Хусаинов двинулись вдоль обрыва. Время от времени машина останавливалась, Хусаинов спускался в овраг и проверял след. Он тянулся на юг. Видно было — враг прошел уже порядочное расстояние. Должно быть, группа оставила двоих людей с пулеметом и автоматом для прикрытия, а сама ушла уже давно — иначе беглецы не смогли бы удалиться на такое расстояние.

Проехали несколько километров, и Лебедев заметил в овраге троих бегущих человек. Машина остановилась, отряд стал окружать беглецов.

— Бросайте оружие, сдавайтесь! — крикнул Лебедев.

Враг и не подумал прислушаться. Из оврага бросили гранату. Солдаты вопросительно смотрели на Лебедева.

— Уничтожить!— отдал приказ подполковник.

Стрельба продолжалась минут пять. Вражеские автоматы замолкли один за другим. Лебедев подобрался к обрыву и заглянул в овраг. Три неподвижные тела лежали на дне. Лебедев, Хусаинов и другие солдаты спустились в овраг.

— Этот, наверное, и есть Агаев,— произнес Хусаинов, указывая на усатого мертвеца.— Посмотрите, нет ли следов, которые поднимаются наверх.

Солдат, побежавший осматривать овраг, быстро вернулся.

— Товарищ начальник! Дальше нет никаких следов.

— Как так! Должны быть еще два парашютиста. Да и где же этот старик, Бектурлиев? — удивился Хусаинов.

По словам колхозника, который пришел к Пахоменко, только вчера вместе с пятью бандитами был старик, так где же он? Постой! Если на ферму ходили пятеро, то где в это время были остальные двое? Бектурлиев должен знать это...

Наступила темнота. Лебедев и Хусаинов собрали трупы и трофейное оружие в машину и возвратились на нефтекачку.

2. Ночью в кабинете начальника третьей нефтекачки Гончар, Шармай, Кочетков и Шуканов планировали совместные действия на следующий день. В кабинет вошел начальник пожарной охраны Жумагали Такенов.

— Товарищ начальник! Пришел старик по фамилии Бектурлиев, хочет с вами поговорить.

— Давай, давай его сюда! — радостно замахал руками Гончар.

Такенов быстро вышел.

— Я же говорил: если старик будет жив, то найдет выход из положения,— произнес обрадованный Кочетков.

Когда Такенов открыл дверь в кабинет, то за ней чекисты увидели Бектурлиева, который не решался войти.

— Входите, входите,— произнес Кочетков, направляясь к нему. Старик, увидев улыбающиеся лица сидящих в кабинете, снял шапку и смело вошел.

— Как здоровье, дедушка? — обратился Кочетков к Бектурлиеву.

— Нормально,— ответил пастух, поглаживая свою маленькую бородку.

— Это начальник областного управления НКГБ товарищ Гончар! — представил своего начальника Кочетков.

Бектурлиев знал Кочеткова и Шармая, но потому что рядом был посторонний человек, не начинал говорить открыто. Теперь же, узнав, кто этот «посторонний», он облегченно вздохнул: «Ух, наконец-то я вас увидел!» — и сел на стул. Вид его говорил о том, что этот человек перенес тяжелые испытания и чудом избежал смерти.

Несколько минут все сидели молча.

— Знаете, что они застрелили Атагожиева? — спросил наконец Бектурлиев.

— Знаем, Баке! Уже пять дней, как мы его похоронили! — ответил Гончар.

Старик снова замолк.

— Ну, а вашего поручения я не смог выполнить,— виновато сказал он через некоторое время.

— Вы очень скромный человек,— засмеялся Гончар,— По-моему, вы очень хорошо выполнили задание.

— Вы слишком расхваливаете меня. Ведь пока я был с врагами, я вам ни одной весточки не передал.

— Как? А когда забирали Атагожиева из аула, кто сказал, что вы будете двигаться по берегу Эмбы в сторону гор?

Выражение лица пастуха изменилось, на нем проступили удивление и радость.

— Так значит вам передали это! — произнес он, повеселев.— Я думал, что женщины забудут мои слова, не придадут им значения.

— Еще как придали! Они в ту же ночь сообщили нам все, что произошло,— вмешался в разговор Кочетков.

— Молодцы! А я думал, что вместо пользы принесу вред, указывая путь врагу, запутаю вас,— Бектурлиев еще раз погладил бородку.

— Нет, Баке. Вы нам во многом помогли. Это немалый труд, находясь среди врагов семь дней, переубедить семерых человек,— сказал Гончар и похлопал старика по спине.— Основную задачу вы выполнили.

— Бог ты мой, да разве я был причиной их побега?

— Конечно, вы. Вы же им говорили, что они в окружении, что им не уйти. Разумеется, они и так трусили, а ваши слова еще больше усилили их желание бежать!

У старика поднялось настроение.

— Чем закончилась недавняя перестрелка? — спросил Бектурлиев.

— Пятерых застрелили, а вот двоих нет,— отвечал Гончар.— Вы не знаете, куда делись эти двое?

— Не знаю. Позавчера Агаев отправил куда-то двоих. Я не мог узнать, куда он их отправил и зачем.

— Позавчера?

— Да.

— Значит, они не участвовали в сегодняшнем бою?

— Нет, сегодня в группе было уже только пять человек.

— Ну, а сами вы как избавились от Агаева? — спросил Гончар.

— Когда началась стрельба и один из бандитов погиб, Агаев оставил пулеметчика и вместе со своими помощника-

ми бросился бежать. Я тоже побежал в овраг, но в сторону от них. «Эй, старик! А ты куда?» — спросил Агаев и наставил на меня винтовку. «Я приведу коней»,— обманул я его. Коней я, действительно, оставил в соседнем овраге, и Агаев поверил мне. «Мы будем бежать по дну этого лога, а ты побыстрее возвращайся!» — сказал он. Он никого не отпускал от себя без охраны, а тут отпустил меня. Видимо, испугала его стрельба. Я поймал лучшего коня, сел на него и двинулся вверх по оврагу, подальше от бандитов. Другой конь и верблюд остались там. Утром надо будет найти их,— рассказал Бектурлиев, погладил бородку и задумался.

— Ничего с ними не случится, куда они денутся, утром вы их найдете. Главное, что вы живы-здоровы! — произнес Гончар, заканчивая разговор.

На следующий день чекисты показали Бектурлиеву убитых.

— Вот их главарь,— произнес Бектурлиев, толкнув ногой труп усатого.— Обещал поставить меня волостным управителем...

— Это любопытно! Расскажите, как он вам говорил об этом,— заинтересовался Гончар, когда они отошли от убитых.

— Чего он только ни говорил. Говорил, что скоро уничтожит большевиков в Казахстане и возьмет власть в свои руки. Вновь создаст правительство «Алаш-орда» и станет во главе этого правительства. Он хотел распустить колхозы, совхозы, МТС. Советов не будет, а начальниками будут волостные, бии, ходжи. «Тогда, старик, я тебя сделаю волостным»,— обещал он. «Скота у тебя будет много, возьмешь себе молодую жену, а если захочешь, то и несколько жен возьмешь. Только не забудь пригласить меня на свадебный той. Сяду на самолет и под желто-шелковым знаменем «Алаш» как вихрь прилечу из Алма-Аты. Даст бог, мы тогда устроим скачки и повеселимся». Так он мечтал.

— Вот это да! — удивился Гончар.— Ну, а вы что ему отвечали.

— Э, да что ему, проклятому, я мог ответить? Ведь говорят: «Если кукушка рано подаст голос, то лишится головы». Я ему сказал, что рано он занялся обещаниями, а он разгневался. После этого он уже не доверял мне и на остановках заворачивал меня в кошму. Ну и измучили меня эти звери!

— Молодец, дедушка! — похвалил старика Гончар.— Много вытерпел, но много сделал!

— Если позволите, я пойду искать коня и верблюда. Надо найти! — сказал Бектурлиев и вопросительно посмотрел на Гончара.

Гончар и Шармай рассмеялись.

— Идите! — ответил Гончар.

— Ни пуха, ни пера! — произнес Шармай.

— Вот это настоящий труженик! — с гордостью в голосе сказал Гончар, когда пастух ушел.— Со вчерашнего дня беспокоится о скоте. Настоящий человек! Мы сильны именно поддержкой таких людей. Что бы мы могли сделать без их помощи, без помощи народа? Вся история с Агаевым — лишнее доказательство этого.

В это время в кабинет, где беседовали Гончар, Шармай и Кочетков, вбежал начальник нефтекачки Пахоменко.

— Товарищ начальник! Вас вызывают к телефону,— быстро сказал он Гончару.

— Кто?

— Начальник Макатского отделения НКГБ.

Гончар стремительно вошел в канцелярию нефтекачки и взял со стола телефонную трубку.

— Алло! Да... Совсем хорошо. Поздравляю! Куда их направили? Что ты! Вот интересно! Да, да, слушаю... Погоди! Если так, то обоих побыстрее отправь в Гурьев! Я сейчас вылетаю туда. Хорошо. До свиданья!..

Шармай и Кочетков поняли из реплик Гончара, что он получил радостное сообщение от начальника Макатского НКГБ.

— Операция еще не закончена, товарищи! — произнес Гончар, положив телефонную трубку.

— Почему?! — удивился Кочетков.

— Те двое явились в Макатское НКГБ. Агаев послал их для связи с Кокпаевым в Гурьеве. Однако в город они не пошли.

— Так почему же операция не закончена?

— Скоро должна прибыть еще одна группа. Следующая наша задача — взять ту группу на месте приземления.

— Это другое дело. А группу Агаева мы нашли всю,— успокоился Кочетков.

3. Около Гурьевского областного управления государственной безопасности остановилась черная сверкающая машина. Из нее вышли первый секретарь обкома партии Сергей Иванович Круглов и Иван Михайлович Гончар и направились в здание.

Поднялись на второй этаж. Гончар привел Круглова в свой кабинет. Секретарь обкома доволен.

— Вы, наверное, слышали о новом фонтане? — спросил он Гончара, наливая из графина, стоявшего на столе, воду в стакан.

— Знаю,— ответил Гончар.— В какую бы газету ни заглянул, в каждой есть сообщение о гурьевском фонтане.

— Да. Об этом стоит писать газетам. То, что из пробуренной скважины ударил такой фонтан, говорит о больших запасах нефти на Кошкарском участке Доссорского промысла. Сейчас скважина дает за сутки около десяти тонн нефти. Серьезное достижение!

Гончар достал из сейфа лист бумаги и протянул его Круглову.

— «Потерпите, скоро к вам прибудет помощь. С приветом. Феннер»,— прочитал Круглов и поднял взгляд на Гончара.

— Это последняя радиограмма, посланная на имя Кокпаева германской разведкой. Хотя в ней не указаны день и место высадки, ясно, что гитлеровцы готовят еще одну группу для засылки сюда в ближайшее время.

Круглов, хорошо знавший об «игре», затеянной чекистами с германской разведкой, задумался.

— Не случайно немцы засылают группы диверсантов именно в Гурьев. Они хотят вывести из строя нефтепровод Гурьев — Орск и тем самым усложнить обеспечение Советской Армии нефтью. Кроме этого врагу хорошо известно о больших запасах нефти в Гурьеве. Они надеются, что если количество нефти уменьшится, то соответственно уменьшится количество танков и самолетов, принимающих участие в нашем наступлении.

— Это первое. Во вторых, по словам Бастаубаева и Калиева, германская разведка поручила Агаеву при помощи диверсий сеять среди народа недовольство советской властью и готовить казахский народ к выступлению против большевиков.

— Вот видите!

— Сергей Иванович, вы заметили, что в сегодняшнем номере газеты «Казахстанская правда» помещено интересное сообщение, имеющее отношение к нашей беседе? — Гончар достал газету.

— Сообщение о чем?

— Недавно турецкая полиция раскрыла в Анкаре тайную фашистскую организацию...

— Да, читал,— вспомнил Круглов.

— В самом факте, конечно, ничего неожиданного не имеется — вероятно, нет места, куда бы не совала свой нос немецкая разведка. Любопытно то, что среди главарей этой разоблаченной организации находился известный нам Заки Валидов. Наверное, вы помните это имя?

— Это он возглавлял контрреволюцию в Башкирии?

— Он. Это друг Мустафы Чокаева. После смерти Чокаева среди туркестанских белоэмигрантов началась драка за первенство, и, видимо, Валидова не допустили в Туркестанский национальный комитет. Надо думать, что, заметив его недовольство, германская разведка использовала его для тайной деятельности в Турции... Вот послушайте,— и Гончар стал читать отрывок из газетного сообщения:— «Стамбул. 20 мая. ТАСС. По сообщениям газет, турецкая полиция произвела обыск в домах главарей недавно раскрытой фашистской организации Михаила Айтыза, Огуза Турка и Заки Валидова.

Документы, изъятые при обыске, доказывают, что турецкая организация, следуя примеру немецких фашистов, подготовила проект «Новой конституции Турции» и заранее поделила между собой места в будущем правительстве. Ясно, что эта организация создана в тесном сотрудничестве с немцами и получала финансовую поддержку из Берлина. Первые номера подпольных газет и журналов, которые она издавала, были отпечатаны в Германии, а затем переправлены в Турцию...

— Так. Видимо дела у германской разведки стали плохи. В какой бы стране она ни действовала, провал следует за провалом. И все же немцы еще сильны, борьба все еще не окончена, будьте бдительны и не упускайте прибывающую группу,— сказал Круглов и взглянул на часы.

— Конечно,— согласился Гончар.

Поговорив еще некоторое время, Гончар позвонил по телефону.

— Товарищ Шармай! Откройте ту комнату. Мы сейчас вместе с Сергеем Ивановичем... Да-да...

Прошедшие в «ту комнату» Шармай и Шарипов встали при появлении своего начальника и первого секретаря обкома партии.

— Да это же целый арсенал! — воскликнул Круглов, увидев оружие и взрывчатку, разложенные в комнате. Он осмотрел все по порядку и покачал головой.

— Вот список трофейных вещей,— Гончар подал отпечатанный на машинке листок бумаги.

Круглов стал вслух читать список:

«Ручных пулеметов — 2,
запасных частей к пулеметам — 1 ящик,
автоматов — 8
винтовок — 9,
пистолетов «маузер» — 10,
патронов — 20 тысяч штук,
взрывчатки — 50 килограммов,
гранат — 25 штук,
диверсионных принадлежностей — 2 ящика,
дымовых шашек — 140,
ракетниц — 2,
раций, обеспеченных всем необходимым,—3,
антисоветских листовок (на казахском языке) — более 3000 экземпляров,
типографский станок —1,
казахский шрифт, клише — 20 килограммов,
различные заполненные документы — 12 комплектов,
различные бланки документов — 130,
каучуковые печати и штампы — 136,
советские деньги — 666 000 рублей,
парашюты — 51,
военная и обычная одежда, питание на месяц, дневники Агаева, письма и другие мелкие предметы».

— Здорово их снарядили! — сказал Круглов, прочитав список.— Если бы дали им свободу действий, то они бы этим оружием и взрывчаткой уничтожили множество людей и вывели из строя многие промышленные предприятия. Но господа фашисты просчитались. Когда у нас есть такие мужественные чекисты, когда их поддерживают все советские люди, нам нечего тревожиться, даже если гитлеровцы будут посылать шпионов и диверсантов не десятками, а сотнями. Не так ли? — и секретарь обкома посмотрел на Гончара.

— Безусловно так, Сергей Иванович. Чекисты всегда готовы к решительным действиям, они знают, что партия и народ доверяют им,— ответил Гончар.

— Ну, успехов вам! — произнес Круглов и стал прощаться с чекистами.— Это не фальшивые деньги? — спросил он, когда его взгляд упал на стол, где были сложены огромными пачками тридцатирублевые красные бумажки.

— Нет, не фальшивые, мы проверили в банке,— ответил Гончар.

— Тогда немедленно сдайте их в государственный фонд, пусть послужат делу уничтожения фашизма,— заключил Круглов и вышел.

Проводив его до машины, Гончар возвратился в кабинет.

— Приведите ко мне арестованного Мукатаева! — приказал он по телефону коменданту тюрьмы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. К середине 1944 года положение гитлеровской Германии стало критическим. На Восточном фронте Советская Армия один за другим наносила фашистским войскам сокрушительные удары — армия третьего рейха не досчиталась после них доброго миллиона солдат. Восполнить этот миллион в то время, как половину рабочих в хозяйстве империи составляли женщины, а треть — военнопленные и угнанные на гитлеровскую каторгу жители оккупированных территорий, было невозможно.

Были освобождены почти все ранее захваченные гитлеровцами районы советской земли. Англо-американские войска вели бои в Италии. Все понимали, что до открытия второго фронта остаются считанные дни: империалисты Запада с тревогой следили за победоносным наступлением советских войск, медлить дольше было уже не в их интересах.

То, что исход войны предрешен, что поражение неминуемо, понимало все больше людей в самой Германии, в государствах-саттелитах. Понимало это и большинство солдат национальных легионов. Авторитет национальных комитетов, их руководителей упал. Большие группы легионеров сдавались советским частям, уходили к партизанам.

Но руководители рейха в страхе перед неминуемой расплатой не прекращали безнадежной борьбы, которая требовала от немецкого народа жестоких жертв. Была объявлена «тотальная мобилизация». Предпринимались отчаянные попытки во что бы то ни стало удержать в упряжке колесницы империи вассальные государства и национальные легионы.

Фашистское правительство, державшее руководителей националистов в ежовых рукавицах, приказало им провести так называемые учредительные съезды. По замыслу правительства третьего рейха учредительные съезды должны были придать национальным комитетам видимость законности и поднять их авторитет. На съездах будут избраны

«правительства», которые станут союзниками Германии и объявят войну Советскому Союзу. Провозглашение «независимых национальных государств» поднимет боевой дух легионеров, улучшит их дисциплину.

Қаюм-хан, который всегда, как преданный дворовый пес, выполнял приказы своих хозяев, стал усиленно готовиться к созыву учредительного съезда. Он поручил ответственным работникам комитета выступить на съезде и каждому дал тему выступлений. Сам же с группой помощников выехал в Париж. Он взял в свои руки работу по выбору делегатов на съезд из частей национального легиона, находившихся во Франции. Делегатов, избранных на съезд, он направил в Потсдам для того, чтобы они перед съездом прослушали курс лекций в пропагандистской школе. Он считал, что делегатов следует тщательно подготовить для того, чтобы они могли понять мудрость деятельности комитета и его президента. Вали намеревался и в будущем держать их под своим влиянием и использовать как агитаторов комитета. На подготовку к съезду были брошены все силы Туркестанского национального комитета, газеты «Яни Туркестан», журналов «Милли Туркестан» и «Милли адебиет».

8 июля в восемь часов утра в четырехэтажном доме Венского императорского клуба на площади Штайнбергплац собралось около четырехсот человек. Правительственная делегация во главе с фон Менде расположилась в ложе. В другой ложе разместились руководители других комитетов — почетные гости этого съезда. В глубине сцены был установлен портрет фюрера, строго смотревшего в зал на делегатов съезда. И вот на трибуну поднялся президент Вали Қаюм-хан. Гул в зале прекратился, наступила тишина. С торжественным видом, гордо подняв голову, Вали произнес короткую вступительную речь на узбекском и немецком языках.

— Объявляю первый съезд объединенного комитета «Милли Туркестан» открытым!

Затем Қаюм-хан сообщил о порядке работы съезда. По программе, которую он сам составил, съезд должен был работать три дня — восьмого, девятого и десятого июня — с восьми и до восемнадцати часов с перерывом на обед. За три дня съезд заслушает основной доклад президента и содоклады членов комитета. После этого будет дано слово для приветствия съезду представителям германского правительства, почетным гостям и одному-двум армейским офицерам. В конце президент объявит программу комитета и состав

«Национального собрания» и «Туркестанского комитета».

— Возглавлять работу съезда я поручаю члену комитета «Милли Туркестан» господину Алману! — заключил президент.

Раздались аплодисменты.

Каюм-хан был доволен. «Я поведу вас, как чабан отару»,— думал он, глядя в зал. Каюм-хан знал о том, что в легионе известно о борьбе между ним и Канатбаевым. Теперь он задумал, используя съезд, доказать ложность этих слухов, отсутствие внутренней борьбы в комитете и показать, что лично он со всеми в мире.

— Первое слово предоставляется президенту объединенного комитета Большого Туркестана Вали Каюм-хану-ате,—сказал Алмантаев, занявший председательское место.

Президент снова взобрался на трибуну. В последнее время сотрудники комитета стали называть его еще и ата — одного «хана» Вали казалось уже мало. «Я хан Туркестана, то есть ата, дед. Поэтому меня следует называть не просто Вали Каюм-хан, а Вали Каюм-хан-ата»,— говаривал он. И тех, кто не произносил придуманного им титула полностью, он выгонял из кабинета. Таким образом он приучил приближенных обращаться к нему с почтительным «ата».

Прежде чем приступить к докладу, Каюм-хан предложил послать приветственную телеграмму на имя рейхсканцлера Адольфа Гитлера. Он прочитал текст телеграммы. Возражений не было. Телеграмму отправили. Каюм-хан выпятил грудь, оперся правой рукой о край трибуны, а левую поднес к груди, словно для того, чтобы все рассмотрели драгоценный перстень на пальце, взглянул на бумаги и начал говорить. Говорил долго. Остановился на истории Туркестана, лекции по которой он много раз читал. Как обычно историю эту Вали интерпретировал так, что она казалась вывернутой наизнанку, напоминала бред сумасшедшего.

— Вопросы докладчику задавать в письменном виде,— объявил Алмантаев, когда президент спустился с трибуны и занял место рядом с ним за столом президиума.— Сейчас будем слушать содокладчиков.

Докладчики один за одним поднимались на трибуну и говорили, говорили. «Борьба за свободу Большого Туркестана», «Политическая и военная агитация в Туркестанском легионе», «Богатства Большого Туркестана», «Единство народов, единство языков» — темы были распределены давно.

С задних рядов в сторону президиума по рядам поплыла записка. Когда она добралась до назначения, ее прочитал Алмантаев и положил перед президентом.

«Господин Алман!

Почему Туркестанский национальный комитет не издает и не распространяет труды Мустафы Чокаева?

Легионер Утегенов».

Когда президент, сидевший с важным видом, увидел в записке имя Чокаева, он переменился в лице. Выгнав Канатбаева и Кайгина из комитета, он чувствовал себя с тех пор спокойным и был уверен, что съезд без споров закрепит его полномочия и авторитет. И вот ему опять напоминают о Чокаеве. Кто такой Утегенов? Что это за человек? Не собирается ли он разлагать делегатов и сеять среди них недовольство президентом?

...После этого Каюм-хан не мог спокойно слушать докладчиков. Его не интересовало, кто и что говорит, он думал лишь о том, какой дать ответ на этот вопрос. Что мне сказать? Если я скажу, что у Чакаева нет никаких заслуг, о которых стоило бы упоминать, то как к этому отнесутся делегаты? Видимо, отрицательно. Многие из них помнят его. А признать заслуги Мустафы, это значит ослабить мой авторитет. Аллах един, и у государства должен быть один вождь, которому народ обязан всем. Нет, не буду отвечать на этот вопрос публично...

Первый день работы съезда закончился. Делегаты разошлись. Каюм-хан проводил фон Менде до его машины, пришел к себе в гостиницу «Империал», приказал вызвать Утегенова.

— Раньше вы, наверное, никогда не были у президента? — спросил охранник у легионера, когда тот прибыл.

— Не был.

— Тогда я должен вас предупредить. Когда будете разговаривать с президентом, называйте его «ата». Потом будьте предупредительно почтительны. Если он сочтет вас непочтительным и разозлился, то и не заметите, как попадете в гестапо.

Утегенов побледнел. В комнату Каюм-хана он вошел тихо и, увидев за столом президента, который курил сигару, остановился около дверей.

— Проходите! — промолвил Каюм-хан и жестом указал на стул, стоящий напротив.— Как фамилия?

— Утегенов.

— Утегенов! Утегенов! — передразнил президент.— Что

значит «ов»? По-вашему, я что, Каюмов, что ли? Нет, я не Каюмов, я Вали Каюм-хан. Вот как правильно! Вот ты сам легионер, воюешь с большевиками, а не можешь освободиться от большевистского наследия. Все мы туркестанцы, родились в Туркестане, у нас свои обычаи, надо их знать и сохранять. Чтобы я больше не слышал фамилию «Утегенов». Запомни: твоя фамилия — Утеген.

Легионер сидел молча. Каюм-хан остался доволен, что сломил автора записки так, что тот даже «а» не может произнести, и приступил к делу.

— Вы написали на имя господина Алмана записку с вопросом и послали ее в президиум,— сказал он легионеру, внимательно глядя на него.— Думаю, что вы написали по незнанию. Мустафа-бек Шокай-оглы никаких трудов нам не оставил. Действительно, в свое время Шокай-оглы выпускал журнал «Яш Туркестан». Но если говорить по правде, то он и его готовил не сам. Один из тех, кто участвовал в создании этого журнала,— это я. Поэтому я и решил, что ваш вопрос неуместен и мой ответ может поставить вас в неудобное положение. Не желай этого, я не вызвал бы вас к себе.

— Понятно, — ответил Утегенов, не имевший ни малейшего желания продолжать этот опасный разговор.

— Если понял, то молодец, мне больше нечего сказать,— улыбнулся Каюм-хан.

Утегенов, попросив разрешения, вышел из комнаты. Каюм-хан успокоился. «Зря я его боялся, он не похож на человека, который может что-то сделать... Ну, ничего. Я его так прищемил, что теперь он никогда головы не поднимет...»

Съезд продолжался. Продолжались содоклады членов Комитета: «История Большого Туркестана», «Литература Большого Туркестана», «Географическая и административная структура Туркестана», «Годовой отчет о работе журнала «Милли Туркестан», «О работе туркестанской радиоредакции», «Значение борьбы в Большом Туркестане за торжество ислама»... За два дня было заслушано девятнадцать таких сообщений.

— Слово предоставляется национальному герою Туркестана господину Азимову! — объявил Алмантаев.

Делегаты, утомившиеся слушать похожие друг на друга, как две капли воды сообщения, думали услышать от Азимова что-то свежее и поэтому стали слушать со вниманием. Однако и он ничего нового не мог сказать. В конце своей речи он заявил, что для улучшения условий работы Турке-

станского национального комитета он от имени Восточно-мусульманского полка СС передает съезду тринадцать тысяч марок.

Слово предоставили мулле Ганикаре Садырову. Он вышел на трибуну в немецкой офицерской форме и с огромной, словно бадья, белой чалмой на голове. Она делала и так высокого Садырова неправдоподобно длинным. Вот его выступление оказалось неожиданным: он обругал сотрудников Туркестанского национального комитета и делегатов съезда продажными шкурами, обрусевшей сволочью и агентами большевиков. В зале сначала удивились, потом захохотали.

— Чего еще не хватает этому мулле?

— А черт его знает!

— Все докладчики говорили о том, что они враги большевиков, а мулла всех комитетчиков назвал большевиками. Ничего не понимаю.

— И понимать тут нечего. Мулла враг большевикам еще более, чем их враги,— со смехом обсуждали делегаты выступление Ганикары.

Принимавший участие в работе съезда гросс-мулла Восточно-мусульманского полка СС Нуритдин-ходжа Накибов был доволен глупостью выступления Садырова. Накибов мечтал стать главным муллой Туркестанского правительства, и сердце его сжалось от зависти, когда на трибуну съезда вылез Садыров. Но вышло, оказывается, к лучшему: теперь все увидели, какой этот Садыров дурак.

...Два года назад Накибов был помощником Садырова в Легионове. В то время он совершенно не знал корана и даже не мог читать его. Когда Садыров читал молитвы, Нуритдин слушал, запоминал и учился. Он не отставал ни на шаг от Садырова, вместе с ним ложился, вместе вставал и стал преданным его учеником. Когда первый батальон перевели на Украину, Мадер захватил с собой Садырова вместе с группой его учеников. Среди них был и Накибов. Через некоторое время Накибов заучил некоторые места из корана и смог сам читать молитвы. Накибов радовался, думая, что этого достаточно, чтобы быть муллой. Теперь ему хотелось стать главным муллой в батальоне. Как он заметил, Садыров нарушал некоторые заповеди — говорил легионерам: «Водку не пейте, это грех», сам же потихоньку пил, ел свинину, да и от женщин не отказывался. Накибов доложил об этом Копфу. Копф, сам верующий, рассердился, снял Садырова с поста главного муллы и на его место поставил Наки-

бова. В это время батальон сняли из Калмыкии и отправили в Крым. Рассерженный Садыров, захватив группу легионеров, скрылся из батальона (одно время его даже считали перебежчиком) и прибыл в Легионово. Эрнике отругал его и послал сначала на Украину, а потом в Грецию. Таким образом Накибов убрал с пути самого сильного соперника из всех священников легиона и постепенно стал главным муллой Восточно-мусульманского полка СС. Сейчас Садыров намного ниже его по положению. И все-таки Нуритдин с подозрением смотрел, как Садыров поднимался на трибуну. Вот произнесет он хорошую речь, понравится руководителям и станет членом правительства. Ничего такого не случилось, длинный дурак опозорился. Накибов весело смеялся над ним, думая о своей будущей большой карьере...

После перерыва место на трибуне занял командир Туркестанского легиона капитан Эрнике. Он говорил в свой речи об истории создания легиона, о его борьбе и задачах, стоящих перед ним, о помощи, которую оказывает ему немецкое командование.

Приветствовал съезд профессор фон Менде. Он сообщил о том, что президент Туркестанского правительства господин Вали Каюм-хан за заслуги в деле создания Туркестанского легиона награжден правительством Германии орденом «Черный орел». Раздались аплодисменты. Фон Менде, довольный, спустился с трибуны. Его задачей было повысить авторитет Вали Каюм-хана и Туркестанского национального комитета перед легионерами, и он полагал, что справился с ней.

Заключительное слово предоставили Каюм-хану. Он зачитал список людей, которые вошли в Туркестанское правительство. По этому списку в Туркестанском правительстве оказалось двенадцать членов во главе с ним самим и двадцать восемь кандидатов (членов национального собрания) — всего сорок человек. Большинство из них были узбеки. После зачтения списка Вали предложил делегатам принять такое постановление:

1. Утвердить членов Туркестанского правительства во главе с Вали Каюм-ханом и членов национального собрания.

II. Туркестанское правительство является союзником Германии и объявляет войну СССР.

III. Туркестанский легион впредь именовать Туркестанской армией.

IV. Съезд поручает Туркестанскому правительству по-

ставить перед Германским правительством вопрос о полном снабжении Туркестанской армии военной техникой и о том, чтобы освободить всех туркестанцев из лагерей, и тем самым пополнить ряды армии.

V. Выразить благодарность Германскому правительству за то, что оно оказало помощь в создании Туркестанского правительства и созыве съезда.

VI. Через Восточное министерство Германии обеспечить возможность получать техническую специальность рабочим-туркестанцам, которые заняты на немецких промышленных предприятиях, чтобы подготовить кадры специалистов для будущего Большого Туркестана.

VII. Съезд призывает всех туркестанцев-делегатов, офицеров, солдат и служащих, биться, не жалея сил, против Советской Армии и партизан, чтобы вместе с немцами добиться окончательной победы над СССР.

— Итак, законное правительство создано, мы объявили войну СССР, Германское правительство оказывает нам помощь. Теперь дело за вами, господа делегаты. Возвратившись в свои части, ведите Туркестанскую армию к победе! Эй, джигиты Туркестана, властелины большого счастья, да здравствуют внуки Темира!— закончил свою речь Каюм-хан.

2. В два часа ночи в кабинете Гончара зазвонил телефон.

— Алло!— взял Гончар телефонную трубку.

— Товарищ Гончар! Вас вызывает Новобогатинский район. Сейчас...— раздался голос телефонистки.— Говорите!

— Алло, Гончар слушает.

— Товарищ Гончар! Я Хасанов Рахим — учитель сельской школы. Звоню из поселка Забурунье. Здравствуйте!— в голосе далекого собеседника чекист уловил волнение.

— Добрый вечер, товарищ Хасанов! Что у вас там произошло?

— Недавно, в час сорок пять минут, я слышал гул летящего самолета, который через поселок направился в сторону Гурьева. Это двух- или трехмоторный самолет —хотя он летел на большой высоте, но звук слышен был довольно четко. Я решил сообщить вам об этом. Так как он летел в необычное время, я подумал, что это, возможно, вражеский самолет, и поэтому позвонил вам. Если я вас зря побеспокоил, извините!

— Спасибо, товарищ Хасанов, спасибо за сообщение.

Извиняться не за что. Вы проявили необходимую бдительность.

— Спасибо.

— До свиданья, товарищ Хасанов.

«Вот в чем сила наших органов! — думал Гончар, положив трубку.— В единстве с народом, в доверии народа к нам. И замечательно, что много у нас таких людей, как сельский учитель Хасанов, готовых в любую минуту жертвовать своим отдыхом и покоем, чтобы сообщить чекистам о чем-нибудь подозрительном. Ведь нелегко и непросто было ему дозвониться ко мне из глубинки поздней ночью.Но он не пожалел энергии, не пожалел своего сна, чтобы сделать это. Спасибо тебе, учитель Хасанов! Конечно, мы бы узнали об этом самолете, который, очевидно, выбросит десант, но когда бы узнали? Разумеется, рано или поздно мы бы все равно обезвредили врага, но он успел бы нанести нам ущерб, пострадали бы люди, предприятия. Теперь же мы знаем о десанте своевременно, все остальное зависит от нас самих».

Гончар посмотрел на часы и нажал кнопку.

— Предупредите работников управления, чтобы они задержались, — сказал он помощнику, вошедшему в кабинет.— Сейчас пусть ко мне зайдет Шармай.

— Я думаю, что этим самолетом летят те три человека, которых хотел послать Феннер,— сказал Гончар заместителю начальника оперативного отдела.— Нужно побыстрее задержать парашютистов на месте выброски. Немедленно сообщите по рации оперативной группе, которая находится около колодца Саркаска, — пусть будут готовы к операции. Свяжитесь с аэропортом — пусть наблюдают за самолетом, пролетающим в районе Гурьева. Позвоните начальнику Новобогатского райотделения НКГБ—пусть засекут маршрут самолета. Создайте из работников управления две оперативные группы — пусть они подготовятся к выезду...

Шармай записал в блокнот указания начальника и вышел. Работники управления, утомленные ночной работой, собирались расходиться по домам, но, предупрежденные помощником Гончара, ждали, когда Шармай выйдет из кабинета. Тот вышел с таким озабоченным лицом, что чекисты поняли: об отдыхе не может быть и речи. Каждый из них получил задание от Шармая и приступил к делу.

После того как Гончар послал в Москву краткую шифр-

телеграмму о появлении вражеского самолета в Гурьевской области, телефон снова зазвонил.

— Алло!

— Это товарищ Гончар?

— Да, это я.

— Это тот самый Хасанов, из Забурунья.

— Да, да, слушаю.

— Через час после нашего разговора тот самолет снова пролетел через Забурунье — в обратную сторону. Я не знаю, долетел он или же не долетел до Гурьева. Мне кажется, не долетел. Поэтому я позвонил вам, чтобы сообщить об этом. Извините за беспокойство!

— Огромное спасибо. Какой вы молодец! О нас не беспокойтесь, ведь у нас такая работа, ну а почему вы сами не ложитесь спать?

— Я сегодня дежурю в аульном совете.

— А, хорошо, хорошо.

Окончив разговор, Гончар подошел к карте, висевшей на стене. Где Забурунье? Вот, на берегу Каспийского моря. Приблизительно в ста семидесяти-ста восьмидесяти километрах от Гурьева. Туда-сюда триста сорок-триста шестьдесят километров. А немецкий десантный самолет за час может пройти около двухсот пятидесяти километров. По словам Хасанова самолет обернулся за один час. Учитель правильно подсчитал. Самолет вернулся, не достигнув Гурьева.

Вошел Шармай.

— Разрешите? В аэропорту сидит наш работник, он только что звонил и сказал, что никакой самолет не пролетал в районе Гурьева. Наш дежурный переговорил с начальником Новобогатского райотделения. О самолете он ничего не знал. Через некоторое время позвонил сам и сказал, что есть люди, которые видели самолет, пролетавший над Новобогатском где-то около двух часов.

Гончар рассказал Шармаю о втором сообщении Хасанова.

— Наверняка немцы выбросили парашютистов в Новобогатском районе.

— Да, ясно. Зря мы ждали их около Саркаска.

В кабинет вошел дежурный.

— Товарищ подполковник! Только что еще раз позвонил начальник Новобогатского райотделения НКГБ. Сообщил, что в два сорок пять над Новобогатском пролетел самолет, который направлялся на запад.

— Вот видишь!— сказал Гончар Шармаю.— Хасанов доложил точно.

Отпустив дежурного, чекисты стали составлять план операции.

— Значит так,— подытожил в заключение Гончар.— Пусть сотрудники Новобогатского районного отделения вместе с милицией и райактивом, не ожидая утра, сейчас же приступают к розыскам парашютистов. Работники Макатского райотделения должны двигаться навстречу Новобогатскому отряду. Из Гурьева посылаем два отряда. Один из них будет двигаться к Новобогатску по берегу моря. Второй пойдет вдоль реки Урал по территории Баксайского района. Нужно приложить все силы, чтобы сегодня же поймать парашютистов.

3. Наступил полдень. Солнце печет. Оперативный отряд под командованием Газиза Хусаинова мчится, поднимая пыль, на грузовике. Мотор машины, не останавливающейся с раннего утра, перегрелся, капот раскалился.

— Нужно бы воды залить,— говорит шофер.

— Мы сами не меньше твоей машины хотим пить. Пусть потерпит. Впереди скоро колодец Казыбая,— отвечает Хусаинов, сидящий рядом с ним.

Беспредельная степь. По пути нет ни одного селения, где бы можно было напиться воды. «Эх, Гурьев, Гурьев. Всего много в твоей земле, а вот водой тебя обделили»,— чмокает шофер сухими губами и вдруг обрадованно кричит: «Впереди колодец!»

— Стой!— приказал Хусаинов, выскочив из кабины и побежал к развилке дорог. Да, глаза его не обманули: на дороге отчетливо отпечатался велосипедный след. Откуда взялся велосипед в этой пустыне? Аулов поблизости нет. Кто поедет по пустыне на велосипеде в такой жаркий день?..

— Эй, кто знает, куда ведет эта дорога? — крикнул Хусаинов сидевшим в машине, показывая на грунтовку, пересекшую их путь.

— Эта дорога на Гурьев,— ответил шофер.

— Идите сюда!— позвал Хусаинов сидевших в машине.— Видите?

— Вот это да, ведь это велосипед!..

Все согласились с Хусаиновым, что велосипедный след подозрителен.

— Двигай к колодцу! — сказал Хусаинов шоферу, открыв дверцу кабины.

Напившись, умывшись и чуть передохнув, отряд по велосипедному следу двинулся в сторону Гурьева.

— Засеки по спидометру!— сказал Хусаинов шоферу, когда машина тронулась.

Грузовик мчит. Десять, двадцать, тридцать километров. Велосипедный след не кончается. Как бы он вообще не ушел в город. Хусаинов стал беспокоиться о том, как бы они даром время не потеряли. Возможно, этот след идет не в город, а из города... Но тут они увидели велосипедиста.

— Нет, все верно!— воскликнул Хусаинов.— Гони.

Велосипедист оглянулся, увидел преследователей, слез с велосипеда и лег на обочине дороги — видно, хотел показать, что устал и остановился отдохнуть. Машина подъехала к нему. Хусаинов не спеша вылез из кабины и пошел к человеку, лежавшему на обочине, на ходу демонстративно расстегивая кабуру.

— Ты кто?

— Человек.

— Как фамилия?

— А зачем тебе?

— Откуда идешь?

Велосипедист молчал. Хусаинов посмотрел на велосипед. Новехонький и какой-то незнакомой марки. Да, ошибки быть не может.

— Встать! — закричал чекист выхватив пистолет. Обернулся к товарищам:— Обыскать его!

Велосипедист вскочил и поднял руки. Люди из отряда, окружившие его, начали обыск. Достали из карманов паспорт, пистолет и компас.

— Где приземлился? — спросил Хусаинов, увидев компас и пистолет.

Велосипедист стоял молча, опустив голову.

— Где твои товарищи? — продолжал Хусаинов.

Велосипедист простонал:

— Агатай! Я умираю от жажды. Дайте воды... потом все расскажу,— и снова лег на землю.

Принесли фляжку и кружку. Велосипедист залпом выпил кружку. После этого он почувствовал себя лучше и поднялся. Хусаинов ждал ответа. Встретившись с ним взглядом, задержанный вздохнул, помолчал еще полминуты и наконец проговорил:

— Моя фамилия Капалаков. Ночью мы втроем спрыгнули на парашютах.

— Где остальные двое?

— Остались на месте приземления. Если поедете по этой дороге в обратную сторону, то как раз подъедете к ним.

— Садись в кузов, покажешь где.

Оперативный отряд двинулся в обратный путь. Дорога знакомая. Машина мчит.

Совсем пришедший в себя Капалаков мрачно думал о том, как быстро его поймали. Со злостью вспоминал рассуждения работников института «Арбайтсгемайншафт Туркестан», особенно Ольцши.

...Недавно Ольцша сообщил отправляющимся в советский тыл диверсантам о первом Туркестанском съезде в Вене. Ольцша подробно рассказал о том, что Вали Каюмхан получил орден, что на съезде избрано Туркестанское правительство, что Туркестанское правительство объявило войну Советскому Союзу.

— Раньше мы думали, что особождать Туркестан будут наши, немецкие, войска. Теперь же новое правительство, избранное съездом, объявило, что оно само хочет освободить Туркестан. Нам кажется, это правильно. Необходимой помощи германское правительство не пожалеет. Счастивого пути. Если вы поможете своему другу Кокпаеву освобождать туркестанский народ от большевизма, то вы своим трудом положите кирпич в здание будущего независимого мусульманского государства.

Капалаков внимательно слушал слова Ольцши. Ольцша был доволен: эти выполнят задание, зря я сомневался в них.

— Итак, во-первых, вы отдадите Кокпаеву деньги, рацию, кораны и другие вещи. Во-вторых, найдете Агаева и сведете его с Кокпаевым. Агаеву передайте другую рацию. Вот основная ваша задача. Нахожу, что задание не трудное.

— Да, это дело нам вполне по силам,— согласился Капалаков.— Ну, а после выполнения этого задания, что мы будем делать?

— Перейдете под начало Кокпаева. Будете выполнять то, что он скажет, а ему задание будем давать мы, по рации.

— А адрес Кокпаева есть?

— Есть. Он живет в городе Гурьеве. Точный адрес дам

перед самым вылетом. После встречи с Кокпаевым не задерживайтесь в городе, а приступайте к розыскам Агаева.

Ольцша вынул из портфеля карту Гурьевской области, расстелил на столе и начал показывать место выброски и маршрут в сторону Гурьева. Говорил, как следует войти в город, каким способом можно найти Кокпаева. Разъяснил, какие трудности могут встретиться при выполнении задания...

Воспоминания Капалакова прервал голос Хусаинова.

— Так где твои товарищи? — спрашивал Хусаинов, высовываясь из кабины. Машина приблизилась к колодцу Казыбай.

— Отсюда недалеко, поезжайте этой дорогой,— ответил парашютист, махнув рукой прямо перед собой.

Через некоторое время по левой стороне дороги Хусаинов увидел двоих одинаково одетых людей. Увидев машину, эти двое сразу же бросились в овраг и спрятались там.

— Они? — спросил на всякий случай чекист.

— Они,— кивнул Капалаков.

Машина остановилась. Оперативники стали осторожно подходить к оврагу. Подойдя ближе, разглядели дуло двух автоматов, направленных в их сторону.

— Подождите! Они могут начать стрельбу,— предупредил Капалаков.

— Ты скажи, пусть не стреляют.

— Эй, погодите, бросьте оружие. Или вы меня не узнаете? Ведь это наши люди!— крикнул Капалаков.

Двое спрятавшихся слегка приподняли головы, переглянулись и встали.

Чекисты подошли поближе и тогда Хусаинов неожиданно скомандовал: «Руки вверх!». Растерявшиеся парашютисты повиновались. Кроме автоматов у каждого из них оказалось по пистолету.

— Где ваш груз? — спросил Хусаинов.

— Вон там зарыт,— ответил один из парашютистов, кивнув головой в сторону оврага.

— Где, покажи.

В овраге нашли семь парашютов и несколько ящиков. Один был набит коранами и листовками, другой наполнен взрывчаткой, третий занимала радиоаппаратура. В других ящиках нашли советские деньги на полмиллиона рублей, комплекты документов, патроны, гранаты и другие вещи.

— Ну, грузите эти вещи, поедем,— сказал Хусаинов товарищам.

...А немецкий самолет, выбросивший десант, был перехвачен над Астраханью.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1. Преследуя врага, Советская Армия во второй половине июля вступила на территорию Польши.

Польский народ, долгие годы боровшийся за национальную независимость, на освобожденной от гитлеровцев земле взял в свои руки судьбу отечества. В тот же день народное правительство приняло закон о воссоединении Армии людовой с 1-й Польской армией, организованной в СССР, а на следующий день издало исторический манифест, провозгласивший, что новая Польша создана на демократических основах. Манифест объявил незаконным эмигрантское правительство, всю войну околачивавшееся в Лондоне.

В ответ на это руководитель эмигрантского правительства Миколайчик и командующий Армией крайовой в Польше генерал Бур-Комаровский решили поднять восстание в Варшаве. Целью этого восстания, совершенно не подготовленного и с самого начала обреченного на трагический конец, была попытка вырвать у польского народа его завоевания. Варшава будет освобождена без помощи советских войск и народной армии и признает лондонское правительство — вот к чему стремились авторы мрачной авантюры, бессмысленно погубившей огромное число поляков.

Советская Армия подошла к польской столице 1 августа. Когда начались битвы под Прагой — правобережным предместьем Варшавы, Армия крайова подняла в городе восстание. Сигналом к нему послужил взрыв, поднявший на воздух здание, где размещалась немецкая комендатура.

В это время Миколайчик вылетел в Москву для переговоров с представителями народного правительства. Восстание обреченных было козырем в его политической игре. Он требовал, чтобы в новом правительстве представителям буржуазной эмиграции было предоставлено восемьдесят процентов мест, чтобы была сохранена в неприкосновенности фашистская конституция 1935 года. Народное правительство, разумеется, не могло согласиться на такие требования. Теперь Миколайчик ждал, как повернется ход Варшавского восстания.

Представители Армии людовой, народного правительства, находившиеся в столице, и руководители подпольных варшавских демократических организаций резко критико-

вали авантюризм главарей восстания. Но когда начались бои, они сочли невозможным для себя оставаться в стороне. Благодаря настойчивому требованию представителей народного правительства и командования Армии людовой был создан штаб обороны Варшавы.

Через два-три дня восставшие захватили некоторые важные пункты. В их руках оказались телефонная станция, почта, большой многоэтажный дом на площади Наполеона, политехнический институт и электростанция. И все-таки самые решающие места — вокзалы, мост через реку Висла держали немцы. Они ввели в город дополнительные силы. Командовавший подавлением восстания штандартенфюрер СС Дерлавангер ввел в город карательный немецкий полк, один полк армии Власова и другие части.

13 августа по просьбе Дерлавангера в Варшаву был введен Восточно-мусульманский полк СС. К этому дню в западной стороне Варшавы восстание было уже подавлено, бои шли в восточной части города. Так как Восточно-мусульманский полк в Белоруссии показал свою ненадежность, Дерлавангер разделил его на четыре батальона и каждый из них поставил перед немецкими подразделениями.

Туркестанские части вместе с немцами принимали участие в боях в центре города. Битва была упорной. Поляки, не щадя себя, бились за каждый дом, каждый этаж, каждую комнату. Порой, чтобы занять один этаж, гитлеровцам приходилось сражаться пять дней.

Хотя кровь в городе лилась рекой, хотя уже было ясно, что повстанцы зажаты в железное кольцо, которое им не разжать, Бур-Комаровский и министры эмигрантского правительства отвергали предложения командования Советских войск и 1-й Польской армии о совместных действиях, отказывались дать информацию о ходе боев в многострадальной Варшаве. Только 12 сентября, на сорок второй день восстания, 1-я Польская армия получила сведения об очагах боев, продолжавшихся в городе. Советские самолеты забрасывали восставшим продовольствие и вооружение. Одно время появилась надежда на победу. Шесть батальонов 1-й Польской армии высадились на левом, варшавском, берегу Вислы. Однако измученные и ослабленные до предела многодневной неравной битвой отряды повстанцев не смогли помочь этим батальонам. Фашисты наносили удары один страшнее другого по полякам, зацепившимся за от-

крытый каменный берег, и тем пришлось в конце концов оставить варшавскую землю.

После того, как на левом берегу стало известно, что восстание находится на грани катастрофы, командование советских войск и 1-й Польской армии послало руководителям Армии крайовой предложение при поддержке советской артиллерии и авиации прорвать линию обороны немцев и перейти на правый берег Вислы. Вместе с собой повстанцы должны стараться увести как можно больше горожан, особенно женщин, детей, стариков, больных и раненых,— было ясно, что гитлеровцы зальют побежденную Варшаву кровью. Вначале руководители Армии крайовой приняли это предложение, но потом, 30 сентября, отказались от него. Они решили сдаться немцам. Бившиеся в городе части Армии людовой не подчинились этому решению. Они предприняли отчаянную попытку одними своими силами прорвать немецкую оборону, перейти через Вислу и соединиться с 1-й Польской армией. Могучий удар советской артиллерии, вдребезги разнесший немецкие батареи, расположенные в районе Цитадели и физкультурного института, которые контролировали реку, дал возможность спастись большей части польских патриотов. Оставшийся в Варшаве Бур-Комаровский подписал второго октября акт о капитуляции. Остатки Армии крайовой сдались в плен. В городе продолжала вести бой одна Макаровская казарма.

Дерлавангер вызвал Азимова. В последнее время Азимов ходил хмурый и озабоченный. После того, как группа Асанжолова перешла к партизанам, он тоже по примеру Турамысова хотел увести свою роту к «Неуловимым». Но во время ночного боя, услышав крик Асанжолова, Азимов растерялся и упустил подходящий момент. За это он теперь казнил себя, но исправить ничего не мог. «Теперь я по-настоящему предатель»,— эта мысль не оставляла его.

Азимова послали делегатом на Туркестанский съезд в Вену. Когда он возвратился со съезда, полк перевели из Юратишска в Минск, а потом в город Узду. В это время Советская Армия перешла в решительное наступление и, разгромив сильные части немцев, погнала их на запад. Восточно-мусульманский полк СС вместе с немцами покинул Узду и остановился только тогда, когда дошел до Гродно, расположенного недалеко от польской границы. В боях под Гродно был убит Херман. Командиром полка стал Азимов.

Советская Армия, двигавшаяся безостановочно с восточной стороны Белоруссии, гнала оккупантов на запад. Вести о Варшавском восстании усиливали панику. Вскоре полк был переброшен на борьбу с повстанцами.

Азимов шел к Дерлавангеру, не сомневаясь, что немец что-то задумал.

— Ну как дела, мой мальчик?— совсем по-домашнему начал Дерлавангер, поздоровавшись с Азимовым. Тому пришлось принять предложенный стариком тон.

— Хорошо, ата! Поздравляю вас с победой!

— Победа еще не окончательная, малыш. В Макаровской казарме укрылась группа красных поляков и не сдается. Возьми свой полк и освободи эту казарму.

Азимов задумался. «Этот гад разбил полк, когда мы прибыли в Варшаву! Теперь приказывает собрать полк и бросить его на отчаявшихся людей, которым нечего терять. Нет, на это я не пойду, я сохраню моих людей. Многие из них еще будут сражаться против фашистов в рядах Советской Армии».

— Простите, но в течение трех дней я не смогу ввести полк в бой,— ответил Азимов, поднимаясь со стула.

— Почему? Почему три дня? — удивился Дерлавангер.

— Сегодня начинается мусульманский религиозный праздник — рамазан-айт. Он будет продолжаться три дня. Мусульмане не могут в эти дни воевать, иначе они прогневают аллаха,— объяснил Азимов.

Он волновался — а вдруг старый черт знает, что рамазан-айт празднуется совсем в другое время. Заметив, что Дерлавангер сурово нахмурился, Азимов быстро проговорил:

— Вы не сердитесь. Я схожу к мулле и посоветуюсь. Если мулла согласится, то я сразу же возьму свой полк и пойду выполнять ваш приказ.

— Иди и быстрее возвращайся! — все еще угрюмым тоном произнес Дерлавангер.

Азимов побежал к полковому гросс-мулле Накибову. Мулла молился, сидя на красивом коврике и натянув на голову белую чалму.

— Нуритдин-ходжа! Спасите сыновей своих, смерть к ним приблизилась! —обратился Азимов к мулле.

Накибов заважничал, когда увидел взволнованного, запыхавшегося от бега командира полка.

— О аллах, спаси нас!.. — со злорадством продолжал он читать свою молитву.

Азимов с нетерпением ожидал, когда мулла кончит, и

после «аминь!» сразу же выложил дело, с которым пришел.

— Мой дорогой, врать нехорошо, как я скажу, что сегодня рамазан-айт, если он еще не начался. Нет, дорогой, я врать не стану,— закачал головой Накибов.

— Бог ты мой, Нуритдин-ходжа, ведь тогда погибнут ваши духовные сыновья. Если вы немножко уклонитесь от правды, чтобы спасти своих детей, то аллах вам простит,— продолжал настаивать Азимов.

— Нет, нет. Это невозможно. И погибнуть за Туркестан — благое дело,— не соглашался Накибов.

— Как вы не понимаете,— объяснял Азимов,— за полтора месяца в Варшаве погибло сорок девять наших солдат. Вы их благословили. Теперь в новом бою погибнет полностью весь полк. Вы снова всех нас благословите. Хорошо! Что же вы будете после этого делать? Куда пойдете? У кого будете муллой? Разве немцам нужен полковой мулла без полка? Вам придется идти куда глаза глядят с одним этим ковриком под мышкой. Подумайте хоть об этом!

Азимов выложил начистоту все, что у него было на сердце. И он не ошибся, слова его пришлись к месту. Представив себя одиноким и нищим, мулла замолчал. Командир ведь правильно говорит. Действительно, если полк погибнет, то куда я пойду! Зачем я нужен немцам, они меня бросят. Накибов думал о том, что он потеряет все и, механически, словно желая проверить, не пропало ли уже его золото, поочередно ощупывал все свои карманы. Наконец, собравшись с мыслями, Накибов проговорил:

— Дорогой мой, дело не в моем имуществе и не в моей судьбе. Думаешь, я против того, чтобы спасти джигитов? Я противился потому, что не хочу гневить аллаха. Но возможно ты, сам не зная этого, пришел сейчас как его посланник и передаешь мне волю аллаха. Не волнуйся, дорогой. Я сделаю то, что ты сказал.

«Куй железо, пока горячо»,— вспомнил Азимов и сразу же доставил муллу к Дерлавангеру.

— Господин командир! Вы, наверное, не знаете, но сегодня у нас, мусульман, праздник рамазан. Мы должны праздновать его три дня. Если в эти дни мусульмане будут стрелять и проливать кровь, то на них падет проклятие аллаха,— начал врать гросс-мулла.

Дерлавангер не знал, что сказать. Ему хотелось накричать на этих двух и приказать, наплевав на все мусульманские праздники, гнать полк в атаку на Макаровскую казарму. Есть же у христиан свои праздники. Хорошо бы, конеч-

но, не воевать в эти дни. Но ведь это бред, настоящий бред... Однако ему дано указание не раздражать солдат-мусульман. Видно, правительство и верховное командование нуждаются в них, если в наши трудные дни проводятся такие громоздкие и дорогие мероприятия, как этот съезд в Вене. Что же, придется им дать возможность отпраздновать их рамазан...

Старик широко улыбнулся.

— Хорошо, идите празднуйте. Только не в городе. В восемнадцати километрах отсюда находятся базы хозяйственного взвода. Отправляйтесь туда, так будет лучше.

Азимов и Накибов поблагодарили старика. Затем, выпроводив Накибова, Азимов подошел к Дерлавангеру.

— Это мой подарок вам за то, что вы с уважением отнеслись к нашему празднику,— произнес он и положил перед Дерлавангером пакет.

В пакете была тысяча марок. Глаза у Дерлавангера разгорелись.

— Зачем так много? Разве тебе самому не нужны деньги? — лицемерно спросил он.

— Берите, берите! Я холостяк, тратить их здесь негде, зачем они мне. А вот у вас семья,— ответил Азимов, пододвигая пакет:

— Благодарю! — словно сдаваясь перед натиском молодого подчиненного, проговорил Дерлавангер и протянул Азимову руку. Тот пожал ее и обнял старика. Дерлавангер похлопал Азимова по спине. Пакет бросил в ящик стола и достал из шкафа бутылку коньяка.

— За ваш праздник! — произнес он, поднимая рюмку.

После двух -трех рюмок старик совсем подобрел, и Азимов, воспользовавшись этим, поставил вопрос о награждении туркестанцев, принимавших участие в варшавских боях.

— Это верно! — согласился Дерлавангер.— Ты иди с полком и устраивайся, а я с наградами приеду к вам.

Он приехал, когда в походных кухнях Восточно-мусульманского полка, устроившегося на новом месте, уже варились плов и мясо. Построив полк, Дерлавангер своими руками повесил на грудь Азимова железный крест первой и второй степени, золотую медаль и знак, указывающий, что его обладатель много раз лично ходил в атаку.

— За хорошую службу вы все получите награды. Их вручит вам господин Азимов. Ну, а теперь приступайте к пиру! — произнес Дерлавангер. Ему совершенно не хотелось терять целый день, собственноручно выдавая награду

всему полку. «Да и пусть видят, как мы доверяем командиру-туркестанцу».

Дерлавангер посидел немного с полковым начальством, выпил вина, поел плова и уехал. Он оставил Азимову целый мешочек орденов и медалей. Той продолжался. Азимов решил не выстраивать заново весь полк и стал вызывать солдат повзводно и вручать награды. Вначале Азимов каждому вручал по одной награде, но затем стал — кому две, кому три, а кому целой горстью передавать медали и ордена. «Если мне дают по нескольку наград, то зачем я буду им по одной давать, думал Азимов,— жалко, что ли, этих вещичек, их в мешке полно...»

Пока полк отдыхал, пришло сообщение, что Макаровская казарма взята. Выяснилось, что в ней укрывалось всего лишь сорок семь человек.

— Они уничтожили три тысячи немцев! — шепотом сообщил командиру солдат, побывавший в городе.

«Да, хоть аллаха и нету, а на этот раз он все-таки спас нас»,— пробормотал Азимов.

2. После смерти Хермана место руководителя Мусульманского отдела при главном управлении СС оставалось вакантным. Среди эсэсовцев не нашлось человека, который бы так хорошо разбирался в делах Туркестана, что мог занять этот пост. Руководитель главного управления СС Бергер обратился к Шелленбергу с просьбой возвратить Ольцшу, которого забрали от него в прошлом году. Шелленберг не отдал доктора, однако договорился с Бергером. Теперь Ольцше придется работать и в шестом отделе и в главном управлении СС.

Ольцша значительно вырос. Он теперь заправлял делами разведки в Туркестане и одновременно руководил политической работой среди туркестанцев в главном имперском управлении СС. Ольцша получил возможность решать некоторые проблемы, которые тормозило Восточное министерство, через главное управление СС. Он стремился, используя силу СС, добиться осуществления своего любимого плана — плана создания «Большого Туркестана».

Потратив много усилий, Ольцша создал институт «Арбайтсгемайншафт Туркестан» и начал готовить кадры для руководства будущей колонией «Большой Туркестан». Поставил на деловые рельсы вопросы использования ислама и его служителей, организовав «мулла-шуле», сформировал Восточно-мусульманский полк СС... Все необходимые условия для создания колонии «Большой Туркестан» были

подготовлены. Одна только проблема была не решена — продолжали существовать мелкие, раздробленные, малоэффективные национальные комитеты. Ольцша считал необходимым объединить их в единый Мусульманский комитет. В него отделами должны были войти Туркестанский национальный комитет, комитет «Идель-Урал», Азербайджанский комитет, Управление Крымских татар, и Комитет народов Северного Кавказа.

Однако руководители комитетов, а особенно Вали Каюм-хан, не собирались расставаться с президентскими портфелями, а поэтому не желали объединяться. Каждый хотел возглавлять отдельное государство. «Что за глупцы! До сих пор не понимают, что не будет никаких независимых государств!»—с досадой думал Ольцша. Прошлая его попытка объединить комитеты натолкнулись на сопротивление Восточного министерства, тогда эту мысль на время пришлось оставить. Теперь, когда Ольцша занял место в главном управлении СС, он хотел вновь поднять вопрос об объединении. Это будет его помощью немецкой армии, подвергающейся на фронте тяжелым испытаниям.

Но поскольку доктор раз уже обжегся со своим предложением, сейчас он прямо не решался говорить о создании Мусульманского комитета, начал издалека. Но сомнений в своей конечной победе у него не было.

Для начала он предложил для всех мусульманских комитетов создать единую газету. Это предложение одобрили все комитеты. Каждый из них направил своего представителя в центральную редакцию. Каюм-хан выделил в редакцию Омарханова, поручив ему захватить руководство газетой в свои руки. Если эта газета окажется в руках у работников Туркестанского комитета, полагал Вали, то мы будем первыми среди всех комитетов, самыми сильными, самыми авторитетными. Омарханова назначили главным редактором газеты. Однако он не оправдал доверия президента. Он не сумел противостоять хитрым махинациям, которыми издали руководил кто-то опытный в таких делах, и первый номер газеты вышел на татарском языке. Каюм-хан рассердился и отозвал Омарханова из редакции.

Ольцша вызвал руководителей комитетов в главное управление СС для совещания. На совещании был назначен новый главный редактор газеты. Ольцша предупредил комитеты, что работники редакции не имеют права переходить куда-либо без его согласия.

Доктор считал, что будущему объединению комитетов

станет способствовать расширение и усиление Восточно-мусульманского полка. В связи с этим он внес предложение увеличить численность полка и впредь именовать его «Восточно-тюркское соединение СС». Соединение будет состоять из батальонов «Туркестан», «Идель-Урал», «Крым». Возглавлять соединение в целом и батальоны будут немецкие офицеры, а отдельные подразделения внутри батальонов — офицеры Туркестана. Теория Каюма в том, что во главе правительства и армии должны стоять узбеки, сама собой отпадает. Власть будут держать в руках только немцы.

Работники шестого управления на пост командира Восточно-тюркского соединения предложили кандидатуру Гарун эль Рашида.

Носителем знаменитого имени был не потомок великого халифа, а шестидесятилетний немец. В первую мировую войну он служил в Оттоманской армии, получил звание турецкого полковника. В те годы он сменил религию и стал мусульманином. После поражения возвратился в Германию и до прихода Гитлера к власти был мирным коммерсантом. Но, конечно, такой человек не мог остаться в стороне от фашистских планов мировой империи. Во время итало-абиссинской войны он находился в Абиссинии, работая в итальянской разведке. В последние годы был представителем имперской безопасности при Великом Муфтии.

Ольцша пригласил к себе Гаруна эль Рашида для знакомства. Хотя Гарун бурно провел шесть десятилетий своей жизни, он выглядел бодро. Когда он начинал говорить о своей работе в Турции и Италии, то его невозможно было остановить. Самый настоящий болтун. Не было конца его разговорам о том, что хотя он и немец, но в то же время мусульманин, о его связях с Великим Муфтием. Болтун и хвастун. Но хотя Ольцше Гарун не понравился, приходилось считаться с тем, что немцы-мусульмане на улице не валяются.. «Он офицер турецкой армии, был связан с Энвер-пашой, накоротке с Великим Муфтием», успокаивал себя доктор. Он дал согласие на назначение Гаруна командиром Восточно-тюркского соединения СС. Итак, командир и структура соединения определились. Теперь нужно определить формы и знаки различия для его солдат и офицеров. Согласно приказу Гиммлера знаки различия СС могли прикреплять на воротник лишь немцы, родившиеся в Германии (рейхсдойче). Для уроженцев других стран, служащих в эсэсовских войсках, придумывались новые знаки. Каждый раз, когда создавалась новая эсэсовская

часть из немцев, ее организаторы испытывали муки творчества: не рассмотрев и не утвердив проекта свежих знаков различия, Гиммлер и слышать не хотел о планах создания нового эсэсовского подразделения. Поэтому Ольцша поручил экспертам создать такой проект, который стал бы символом Восточно-тюркского соединения СС. Эксперты предложили два варианта: первый — голова волка, второй — полумесяц. Ольцша обсудил с руководителями комитетов предложение экспертов. В конце-концов остановился на том, что на петлицах у солдат восточно-тюркского соединения будет изображена голова волка, а на рукаве — лук и стрела.

Итак, проект плана был создан. Его одобрил Бергер и утвердил Гиммлер. Ольцша приступил к поискам офицеров для командования соединением.

Теперь работники комитета хорошо чувствовали твердую руку главного управления СС. После того, как оно вмешалось в дела комитета, Восточное министерство уже не могло так, как прежде, поддерживать Каюм-хана. Авторитет министерства падал в глазах комитетчиков, в то же время рос авторитет главного управления СС. Большинство работников комитета понимало, что все равно эсэсовцы рано или поздно объединят раздробленные комитеты, и поэтому перестало прислушиваться к голосу Каюм-хана.

Ольцша вернул в Берлин изгнанного Канатбаева. Доктор слышал, что этот казах деловой и деятельный человек, и решил использовать его в институте «Арбайтсгемайншафт Туркестан».

Вали, узнав, что Канатбаев вернулся из легиона в Берлин и бывает у Ольцши, попытался схитрить и снова пригласить его в комитет. Президент звал не на рядовую работу, а вторым своим заместителем, вместо Алмантаева, недавно бежавшего в маки к французским партизанам.

Когда Канатбаев увидел Каюм-хана, у него волосы стали дыбом. От ненависти и отвращения его затошнило. Перед его глазами проносились дни, проведенные в гестапо, которые он запомнил на всю жизнь.

— Признаешься, что ты советский агент? — неожиданно спросили его гестаповцы на первом допросе.

— Советский агент?! Не понимаю! Я же враг Советов!

— Я говорю: ты советский агент.

— Нет, нет, я не советский агент. Это клевета. Нет человека, который ненавидел бы советскую власть больше, чем я...

— Короче! — крикнул гестаповец, ударив кулаком по столу.— Ты почему в Туркестанском национальном комитете ведешь подрывную деятельность?

— Я говорил о возможности вести борьбу с коммунистами в больших масштабах. Разве это подрывная деятельность?

— Отделить киргизов и казахов от легиона, значит ослабить его силу. Что это — усиление борьбы или подрывная деятельность против нас?

— Я говорил о том, что надо объединиться с татарами и башкирами и тем самым увеличить нашу мощь. Этому противился Вали Каюм-хан, а поэтому я хотел отделить казахов и киргизов от Туркестана и соединиться с татарами и башкирами. Это не подрывная деятельность.

— Так это ты писал об этом на имя рейхслейтера Розенберга? Не так ли? Так. Германское правительство не поддержало тебя, сочло, что нельзя разбивать Туркестан. Нельзя к нему и присоединять новые земли. Вот передо мной лежит заключение профессора фон Менде на твой проект. То, что, зная решение германского правительства, ты продолжал распространять среди туркестанцев свои сумасбродные мнения, является преступлением. Не сомневаюсь: это ты делал по заданию советской разведки.

— Нет, нет, советская разведка тут ни при чем. Повторяю, я горячий враг Советов. Но о решении германского правительства по моему письму мне никто не сообщал. Мнение Каюм-хана я не считал и не считаю правительственным решением. Это авантюрист и карьерист, человек, который ничего не может сделать для победы Германии. Вместо того, чтобы организовать борьбу против большевиков, он сам сеет раздоры в комитете. Он убил Чокаева, а теперь подбирается к нам...

— Закрой пасть, собака! — закричал гестаповец, нависая над арестантом, как черная туча.— Ты не хочешь сознаться в одном преступлении, а уже совершаешь другое. Кто тебе дал право ругать президента Туркестанского правительства? — И гестаповец ударил Канатбаева по голове толстой дубинкой. Арестант схватился за окровавленный лоб и потерял сознание...

Уж не говоря об остальных обидах, одного этого удара было достаточно, чтобы навсегда вселить в душу Канатбаева ненависть к Вали. Гестаповская дубинка рассекла ему левое веко. Теперь, когда Канатбаев говорил, веко трепетало в тике.

Если не считать этой новой отметины, то Канатбаев не изменился ни внешне, ни внутренне. Как бы он ни ненавидел Каюм-хана, он понимал, что тот теперь ничего не может сделать против него, и поэтому попросил у Ольцши не посылать его в институт, а дать согласие на его работу в Туркестанском комитете.

— Организованная вами газета «Турик бирлиги» соответствует моим стремлениям, о которых мы когда-то писали Розенбергу. Работу по осуществлению их я хочу выполнить под вашим руководством,— сказал Канатбаев, объясняя свое желание.

Ольцша согласился. Канатбаев ушел в комитет. Он был назначен вторым после Хаитова заместителем президента. С первых же дней он стал выполнять задание Ольцши. Канатбаев посоветовался с поддерживающими его работниками комитета и составил список людей, которые могут быть командирами в Восточно-тюркском соединении СС. Список был направлен Ольцше.

3. В августе началось восстание народов Словакии. Оно разгоралось все сильнее. Вся Словакия превратилась в партизанский край.

Когда Восточно-тюркское соединение СС прибыло в город Мияву, фашистское командование готовилось к крупной операции по захвату городов, освобожденных партизанами. 22 октября по всей Словакии началось наступление против восставших. В операции принимали участие армейские танковые и моторизованные части и войска СС. Бои шли на севере в районе города Липтовска Осада, на западе — Банска-Быстрица, на востоке — Тэлгарта, на юге в районе городов Тисовец и Зволен. Повстанцы героически обороняли эти города. Однако проникнувшие в их ряды буржуазные националисты и тайные агенты тиссовцев причинили много зла восстанию. Восставшие не смогли удержать города до прихода Советской Армии. 27 октября политический центр восстания город Банска-Быстрица был взят врагами. Партизанские отряды были оттеснены и укрылись в горах Низкие Татры, Словацкие Рудные горы, Большая и Маленькая Фатра.

Фашисты устроили праздник по поводу победы над партизанами. В эти дни из Берлина в Восточно-тюркское соединение прибыл Хаитов.

— Я приехал посмотреть, каков боевой дух соединения,— сказал он, знакомясь с командирами, которых со-

брал Азимов.— По-моему, боевой дух солдата виден по тому, как он воюет. А вы как думаете? — обратился он к Азимову, желая над ним подтрунить.

— Согласен с вами. А надолго вы прибыли?

— На пару дней.

— Но за два дня вы ничего не увидите. Мы сейчас готовимся к борьбе с партизанами. Поживите. Примите участие в бою. Тогда вы хорошо узнаете боевой дух соединения,— предложил Азимов.

— Нет, что вы, спасибо, я не могу долго оставаться. Времени мало, а мне еще надо съездить и в другие подразделения. Мы считаем ваше соедиение СС образцовым. Достаточно будет и того, что я поговорю с солдатами о прошедших боях, их боевой дух станет ясен,— уклонился от предложения Хаитов.

После того как все вышли из штаба, Хаитов отвел в сторону гросс-муллу Накибова.

— Каюм-хан благодарит вас и передает отдельный привет! — внушительно произнес Хаитов, желая перетянуть на свою сторону муллу.

Когда Восточно-мусульманский полк СС принимал участие в подавлении варшавского восстания, Накибов сильно мародерствовал и часть собранного золота и ценных вещей перед отправкой в Словакию послал Вали Каюм-хану и Хаитову. Как говорится, на добро добром отвечают. Накибов ждал от руководителей комитета ответных даров — пусть не вещественных — и когда услышал слова: «Вали Каюм-хан благодарит», сердце у него сильно забилось и он приготовился слушать со всем вниманием.

— Мы не забудем вашей доброты, Нуритдин-ходжа,— произнес Хаитов, пожав руку муллы.

— Если находясь так далеко от родной земли, мы не будем поддерживать друг друга, что тогда с нами станет! Аллах не одобрит нас.

— Поддержка бывает всякая. Ну, а ваша была исключительной. Ценности, которые вы нам послали, прибыли как раз вовремя. Вы сами знаете положение на фронте, сейчас от немцев нельзя ожидать большой помощи. А наша освободительная борьба требует все больше и больше средств.

— Конечно, конечно,— соглашался Накибов.

— Кстати, Каюм-хан сказал: «Нуритдин-ходжа понимает наше положение, пусть еще раз поможет нам. Наверное, у него кое-что еще сохранилось». Хорошо, что я вспомнил.

Если бы забыл передать его поручение, президент мог бы обидеться,— хитрил Хаитов.

Хаитов долго готовился произнести эти слова. Когда они вместе к Каюм-ханом получили ценности от муллы, то оба удивились. Тогда Вали сказал: «Если этот старый жадный хитрюга послал нам столько, то значит у него осталось в два-три раза больше. Во что бы то ни стало надо из этого старика выжать его золото». Однако каким образом? «Может, вызвать его в Берлин? Здесь мы вдвоем его обработаем» — предложил Хаитов. «Нет, вызывать нельзя, он припрячет золото и приедет пустым,— подумав, решил президент.— Зачем нам нужна его хитрая голова?» Поразмыслив, решили отправить Хаитова в командировку в Восточно-тюркское соединение. И вот их задуманные слова сказаны, Хаитов был доволен: ему казалось, что удалось произнести их удачно.

— Что ты, мой дорогой! Какие у меня запасы! Разве могут быть какие-нибудь запасы у человека, который переезжает с места на место? Все ценности, какие я добыл, я послал вам. У меня остался один кусок золота, его отдал ювелиру, чтобы он изготовил тюркский герб. Так как я ходжа, то мне хотелось бы в петлице носить тюркский герб,— с улыбкой ответил Накибов.

— Конечно, конечно. Вам обязательно нужен тюркский герб, Нуритдин-ходжа,— начал вилять Хаитов, понявший, что уговорить муллу будет не так-то просто.— Если б я знал, то не только поручение президента, но и поручение самого аллаха не стал бы передавать вам. Ну, пусть Каюм-хан поругает меня, чего страшного.

— Нет, так не надо говорить. Если скроешь чье-нибудь поручение, аллах накажет. Наоборот хорошо, что вы сказали. Вы выполнили поручение президента. Только я...

— На нет и суда нет. Так и объясню Каюм-хану.

Кто знает, сколько бы старались перехитрить друг друга два мошенника. Но тут пришел денщик Азимова и позвал их обедать.

За пловом просидели часа два. Наконец гости — Азимов пригласил на обед пятерых офицеров соединения — стали расходиться. Кроме Хаитова и хозяина остался только командир взвода Якумов.

— Пусть и он уйдет! — указал на него Хаитов.

— Это человек, которому я всецело доверяю,— ответил Азимов, не желая удалять свидетеля.

— У меня есть тайна, которую я тебе открою. Хорошень-

ко слушай, и пусть она останется при тебе. Знай, что это поручение Каюм-хана,— веско произнес Хаитов. Азимов кивнул.

— Ты знаешь положение на фронте?

— Знаю.

— Положение должно исправиться,— проговорил Хаитов с видом осведомленного человека.— Будет пущено в ход новое оружие. Чтобы уничтожить весь Советский Союз, говорят, достаточно четырех новых ракет. И тем не менее во избежание неожиданных ситуаций надо беречь наших людей. Меня к тебе специально послал Каюм-хан. Мы слышали, ты после Варшавы весьма разбогател...

Азимов уловил ход мыслей собеседника. «А, тебе, оказывается, нужно золото!..» Но он не подал виду, решив подождать конца разговора.

— Да, мы не с пустыми руками,— произнес он, хотя никаких ценностей он не имел.

— Недавно мы в Берлине через турецких студентов переговорили с турецким правительством. Они решили выдать нам турецкие паспорта на случай, если наступят тяжелые времена. Однако без денег что сделаешь? Нужно турецким друзьям дать десять тысяч рублей золотом или же доллары. Если ты не поможешь, то ничего не выйдет.

Азимов задрожал от гнева.

— Ну и сколько же вы получите паспортов за десять тысяч рублей золотом? — спросил он, с трудом сдерживаясь.

— Нам хватит, да и ты без паспорта не останешься,— ответил Хаитов.

Азимов схватил блюдо с остатками плова и швырнул его в Хаитова.

— Сучий сын! — Азимов выхватил пистолет.— Хотите бежать? А мы, дураки, верили вам. Хорошо, я спасусь, а кто спасет солдат, которые за тебя воюют? Собаки, только о себе думаете! Ради своей корысти сколько крови пролили. Теперь вам ничего другого не осталось, как только бежать в Турцию. Передай все, что я сказал, Каюм-хану.

— Погоди, что с тобой? — испуганно бормотал вконец растерявшийся Хаитов.

— Ты возглавляешь военный отдел в комитете Каюм-хана. Вы вдвоем с Каюм-ханом играете нашей жизнью. Но скоро с вас самих снимут головы!

Не было предела гневу Азимова. И чем яростнее звучал его голос, тем больше сжимался в комочек, как мокрая ку-

рица, Хаитов, мотая в разные стороны окровавленной головой.

— Даю десять часов. Если ты за это время не уберешься из Чехословакии, пристрелю на месте, где застану,— сказал Азимов, размахивая пистолетом.

Хаитов от испуга не мог двинуться с места.

— Иди умойся! — с презрением сказал Азимов, пряча пистолет в кобуру.

Лишь тогда Хаитов стал отряхивать с окровавленного лица приставший к нему жирный рис и пошел умываться.

— Никуда его не выпускай,— приказал Азимов Якумову.— Пусть сегодня здесь переспит, а завтра чуть свет убирается вон. Смотри за ним!

Испуганный Хаитов точно выполнил приказ Азимова. Рано утром, никому не показавшись, он сел на поезд и уехал в Берлин.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1. Однажды, придя в свой служебный кабинет, Каюм-хан обнаружил на письменном столе пакет. В пакете оказалась страница текста, отпечатанного на машинке и озаглавленного «Манифест Комитета освобождения народов России». Каюм-хан плохо знал русский язык и читал эту страницу так, как идет лошадь через глубокий снег—медленно, спотыкаясь, а временами вообще проваливаясь. С трудом он все же одолел этот «манифест» и нахмурился. Вот как, оказывается, «Русский комитет» переименовал себя в «Комитет освобождения народов России». Я так и знал, что этот подлец Власов что-нибудь да выкинет. Как будто ему не хватает русской земли? Смотри-ка: «За неделимую Великую Россию... Народы вокруг России! Не раздробляйтесь и не разъединяйтесь. Все равно каждый из вас не сможет в отдельности создать самостоятельное государство. У вас не хватит сил освободить, а потом защитить от большевиков... свою родину. Объединяйтесь с русскими. Соберем силы в один кулак и освободим нашу родину от большевиков!..» Если немцы ухватятся за это — а согласовал же с кем-то свой манифест этот двухметровый генерал,— все пропало: независимый Туркестан, президентство, власть. Понятно и с кем согласовал — с Гиммлером, конечно. Каюм-хан сидел словно больной человек. Он даже не повернул голову в сторону Канатбаева, когда тот вошел в кабинет, только беззвучно пошевелил губами.

— Что с вами? Почему вы молчите?

Каюм-хан молча протянул заместителю страничку машинописи. Канатбаев посмотрел на Каюм-хана, потом на бумагу, ничего не понял, уселся на стул и стал читать.

— Вот это да! — произнес он, уразумев смысл бумаги.— Как говорится, пока сердился на усы, борода выросла.

Каюм-хан глянул на Канатбаева, пошевелил губами и снова не издал ни звука. «Что он, языка, что ли, лишился?» — подумал Канатбаев и сказал:

— Вот и еще один хозяин объявился — Власов. А как ему не подчинишься, если его манифест утвердил Гиммлер.

— Нет, эта сволочь не будет нашим хозяином, даже если его поддерживает Гиммлер! — высоким голосом закричал наконец Каюм-хан.— Хозяин Туркестана я! Меня съезд избрал. Меня поддерживает Розенберг. Розенберг не подчиняется Гиммлеру. Если Гиммлер рука фюрера, то Розенберг тоже рука фюрера.

— Эх, не знаю. По-моему, Розенберг ничего не может сделать наперекор командованию СС,— пожал плечами Канатбаев.

— Подожди, не торопись. Я сейчас схожу к фон Менде,— сказал Каюм-хан.

Каюм-хан посмотрелся в зеркало, пригладил волосы и вышел. На ходу снова задумался. А если туркестанцы, которые привыкли находиться в составе русского государства, поверят призыву Власова, поддержат его, что тогда делать мне? На кого опереться? Положение рейха с каждым днем все хуже. Действительно, как при таком повороте мне усидеть в президентском кресле?

Неслышно, словно кошка, Каюм-хан открыл дверь в кабинет фон Менде.

— Извините! — произнес он, переступая порог.— Сегодня я получил манифест Власова. Он призывает нас объединиться с русскими...

— Знаю,— кивнул фон Менде.

На Вали это «знаю» произвело впечатление выстрела в упор. Он еле устоял на ногах. «А-а, они, наверное, уже дали согласие на объединение». Он собрал все силы, чтобы не упасть,— все вокруг медленно кружилось.

— Не понимаю, господин профессор. Три года мы вбивали в головы туркестанцев, что будем создавать мусульманское государство, независимое от русских. Ну, а если теперь мы скажем, что не будет независимого государства, что Туркестан войдет в Россию, поймет ли нас народ? Ра-

зумеется, не поймет. Тогда что же это за политика? Как нам разъяснить им призыв Власова?

— Призыв Власова не соответствует политике Восточного министерства. Мы его не поддержим. Наша позиция тебе известна. Нужно проводить прежнюю линию.

Каюм-хан чувствовал, что его возвращают к жизни.

— Вот оно как выходит! — не скрывал он радости.— Тогда у меня есть еще один вопрос, господин профессор.

— Говори!

— Говорят, манифест утвердил господин Гиммлер. Это неверно?

— Нет, это верно. Однако фюрер поручил нам, Восточному министерству, ведение политики, связанной с управлением восточными странами. Господин Гиммлер превысил свои полномочия. Господин Розенберг тоже считает, что Гиммлер незаконно вмешивается в наши дела. Понял? Иди и не беспокойся, делай свое дело.

Каюм-хан возвратился обрадованный. «Туркестан мой и никому я его не отдам»,— машинально шептал он. Однако долго радоваться ему не пришлось. Через несколько дней он услышал телефонный звонок. Говорили по-русски.

— Господин Вали Каюм-хан! Говорит Власов. Вы получили мой манифест?

— Получил.

— Мы ждем вашего ответа. Другие комитеты уже присоединились к нам. А что скажете вы?

— До других мне дела нет. А ко мне не лезьте, ни с кем объединяться я не собираюсь,— грубо ответил Каюм-хан.

— Дело ваше, только потом не раскаивайтесь.

— Алло! Алло! — Каюм-хан желал, чтобы последнее слово осталось за ним, однако Власов уже бросил телефонную трубку. Ну и шайтан с ним, больше не полезет. Но через час его вызвал Ольцша.

— Вы до каких пор будете против объединения? — напал он на Вали.

— Я не понимаю вас, господин Ольцша. То вы предлагали нам объединиться в Мусульманский комитет, то говорите об объединении с русскими. Чему же следовать? За какое вы все же объединение?

Ольцша стиснул зубы. «Ага, камень в мой огород. Милый Вали намекает, что с моими планами ничего не вышло, поэтому я, мол, не вправе требовать от него отчета. Напрасно он считает себя хозяином положения. Эх, Каюм, Каюм, если бы ты знал, что власовский манифест не только одоб-

рен, но и задуман Генрихом Гиммлером, ты бы быстро поджал хвост. Да, дорогой, он просто вызвал Власова к себе и приказал объединить все комитеты и легионы. Что же мне, по-твоему, надо было спорить с рейхсфюрером? Я не кретин. Но если Гиммлер акула, то я щука, и не такой мелкой рыбешке, как ты, Вали, разевать на меня пасть».

— Если вы будете продолжать думать только о себе и бороться за свой портфель, то вы покажете лишь свою ограниченность и ничтожество. Для того, чтобы понять, что сейчас происходит, надо оглянуться назад и заглянуть вперед. Сейчас не сорок первый год и не сорок второй и даже не сорок третий. Мы подходим к концу сорок четвертого. Положение на фронте очень тяжелое. Поэтому не только Туркестанский комитет, но и объединенный Мусульманский комитет в настоящее время недостаточны. Сейчас надо соединить все силы, чтобы не допустить врага в Германию и оттеснить его назад. Как вы этого не понимаете? Ведь если мы не победим, если не завоюем Туркестан, то какой толк в вашем президентском портфеле? Это так же ясно, как то, что дважды два четыре. Только глупец может этого не понимать и, ни на что не обращая внимания, обеими руками держаться за этот портфель,— отчитал Вали Ольцша.

Каюм-хан промолчал — может быть, не нашел что ответить, может, думал о своем.

— Кроме вас все руководители комитетов поддержали манифест Власова. Армянский, Грузинский, Азербайджанский, Северо-Кавказский комитеты и комитет Крымских татар присоединились к Власову. Только вы остались в стороне. Подумайте. Смотрите, как бы такое одиночество не привело вас к печальному концу,— наступал Ольцша.

— Нет, я не присоединяюсь к Власову, не тратьте зря слов,— неожиданно ответил Каюм-хан.

— Как это не присоединишься?! — от изумления Ольцша чуть не потерял дар речи.— Могу добавить, что власовский манифест утвержден рейхсфюрером.

— Мой хозяин — господин Розенберг. Вы это хорошо знаете. Пусть решает он. Без него я ничего предпринимать не буду.

— Я говорю не с Розенбергом, а с вами! Присоединяетесь к Власову или не присоединяетесь? Отвечайте прямо.

— Нет!— отрезал Каюм-хан.

— Тогда проваливай отсюда,— произнес Ольцша и вско-

чил с кресла.— Хватит мучиться с тобой. Забудь, что ты был президентом. Президент! Да ты и в лакеи президента не годишься!

Каюм-хан опешил. Он думал, что руководство СС не договорилось с Розенбергом и хочет обманом и посулами склонить его на свою сторону. Но как только он почувствовал, что его собеседник настроен решительно и намерен действовать всерьез, Вали начал отступать.

— Господин Ольцша! Зачем такие слова...— начал он.

— Прочь! — закричал Ольцша и затопал ногами. Каюм-хан выскочил из кабинета.

Отведя душу, Ольцша поспешил претворить свой план в дело. Он вызвал Канатбаева.

— Вы читали манифест Власова? — спросил Ольцша, приветливо встретив его.

— Читал.

— Вы, наверное, слышали, что все национальные комитеты, кроме Туркестанского, присоединились к Власову.

— Разумеется.

— Как вы смотрите на это?

— Полагаю, что это правильно. В настоящий момент объединение всех народов России и совместное их выступление против большевизма — самое верное решение. И все-таки для того, чтобы наша борьба была более эффективной, я бы внес в маниферт небольшое исправление.

— Какое?

— Власов провозглашает лозунг: «За неделимую великую Россию!» По-моему, этот лозунг не будет увеличивать инициативу всех национальностей, кроме русской. Для успеха в борьбе правильно подчиниться одному человеку. Однако, если будет обещана после победы над врагом полная свобода всем нациям России, то тогда национальные комитеты станут более инициативно сотрудничать с Власовым,— объяснил Канатбаев.

— Я согласен с вами. Проект моего Мусульманского комитета остается в силе. Просто мы его на время откладываем. После победы придет и его час. Но сейчас не стоит обращать внимание на частности.

— Тогда хорошо. Больше у меня нет никаких пожеланий.

— В таком случае дело за вами. Соберите группу ваших друзей, отделитесь от Вали Каюм-хана, и от имени Туркестанского комитета заключите договор с Власовым. Когда договор будет подписан, Каюм-хан останется не у дел и вы

станете начальником Туркестанского отдела в комитете Власова. Согласны?

— Я готов! — произнес Канатбаев, вставая. В его глазах горел огонь преданности.

2. Прибыв в Мияву, Гарун эль Рашид принимал от Азимова соединение СС. Приблизив к себе Азимова, используя его авторитет, он надеялся в короткий срок освоить руководство частью.

Он по-своему распределил силы. Туркестанский полк под командованием Азимова он отправил в село Старая Тура, что в восьми километрах от Миявы, азербайджанский батальон разместил в селе Старая Буга — в шести километрах, батальон крымских татар направил еще в одно село, находящееся в пяти километрах от города. В Мияве остались штаб соединения, санитарное и хозяйственное подразделения.

Хотя часть Азимова была сейчас не больше батальона, Гарун пока оставил за ней название «Туркестанский полк». В полку он не произвел никаких перемен, решив не спешить с ними.

Когда полк устраивался в Старой Туре, к Азимову пришел полковой врач Хабаров. Он рассказал:

— Едва мы разместились, в полковой госпиталь пришел незнакомый человек и попросил лекарства. Мне он показался подозрительным. Я думаю, что он партизан. Что с ним делать?

— Где он?

— Ушел. Я ему сказал, чтобы пришел завтра в четыре часа, а я приготовлю лекарства.

— Хорошо. Завтра в четыре я буду у себя. Если он придет, то незаметно дай мне знать. Я с ним попробую погорить. Пока я не приду, ты его не отпускай, не отдавай лекарства и заставь ждать.

На следующий день в четыре часа Азимову сообщили, что в госпитальную аптеку пришел вчерашний посетитель. Азимов сразу же направился в аптеку. Увидев его, человек, ждавший лекарства, забеспокоился.

— Ты партизан? — спросил Азимов.— Можешь не скрываться. Я ничего тебе не сделаю. Какой ты партизан — чешский или советский?

— Я не партизан,— делая изумленное лицо, ответил незнакомец.

— Хорошо, не хочешь говорить — не надо. Мне не нужно твое признание. Я хочу встретиться и поговорить с твоим командиром. Ты об этом скажи командиру! — произнес Азимов, давая понять, что он не верит ответу незнакомца.

— Вы меня принимаете за кого-то другого,— ответил посетитель, потихоньку пятясь к двери.

— Ты знаешь, кто я? Я командир полка СС, оберштурмфюрер Азимов.

Незнакомец быстро выскочил за дверь. Азимов не препятствовал ему.

— Нужно его задержать,— сказал Хабаров после длительного молчания.

— А лекарства он взял?

— Нет. Я ему говорил, что сейчас будет готово, и не отдавал. Он ушел не дождавшись.

— Значит, он снова придет. Если бы они не были ему очень нужны, он бы так не рисковал. Подождем.

И действительно, через полчаса незнакомец явился снова.

— Я забыл здесь кошелек,— произнес он, глядя на деревянный топчан, на котором сидел.

— Мы ничего не видели,— ответил Хабаров и тоже стал осматривать топчан.

Незнакомец рассмеялся.

— Если вы давеча говорили правду, то разрешите мне взять пистолет, оставшийся на месте, где я сидел! — сказал он, взглянув на Азимова.

— Берите! — произнес Азимов.

Партизан приподнял край матраца, постеленного на топчане, и вытащил из-под него пистолет. «Опытный человек, заранее приготовился ко всяким неожиданностям»,— подумал Азимов.

— Поймите меня! Я ведь мог думать, что это ловушка. Теперь я верю, что вы говорили правду. Можете говорить со мной. Я командир партизанского отряда Ян Штефкович. Ваши слова я передам своему начальству точно. Но не вздумайте расспрашивать меня о расположении отряда — тогда я вам ничего не скажу.

Азимов, который мечтал тайно переговорить с партизанами, обрадовался, что не с рядовым партизаном встретился, а с командиром отряда.

— Мне не нужны никакие сведения. Если вы командир, то можете ли вы организовать мне встречу с представителями Советского командования? — прямо спросил Азимов.

— На это я вам отвечу завтра в девять утра,— сказал Ян Штефкович. Они попрощались.

Выполняя обещание, Ян Штефкович назавтра в девять часов утра пришел прямо на квартиру Азимова, который сейчас же выпроводил денщика и приготовился слушать.

— Вашу просьбу я передал представителям Советского командования,— сказал Ян Штефкович.— Они не против встречи с вами. Только до этого вы должны выполнить одно важное поручение.

— Говорите!

— В этом селе в заключении находятся двадцать шесть наших партизан.

— Знаю.

— Завтра немцы хотят их отправить в гестапо в Братиславу. Вы должны помочь им бежать.

— Задание трудное! — задумался Азимов.

— Для вас, командира СС, не очень трудное. А о легком зачем вас просить? Сами сделаем.

— Ладно,— подумав, ответил Азимов.— Передайте Советскому командованию, что сегодня ночью во что бы то ни стало я выполню это задание...

Проводив партизана, Азимов стал обдумывать план спасения арестованных. Содержались эти двадцать шесть пленников в отдельном доме на краю села. Охраняли дом несколько словаков-полицаев, сигнализации между домом и штабом не имелось.

— Вызови Якумова! — приказал он своему денщику.

Вахит Якумов был одним из самых преданных своему командиру людей. Азимов спас его от смерти. Гитлеровцы хотели расстрелять Якумова как еврея. Азимов, пользовавшийся авторитетом у немцев, остановил казнь, сказав: «Я его хорошо знаю, он не еврей, он таджик». После этого Якумов беспрекословно выполнял любое приказание Азимова. Тот поставил его командиром взвода, затем повысил до должности командира роты и всегда держал поблизости от себя.

— Я хочу дать тебе очень ответственное поручение,— сказал он, когда Якумов прибыл.

— Я всегда готов выполнить любое ваше задание,— вытянулся в струнку Якумов.

— Тогда иди поближе! — произнес Азимов, взял в руки карандаш и стал чертить на листке план местности окрестностей дома, где находились в заключении партизаны...

Ночь. Якумов проснулся и глянул на часы. Время перевалило за два. Он быстро оделся и вышел. Темно хоть глаза выколи. Это было кстати. Вахит разбудил десять солдат, которые по его приказанию сегодня спали отдельно. Солдаты, которые с вечера были предупреждены о том, что ночью пойдут на опасное задание, стали тихо одеваться. О том, какое задание ждет их, они не знали. Якумов сказал лишь, что дело будет ответственное и рискованное.

— Командование соединения составляет большой секретный план борьбы с партизанами,— сказал Якумов, когда солдаты оделись, вооружились и приготовились к выходу.— В связи с этим планом мы сейчас освободим из тюрьмы партизан.

Солдаты не поняли и с удивлением переглянулись.

— Удивляться нечему. Так как план секретный, то нам ничего не объясняют. Надо делать то, что приказано, а не размышлять,— посуровел Якумов.— Надо, чтобы полицаи, стоящие на охране, не разглядели ваших лиц. Когда приблизимся, вы разделитесь по трое и нападете на охранников. Свяжите руки, заткните рты, чтобы они ни звука не издали. Если будут сопротивляться, ударьте так, чтобы потеряли сознание, только не убивайте. Поняли? Ну, пошли. Не стучите, выходите тихо.

Село спало. На улице никого не было видно.

— Отделение! — намеренно громко подал команду Якумов, когда они приблизились к тюрьме.

Солдаты, раньше шедшие неслышно, с топотом подошли к дому. Охранники, увидев, что это идут немецкие солдаты, удивились: «Сказали, что отправят в Братиславу завтра, но, видно, решили пораньше их забрать».

— Отделение! Стой! — подал команду Якумов.

Солдаты с шумом приставили ноги.

— Эй, охрана, где вы! — крикнул Якумов, не двигаясь с места.

Полицаи подбежали. Десять солдат, бывших наготове, набросились на трех охранников и в минуту их связали. Обыскав полицаев, Якумов нашел у одного из них в кармане ключ и открыл тюремную дверь. Фонарь осветил сгрудившихся пленных.

— Бегите! — громко произнес Якумов, распахивая дверь.

Пленные, не понимая в чем дело, не трогались с места, недоверчиво смотрели на людей в немецкой форме.

— Я же вам сказал, бегите! Встать!— крикнул Якумов.

Пленные начали медленно подниматься, но выходить из тюрьмы не хотели.

— Я пришел по приказу Яна Штефковича, будете вы бежать или нет? — рассердился Якумов.

Услышав имя Яна Штефковича, пленные один за другим бросились за порог и растворились в темноте. Якумов с солдатами заволок внутрь связанных трех полицаев, закрыл тюрьму снаружи на замок. Десятеро тихо, никому не попадаясь на глаза, возвратились в казарму и легли в постели.

— Молодец, настоящий джигит! Немцы решили, что ночью на тюрьму напали партизаны и сейчас паникуют,— сказал утром Азимов, пожимая руку Якумову.

На третий день Ян Штефкович сообщил Азимову:

— Сегодня в полночь вас будет ждать командир соединения советских партизан товарищ Снежинский.

— Где?

— В Татрах, на склоне горы Панские Яворина. Пароль — «Звезда».

Азимов был обрадован, взволнован и встревожен одновременно. Кажется, на этот раз его скитания среди врагов действительно подходят к концу. Неужели это близко — увидеть советского офицера, зачеркнуть перед своим именем слово «предатель»... Да, если мне поверят. Но поверят ли? О том, что было у меня на душе, никто не знает, а о действиях моих известно многим. Если со мной вообще говорить не станут? Выманят на встречу и пристрелят...

Азимов встал. За окном избы четко рисовались зубцы гор. «А-а, что колебаться. Пристрелят — так пристрелят. Есть за что. Лучше умереть от рук своих, чем продолжать идти рядом с немцами».

После того как полк уснул, Азимов сел на лошадь, звавшуюся Туркестаном, и в ночной мгле поскакал в сторону Татр. «Как меня встретят, что скажут, простят ли мне мои преступления?..»— эти мысли не оставляли его, не давали покоя.

Вскоре Азимов достиг вершины Панские Яворина.

— Пароль!— неожиданно прозвучал голос из темноты.

— «Звезда» — ответил Азимов.

К нему приблизились двое всадников. Спешились.

— Как фамилия? — спросил один из советских офицеров, стараясь разглядеть Азимова сквозь темноту.

— Азимов.

— Я подполковник Снежинский, командир соединения советских партизан. Значит, вы хотели встретиться со мной?

Азимов не мог начать. Целый день и весь путь он придумывал слова, которые он скажет,— и все они улетучились из головы. Что это — неужели страх? Азимов мысленно одернул себя, собрался с силами и заговорил — медленно, глухо.

— Я тяжело виноват перед Родиной. Я хочу искупить свою вину — насколько могу. Я намерен вместе со своим полком перейти на сторону партизан. Если мне разрешат снова встать в ряды Советской Армии, клянусь, что не щадя себя, до последней капли крови буду биться с фашистами.

Снежинский помолчал.

— Да, натворили вы много,— сказал он наконец.— Но хорошо, что хоть теперь вы осознали свой гражданский долг. Думаю, что Родина простит своего блудного сына.

— Спасибо! — дрогнувшим голосом произнес Азимов.

— А замысел ваш перейти вместе с полком мы одобряем. Но это не простое дело. Его нужно хорошенько обдумать. Вы пока что ведите подготовительную работу. Будьте бдительны и зря не рискуйте. День перехода мы назначим сами. О нем вам сообщит Штефкович,— сказал Снежинский.

Азимов кивнул.

— Содержание нашего сегодняшнего разговора мы сообщим в Москву,— заключил беседу Снежинский.

3. Накануне рождества Ян Штефкович пришел в деревню вместе с одним русским партизаном.

— Наступило время переходить вместе с полком,— сказал он, поздоровавшись с Азимовым.— Переход 24 декабря. Немцы привыкли широко праздновать рождество. Все будут веселиться и пьянствовать. Нужно этим воспользоваться, уничтожить в деревне немцев и полицаев, которые есть среди вас, а полк вывести на дорогу. Не вступайте в бой с частями в Мияве, если вы задержитесь, они могут вызвать сильную помощь, и вы не сможете уйти. Достаточно будет, если вы захватите секретные документы из штаба.

— Понятно,— обрадованно ответил Азимов.

— 24 числа партизанский отряд будет вас ждать в горах

на противоположном берегу реки Ваг. До реки всего семь километров, это небольшое расстояние. Но если вы хорошо не подготовитесь, то оно может превратиться в большое,— предупредил Ян Штефкович.

Азимову не хотелось уводить полк обманом, хотелось, чтобы все его солдаты понимали, куда идут. Следовало поговорить хотя бы с командирами рот и взводов. Но пока в полку были немецкие офицеры и мулла, командир не мог незаметно для них собрать своих помощников для такого разговора. Помог случай.

— Сынок! У наших друзей начинается праздник. Я хотел бы в это время с подарком съездить к муфтию. Да если и Вали Каюм-хану отвезу подарок, будет неплохо. Как ты смотришь, если я съезжу в Берлин? — обратился к Азимову гросс-мулла Накибов.

— Что вы, Нуритдин-ходжа! Как же ваши дети без вас встретят праздник? — Азимову с трудом удалось сделать вид, что он недоволен.

— Ну что ты! Это ведь не мусульманский праздник, который без меня нельзя провести,— недовольно проговорил Накибов.

Азимов изобразил, что он колеблется.

— Хорошо, Нуритдин-ходжа, езжайте,— наконец произнес он тоном человека, принявшего решение после мучительных раздумий.

— Спасибо! Долгой жизни тебе, родной!— обрадовался Накибов.

Азимову вдруг пришла в голову озорная мысль.

— Нуритдин-ходжа, благословите меня! — Азимов сложил обе ладони и приблизил их ко рту.

Накибов раскинул руки и стал бормотать... «Эх, если б ты, хитрый старик, знал, на что меня благословляешь!»

— Аминь!— произнес Накибов и ладонями погладил лицо. Азимов повторил жест гросс-муллы.

— Нуритдин-ходжа! Вы поручили богу, чтобы до вашего приезда я шел по правильному пути, не спотыкаясь?

— Поручил, дорогой, поручил, — произнес Накибов, принимая вопрос командира за чистую монету.— Ну, я пошел собираться. Кому ты хочешь передать привет в Берлине?

— Никому не хочу передавать привет. Я зол на них,— сказал Азимов и махнул рукой. Мулла покачал головой и вышел.

Вместе с муллой в Берлин направилось несколько немецких офицеров. Из руководства полка остался один Азимов.

Когда те, кто мог попытаться воспрепятствовать уходу полка, уехали, Азимов начал готовиться к разговору со своими офицерами.

— В деревню приходят партизаны. Предлагают перейти к ним. Как ты на это смотришь? — говорил он то одному, то другому своему помощнику, отведя его в сторону.

Однако офицеры не знали с какой целью комполка заводит такие разговоры, поэтому своих мыслей они не раскрывали, обычно делали вид, что не верят, будто в деревню приходят партизаны. Азимов было загрустил. Но потом подумал: «А как бы я поступил, если б мне предложил перейти к партизанам, ну, скажем, Гарун эль Рашид? Согласился бы, что ли? Да нет, не стал бы сомневаться, что он строит мне ловушку. Так же думают и мои джигиты. Они правы».

24 декабря Азимов встал рано. Надел форму, оружие. Вместе с Якумовым проверил готовность специально подобранного им взвода, на который они решили опереться в случае чего. В девять часов он приказал собрать в зале школы средних и младших командиров.

В девять часов Азимов стремительной походкой вошел в школьный зал. Командиры вскочили с мест.

— Товарищи! — громко воскликнул Азимов, окинув взглядом стоявших перед ним командиров.

Люди, годы не слышавшие дорогого слова, взволнованно, с изумлением, тревогой и надеждой смотрели на своего командира. А он продолжал — стремительно и четко:

— Товарищи! Нас зовет Родина. Я призываю вас вместе со мной перейти к советским партизанам.

Смутный гул прокатился по строю.

— Недавно я встретился и переговорил с командиром соединения советских партизан подполковником Снежинским. Он сказал мне: «Родина простит вас, как блудных сынов. Переходите к нам! Боритесь с фашистами за Родину!» Эти слова сказаны не только мне, они сказаны солдатам и командирам нашего полка. Мы были обмануты врагом. Разорвем обман, раскроем глаза на правду. Встанем в ряды советских людей, отомстим фашистам и искупим свою вину.

Никто не произнес ни слова.

— Возможно, вы не доверяете мне. Возможно, боитесь. Смотрите. Вот мое оружие!— Азимов снял с пояса пистолет и отдал одному из командиров.— Теперь я безоружен. Если вы все служите фашистам не за страх, а за совесть, тогда я ваш враг и вы должны тут же пристрелить меня. Только я не верю, что вы преданы фашистам. Теперь я подаю команду: кто хочет остаться с немцами, отойдите налево, кто хочет вместе со мной идти к партизанам, выходи направо!

Молчавшие до сих пор командиры, зашумели, задвигались, гурьбой перешли на правую сторону. Налево не пошел ни один человек. Азимов обрадованно улыбнулся:

— Возьмите!— сказал тот командир, кому Азимов отдал пистолет, протягивая ему его оружие.

Азимов снова пристегнул пистолет к поясу.

— Товарищи! Даю тридцать минут на сбор своих подразделений и вывод их на дорогу. Задерживаться нельзя. Нужно быстро уходить. За мостом нас ожидают партизаны. С каждым из вас пошлю по одному солдату. Вдвоем вы будете быстрее собирать своих!— Азимов, поглядев на часы, спросил:— Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда идемте.

Выходя из школы, Азимов увидел взвод, приготовленный Якумовым. Солдаты, которые хорошо знали задание, стали смешиваться с командирами, выходившими из школы.

Когда командиры начали собирать свои подразделения, раздался грохот взорвавшихся гранат. Это группа Якумова одним ударом полностью уничтожила немецкую полицейскую роту.

Полк собирался на плацу. Азимов время от времени с нетерпением смотрел на часы.

— Кроме роты Жоранова, собрались все,— доложил Якумов, обойдя строй.

— Почему Жоранов опаздывает?

— Не знаю.

— Иди и поторопи его!

Убежавший Якумов, вскоре бегом вернулся, вид у него был испуганный.

— О, аллах, Жоранов убил моего солдата и увел свою роту.

Азимов побледнел от тревоги и досады. «Вот, оказывается, кто самый настоящий предатель, как я раньше этого не узнал. Я бы его не выпустил из школы. Но он сумел притвориться таким, как другие». Азимов понимал,— среди командиров могут найтись один-два предателя. Поэтому накануне Азимов вызвал взвод автоматчиков Якумова и дал каждому солдату задание: «Если найдется командир, который по возвращении в казарму попытается предпринять предательские действия, застрели его на месте, а подразделение выведи на плац!» Все автоматчики, отправленные с командирами, возвратились. Только солдат, посланный с Жорановым, погиб... Жоранов не только убил этого солдата, он увел целую роту, которой теперь отрезан путь к спасению, к искуплению своей вины... И хуже того, Азимов послал группу надежных людей в Мияву. Они должны проникнуть в штаб, вскрыть сейф, забрать все секретные документы и принести сюда. Если Жоранов поднимет в городе тревогу, он может помешать им, погубить их...

Азимов хотел поскорее увести полк.

— Немцы идут!— закричал Якумов, наблюдавший в бинокль за окресностями.

— Откуда?

— Со стороны Миявы.

— Вот черт! — со злостью произнес Азимов.— Ну, товарищи, теперь у нас другого выхода нет. Встретим фашистов огнем. Пока мы их не уничтожим, мы не сможем уйти.

Полк Азимова знал, что у него нет другого выхода, и дрался не щадя себя. Позиция туркестанцев в Старой Турс была выгодной. Через два часа немцы отошли к городу, оставив на поле боя сотни трупов. Азимов быстро построил полк и направился в сторону реки Ваг.

Когда полк приблизился к реке, Азимов увидел взвод немцев, которые укрепляли пулеметы на мосту. Азимов быстро принял решение. Полк продолжал двигаться. Когда до моста осталось около двухсот метров, немецкий офицер вышел вперед и поднял руку.

— Пути нет!

— Как нет пути? Кому нет пути? Мне? — закричал Азимов.

— Я не обязан объяснять, почему нет пути. Я получил приказ никого не пропускать через мост,— ответил немецкий офицер.

— Какое отношение имеет этот приказ ко мне? Я командир полка СС оберштурмфюрер Азимов!

Немец, узнавший, что перед ним офицер старший по званию и вдобавок эсэсовец, замешкался.

— Я по приказу фюрера иду уничтожать партизан. Какое право вы имеете меня задерживать? — Азимов, крича это, подходил все ближе к немцу. Подойдя вплотную, он быстро ударил немецкого офицера в лицо. Тот упал.— Открывай дорогу!— и Азимов направил пистолет на упавшего.

Немец с трудом поднялся. Он увидел, что у него не хватит сил бороться с полком, сплюнув кровью, он махнул солдатам, находившимся в укрытии. Солдаты, лежавшие за пулеметами при входе на мост, отошли в сторону и открыли дорогу полку...

4. Пронзительный вой сирены пронесся над всем Берлином.

— Воздушная тревога! Все в бомбоубежище! Соблюдайте спокойствие...— перекрывая сирену, ревели репродукторы.

Каюм-хан, как только услышал звук сирены, сразу выскочил из помещения «Туркестанского комитета» и, даже не оглянувшись на своих соратников, помчался в бомбоубежище. Вместе с группой работников комитета на улицу вышел и Канатбаев.

— Посмотрите-ка на «ату». Резвость, как у мальчика,— пошутил Канатбаев, глядя на бегущего президента.

— Что же ему делать, жить хочет.

— Ну и испугался он! Говорят, что он очень любит жену, может, побежал искать ее?

— Э-э! Когда на голову падают бомбы, ему не до жены.

А вой сирены все усиливался. С грохотом стали падать бомбы — все ближе и ближе. Канатбаев, который только что шел не спеша и посмеивался над Каюм-ханом, сам побежал вместе с друзьями. Отчетливо был слышен гул самолетов. Недалеко упала бомба. Прижавшись друг к другу, Канатбаев с товарищами спрятались за углом дома. Пропустив бомбовую волну, они побежали к бомбоубежищу. Народу было много. Люди стояли, как в переполненном трамвае. На лицах отпечатался страх. Все молчали, прислушиваясь к разрывам наверху.

Канатбаев оглядел теснившихся людей и заметил Каюм-хана. Вали стоял задумавшись, хмурый и сгорбившийся. Мрачные мысли мучили его последнее время. Особенно ударило президента известие о переходе к партизанам Азимова. И ведь пора было бы привыкнуть к таким вестям — сколько легионеров сдалось Советской Армии или перебежало к партизанам. Были среди них и видные командиры, как Турамысов и даже заместитель президента Алмантаев, в 1944 году вместе с ротой легионеров ушедший к французским партизанам. Ольцша и фон Менде гневались и стыдили Каюм-хана. Но президента попреки не особенно трогали, наоборот, все эти происшествия помогали ему утвердиться в дорогом ему убеждении, что подлинными туркестанцами, верными, благородными, мужественными, являются только узбеки. И вот Азимов, чистокровный узбек... Фон Менде теперь просто не хотел разговаривать с Вали. Каюм-хан мучительно думал о том, как восстановить доверие профессора. Думал и сейчас под разрывы бомб...

Бомбежка продолжалась дольше, чем обычно. Но наконец репродуктор сообщил:

— Отбой! Воздушная тревога окончилась! Опасность миновала!

Теперь каждый старался побыстрее выбраться из бомбоубежища. Пока не увидишь своего дома и не найдешь родственников живыми, не будет спокойствия... Канатбаев и Айтбаев, стоявшие близко от выхода, вышли раньше других и направились в сторону комитета. Шли мимо старых и новых развалин — мало целых домов осталось после долгих непрерывных бомбежек. Вышли на свою Ноенбергштрассе.

— Что это? — испуганно воскликнул Айтбаев.— От нашего комитета ни щепки не осталось!

Развалины дома № 14, где помещался комитет, тихо дымились.

Подошли другие комитетчики.

— Это плохая примета. Не жить нам!— произнес Омарханов.

— Нет дома, нет и жизни. Наше дело кончено,— уныло откликнулся Салимов.

Президент подошел к туркестанцам, стоящим около разрушенного дома, и гневно посмотрел на них, на груды кирпича. Постоял и, не сказав ни слова, медленно побрел куда-то. Уже отошел, как вдруг словно вспомнил что-то и поднял голову:

— Утром собирайтесь у Восточного министерства! — и ушел, подняв воротник пальто.

У Канатбаева в голове вертелась патетическая речь. «Это твой приговор, Каюм-хан! Твое дело похоронено под этими обломками. Твой комитет исчез с лица земли. Прощай! Куда хочешь, туда и иди. Теперь судьбу народов Туркестана я возьму в свои руки. Прочь с дороги!..» Когда президент побрел от развалин, он хотел послать эту речь ему вдогонку, но, услышав его приказание, помедлил. Интересно, что сможет сказать этот шут завтра утром. Подождем.

Утром Канатбаев подошел к Восточному министерству. Комитетчики собирались, вскоре появился Каюм-хан.

— Ну, джигиты, слушайте! — важно произнес он, не вынимая рук из карманов.— Мы посоветовались с профессором фон Менде и пришли к такому заключению. Вас переведут из Берлина. Вас направят в город Дортмунд, это на северо-западе Германии. А некоторые из вас отправятся в северную Италию. Здесь останется только Хаитов с работниками газеты «Яни Туркестан». Я сегодня уеду в Мариенбад. Ну, а остальное мы уточним после.

Джигиты задумались.

— Кто из нас поедет в Дортмунд, а кто в Италию? И куда в Италию — она большая? К кому поедем? — спросил Омарханов.

— Это еще точно не известно. После обеда приходите сюда снова. Я выдам вам на руки документы и разъясню, кому куда ехать,— ответил Каюм-хан и вошел в здание Восточного министерства.

Канатбаев повел к себе на квартиру Омарханова, Салимова и других работников комитета.

— А теперь слушайте меня! — сказал он, поудобнее устроившись.— Мы не поедем ни в Дортмунд, ни в Италию. Вы своими ушами слышали, что Каюм-хан едет в Мариенбад. Знаете, зачем он туда едет? Искать свою жену, она туда отправилась после бомбежки. Аллах знает, вернется он или не вернется. Его друг Хаитов остается здесь. Он ни с кем из нас не хочет считаться, говорит, как можешь, так и поезжай, куда тебе назначено. А сейчас ездить очень трудно. Ездят одни военные. На какой-нибудь станции выбросят из поезда — и делай что хочешь. Нет, мы не пойдем по пути, указанному Каюм-ханом. Мы поедем в Дрезден и покамест устроимся в институт «Арбайтсгемайн-

шафт Туркестан» у господина Ольцши, а потом войдем в комитет Власова. Другого пути для нас нет.

— А Ольцша пустит нас в свой институт?— спросил Омарханов.

— Пустит. В этом отношении положитесь на меня. Я составлю список и сейчас же пойду к Ольцше. Он сам говорил: присоединяйтесь к Власову. Он окажет нам помощь. Пока я буду договариваться с Власовым, поработаете в институте Ольцши. Ему нужны кадры.

— Не возражаю,— промолвил Омарханов.

Остальные тоже решили ехать вместе с Канатбаевым в Дрезден.

— Договорились...— сделал вывод Канатбаев.— Идемте, время обеденное, надо поесть.

Туркестанцы зашли в китайский ресторан на улице Завернер, поели и направились на электричку.

— Стойте! — остановил одетый в штатское немец Омарханова и Айтбаева, вышедших из ресторана позже всех.— Как фамилия? — спросил он, показывая полицейский жетон.

— Айтбаев.

— А ваша?

— Омарханов.

— О! Вы мне нужны,— сказал немец Омарханову.

— Зачем? — удивился тот.

— Где Салимов? — вместо ответа спросил немец.

— Не знаем,— ответил Айтбаев, видя, что ему-то опасность не угрожает.

— Нет, вы должны знать. Покажите мне Салимова!

— Как мы покажем, если этого человека здесь нет.

— Ну, если так, то вы пойдете со мной!— немец поглядел на молчавшего Омарханова.

Тот пожал плечами и пошел вместе с немцем.

Айтбаев последовал за ними на некотором расстоянии. Куда Омарханова ведут? За что его схватили? Почему ищут Салимова? Опять чей-то донос? Айтбаев не нашел ответа на эти вопросы.

Немец и Омарханов зашли в здание гестапо. Айтбаев постоял пару минут и поспешил в Восточное министерство.

— Омарханова схватило гестапо!— захлебываясь, доложил он Каюм-хану, который с группой джигитов стоял около министерства.

— За что?

— Что он натворил?

— Нужно его освободить!— зашумели рассерженные и встревоженные джигиты.

— Работники гестапо и тебя разыскивают. Берегись!— сказал Айтбаев, увидев в группе Салимова.

— Что им от меня нужно? — разозлился Салимов.

Все посмотрели на Вали.

— Значит так, господин Каюм-хан! Кого ты только ни сажал,— меня сажал, теперь принялся проследовать Салимова?— грозно произнес Канатбаев.

Растерянный президент не знал что ответить. Его взгляд упал на лицо Канатбаева: тонкая кожа рассеченного гестаповцем века колыхалась.

— Я ничего не знаю! Клянусь честью!— испуганно воскликнул Вали.

— Кто же тогда знает? Разве без вашего согласия гестапо примется за работников комитета? — наступал на него Канатбаев.

— Я же ничего недозволенного не делал, должно быть, вы им что-то обо мне сказали,— и Салимов придвинулся к президенту.

Если бы в группе не было Салимова, Каюм-хан припугнул бы своих работников, сказав: да, я сообщил в гестапо об Омарханове, я знаю, что делаю, заткнитесь. Но при Салимове он не решился сказать так.

— Я ничего не сообщал, наверное, вы сами что-то натворили,— сказал Каюм-хан, боязливо пятясь.

— А ну, пойдем в гестапо, там все узнаем!— произнес Канатбаев и повел джигитов за собой. Каюм-хан остался на месте.

— Я не пойду в гестапо, еще схватят,— сказал Салимов по дороге.

— Не бойся. Никто не пойдет в гестапо. Я специально это сказал перед Каюм-ханом. Сейчас пойдем к Ольцше. Он поможет освободить Омарханова,— сказал Канатбаев.

Вместе с товарищами Канатбаев направился в район Вальмерсдорф. Недавно учреждение Ольцши перебралось в дом на площади Фербеллинер, где находился иностранный отдел НСДАП. Кроме Канатбаева, никто из туркестанцев еще не бывал здесь.

Канатбаев оставил товарищей в пропускном бюро, а сам пошел к Ольцше. Доктор одобрил его решение перебраться в Дрезден и утвердил список людей, которые по-

едут туда. Он позвонил в гестапо и дал распоряжение освободить Омарханова и прекратить преследование Салимова, попросив, чтобы Омарханова направили в управление СС. От Канатбаева он потребовал, чтобы тот быстрее договаривался с Власовым и включался в дело.

— Говорил же я вам, что Ольцша для нас сделает все. Если будешь все выполнять, что он прикажет, он всегда нас поддержит,— сказал обрадованный Канатбаев, вернувшись к комитетчикам.

— Ну и что он предпринял?— нетерпеливо спросил Салимов.

— Он позвонил по телефону в гестапо и сказал: освободите Омарханова и не ищите Салимова. Омарханов должен сейчас прибыть.

— Ну, а что он приказывает делать нам?

— Он потребовал, чтобы мы побыстрее объединились с Власовым. Вот это письмо он написал на имя Шломса, управляющего делами института «Арбайтсгемайншафт Туркестан». Дал необходимые документы и деньги на дорогу. Вот тут адрес и телефон института: Ташенбург Палэ, 3, телефон 24—7—31. Что больше вам надо?

Комитетчики остались довольны.

— Эй, что это с вами, чего расшумелись? — крикнул им Омарханов, подходя к ним. Джигиты окружили Омарханова.

— Чуть было не засадили, собаки,— смеясь произнес Омарханов.— Они говорят, что мы вместе с Салимовым вчера после воздушного налета паниковали, говорили, что пропали и вообще занимались пораженческой пропагандой. Я сказал: это не так, мы так говорили потому, что дом, в котором был комитет, разрушен и мы расстроились. Нет, говорят, ты сеял страх, а ты знаешь, что по закону военного времени паникеров расстреливают.

— А потом?

— Потом сказали: «Ты зачем-то понадобился главному управлению СС. Иначе бы тебя расстреляли. Если попадешься во второй раз, расстреляем. Пошел вон». Я и пошел.

Джигиты рассмеялись.

— Я сразу же понял, что это по доносу Каюма. Что за вредный человек, а! Вместо того, чтобы заботиться о своих работниках, он ищет возможность уничтожить их. Интересно, что бы он стал один делать, если бы ему удалось всех нас уничтожить? — продолжал, начиная злиться, Омарханов.

— Ладно, пусть эта собака остается вместе со своим щенком Хаитовым, если хочет. А мы завтра уедем,— заключил Канатбаев.

Договорились о том, где завтра встретиться, чтобы ехать в Дрезден, и разошлись по своим квартирам.

—•—

ЭПИЛОГ

Алма-Ата. Улица Дзержинского. Серое, с большими окнами здание Наркомата госбезопасности Казахской ССР Замнаркома полковник Кенжалин, опытный контрразведчик, проработавший в органах двенадцать лет, за отличную службу в годы войны награжденный орденом боевого Красного Знамени, допрашивает Ольцшу.

Заочно Кенжалин давно знает матерого фашистского волка, руководившего действиями гитлеровской разведки против Советского Казахстана и братских республик Средней Азии. Недавно они познакомились и лично: Кенжалин истребовал из оккупированной Германии задержанного там Ольцшу.

Кенжалин доволен: наступило время подведения итогов, и итоги эти совсем не плохие. Чекисты Казахстана успешно ликвидировали все разведывательно-диверсионные группы, которые забрасывались гитлеровцами на территорию республики в 1944—1945 годах. Своевременно предотвращена серьезная опасность. А теперь один из организаторов шпионажа и диверсий сидит перед ним на стуле и рассказывает, подробно рассказывает, чтобы спасти свою шкуру, всю бесславную историю создания и падения «Большого Туркестана».

— Говоря честно,— продолжает Ольцша,— я задолго до окончания войны понял, что все мои действия против вас не приносят никакого результата. Единственное исключение — работа группы Кокпаева. Но с ней связь была потеряна после того, как линия фронта перешла государственную границу СССР.

— Вы уверены, что группа Кокпаева на самом деле работала на вас?

— А как же?

— Ошибаетесь. Действиями группы руководили чекисты.

Ольцша впился глазами в лицо чекиста — может быть, обманывает? Хитрит? Затем тяжело опустил голову.

— Вам не назвать ни одного человека, который бы проявил героизм, мужество, сражаясь за ваш «Большой Туркестан». А я могу назвать десятки имен участников этой войны, удостоенных звания Героя Советского Союза — казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков. Тысячи, десятки тысяч награждены орденами и медалями за отвагу, храбрость, верность Советской Родине. И это яснее всего показывает, как вы просчитались.

Арестованный удивленно поднял голову.

— Вы не верили в нерушимую дружбу народов Советской страны. Считали, видимо, что это выдумка большевистской пропаганды. А эта дружба — факт. Факт огромного исторического значения. В нашей конституции записано право каждой союзной республики выйти из состава СССР. Но такой вопрос ни одна из них никогда не поднимала и, уверяю вас, не поднимет. Все мы знаем, что наше единство, наше братство — залог свободы и счастья. И только отщепенцы, враги своего народа, такие как Чокаев и Каюмхан, и предатели, вроде Хаитова и Канатбаева, могут выступать против него.

Ольцша закивал и жалостливо посмотрел на чекиста. Затем перевел взгляд за окно, туда, где кудрявились кроны деревьев пионерского парка, и глубоко вздохнул.

«Неужели он рассчитывает на нашу жалость, снисходительность? Неужели он так наивен? — подумал Кенжалин.— Нет, конечно, играет в наивность. И напрасно. Как ваши хозяева, Ольцша,— Геринг, Риббентроп, Розенберг отвечают сейчас перед Нюрнбергским трибуналом, так и вы ответите перед нашим судом».

— Продолжим,— сухо сказал он.— Уточним некоторые детали. Итак, куда уехал Канатбаев?

— Он с небольшой группой своих приятелей по моему указанию выехал в Дрезден. 13 февраля Дрезден был до основания разрушен английской авиацией. Мой институт «Арбайтсгемайншафт Туркестан» и «мулла-шуле» были разбиты в прах. После бомбежки Канатбаев уехал в Мариенбад и встретился с Власовым. Но предпринять что-либо они уже не успели — ваши войска подходили слишком стре-

мительно. Они бежали на запад. Власова вы поймали, а Канатбаев оказался удачливее и добрался до англичан.

— А где теперь находится Каюм-хан?

— Он вместе с Хаитовым попал к американцам.

— Откуда это вам известно?

— Мне рассказала об этом его бывшая жена Руд Хендшель. Она его, собственно, американцам и выдала, а сама тут же вышла замуж за одного немца-коммерсанта. Впрочем, Каюму у американцев, кажется, неплохо.

Кенжалин задумался. Да, он знал, что Каюму и другим, подобным ему, предателям совсем не плохо в американском и английском «плену». Нет сомнения, что англо-американские империалисты попробуют использовать этих недобитков в тайной войне против Советского Союза. Есть сведения, что в английской и в американской зонах оккупации бывших советских военнопленных, связанных позже с Туркестанским легионом, собирают в специальных лагерях и подвергают усиленной обработке.

Война кончилась победой. Но та война, которую ведут Кенжалин и его товарищи против тайных происков империалистов, продолжается. Он и сейчас на переднем крае невидимого фронта этой войны.

Кенжалин взглянул на грустного Ольцшу и сказал:

— Продолжаем. Ответьте мне...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор Ф. Жанузакова.
Художник А. Островский.
Художественный редактор А. Смагулов.
Технический редактор К. Фаритденов.
Корректоры М. Кац. Н. Огнева
Сдано в набор 1/XII—71 г. Изд. № 87. Подписано к печати 15/VIII—72 г. Бумага типографская № 3. 84×108$^{1}/_{32}$—9 печатных лист.— 15,12 усл. п. л. (Уч.-изд. 16,73 л.). Тираж 200 000 экз. (1—100 000 экз.)
Цена 63 коп.
Заказ № 42. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати. Алма-Ата, Пастера, 39.

63 к.